Ги Бретон

Лукавые истории из жизни знаменитых людей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Французский историк и писатель Ги Бретон сумел нетрадиционно взглянуть на жизнь некоторых известных людей, живших в разное время. Изучив немало документов и воспоминаний, автор рассказывает о переживаниях юного Бальзака, мистификациях Мериме, любвеобильности Жорж Занд, неожиданном аскетизме Рабле, сексуальной невоздержанности Гюго, предрассудках Наполеона, простодушии Золя, а в заключение приходит к выводу о том, что Дон Жуана можно причислить к лику святых. Книга оформлена рисунками В.Д.Воронина.

-
- ОТРОЧЕСТВО БАЛЬЗАКА, ИЛИ ВОСПИТАНИЕ ГЕНИЯ
  -
- КАК МУЖ ЖОРЖ САНД ПРОСИЛ НАГРАДИТЬ ЕГО ОРДЕНОМ ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА ЗА ТО, ЧТО ОН БЫЛ... РОГОНОСЦЕМ
  -
- ШУТКИ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ
  -
- РАБЛЕ БЫЛ СОВСЕМ НЕ ПОХОЖ НА СВОИХ ГЕРОЕВ
  -
- СТРАННЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ ЗОЛЯ
  -
- РИВАРОЛЬ И ЕГО АФОРИЗМЫ
  -
- ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ ВИКТОРА ГЮГО
  -
- КАК АЛЕКСАНДР ДЮМА ПРИНИМАЛ В ВАННОЙ СВОИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
  -
- КАК МАРКА ТВЕНА СПРАШИВАЛИ, НЕ СЧИТАЕТ ЛИ ОН СЕБЯ СВОИМ БРАТОМ
  -
- ТАЙНА СИМЕНОНА
  -
- МАРГАРИТА БУРГУНДСКАЯ БЫЛА СОВСЕМ НЕ ТАКОЙ, КАКОЙ ВЫ СЕБЕ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ
  -
- СУЕВЕРНЫЙ НАПОЛЕОН
  -

- ОНОРЕ ДОМЬЕ, ИЛИ ДОБРОТА САТИРИКА
  - ○
- ТАК БУДЕТ ЛИ КАНОНИЗИРОВАН ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ ДОН ЖУАН?
  - ○
- РАСПУТНАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЯ ДАГОБЕРА
  - ○

Посвящается моим друзьям
ЖАКУ И МАДЛЕН ДАТЕН

В школьные годы я имел обыкновение рисовать на полях тетрадей карикатуры на писателей, произведения которых мы изучали.С присущей пятнадцатилетнему подростку жестокостью я изображал их в гротескном виде. Например, нос Цицерона украшала огромная бородавка. Золя целиком умещался за стеклами своего пенсне, лоб Виктора Гюго был настолько велик, что доставал до небес, Ламартин окунал свое перо в озеро фиолетовых чернил, Франсуа Коппе носил сердце на перевязи, а Шатобриан заливался горючими слезами, любуясь собой в зеркало...Что же касается Вийона, которого я рисовал на уроках глубокоуважаемого Марио Рока в Коллеж де Франс, то он скорее походил на Шарля Трене из «Зачарованной дороги», нежели на человека, которому свойственны все земные пороки.

Словом, я изображал их такими, какими они представлялись мне, когда я читал между строк их биографические очерки.От этой привычки мне так и не удалось избавиться... И даже тогда, когда я работал над другими книгами, писал «Любовные истории в истории Франции» или описывал свои приключения в парижских сектах, я продолжал машинально рисовать карикатуры на знаменитых людей. В этой книге я постарался изложить словами то, что рисовал карандашом. Их импровизированные портреты имеют скорее карикатурное, нежели реальное сходство. Короче говоря, они напоминают тех человечков, которых я когда-то непринужденно рисовал на полях своих ученических тетрадей.

ОТРОЧЕСТВО БАЛЬЗАКА, ИЛИ ВОСПИТАНИЕ ГЕНИЯ

Монотонно тянется урок по древней истории. Стоя у доски, на которой дежурный написал «5 июня 1809 года», учитель равнодушно рассказывает о галльской войне:

— И тогда Цезарь соединился со своим полководцем Лабиенусом.

В третьем ряду краснощекий ученик, подперев щеку рукой, демонстрирует полнейшее равнодушие к античному Риму. Он мечтает, устремив взор на растущий во дворе платан, несколько веток которого заглядывают в окно.

— Месье Бальзак, о чем вы думаете? Опять витаете в облаках?

Тридцать пар глаз исподтишка наблюдают за тем, кого учитель только что окликнул своим скрипучим голосом. Бедняга, погруженный в свои мечты, даже не пошевелился.

— Месье Бальзак, я к вам обращаюсь.

— Ну же, Оноре, ответь,— шепчет ему сосед по парте.

Мальчик открывает, наконец, свои огромные глаза и с удивлением оглядывает учителя, своих товарищей, старый класс Вандомского коллежа. Словом, ту действительность, от которой мечты унесли его далеко-далеко. Как человек, которого только что разбудили, он не торопится стряхнуть сон окончательно. Наконец, он сглатывает слюну и бормочет:

— Мой генерал! О, святой отец...

Весь класс взрывается от хохота.

Учитель, почтенный ораторианец, подходит к его парте.

— Вы, как обычно, бездельничаете! Мало того, вы насмехаетесь над учителем. Отправляйтесь в карцер!

Лицо Оноре вспыхивает.

— Хорошо, отец мой...

Он встает, но учитель останавливает его:

— Покажите мне вашу работу!

Оноре, краснея, протягивает тетрадь.

— Вы не только ленивы, месье Бальзак, но и безмерно горды.

Демонстрируя тетрадь классу, учитель продолжает сухим тоном:

— Посмотрите, месье, чем забавляется ваш одноклассник.Он возымел наглость поставить свое имя рядом с именем императора и исписал целую страницу словами «Юлий Цезарь, Наполеон, Бальзак, Юлий Цезарь, Наполеон, Бальзак...» Вы заслуживаете наказания, маленький лентяй. Если и дальше вы будете продолжать в том же духе, я вынужден буду поставить в известность ваших родителей... Месье Верден, отведите месье Бальзака в карцер для учеников младшего класса.

Этот карцер был самым мрачным в Вандомском коллеже. Кому-кому, а Оноре это было хорошо известно. Он проводил в нем три-четыре дня в неделю. Вот он идет за надзирателем по грязным и сырым коридорам старинного здания к угловой башне, фундамент которой с XVI века омывают воды Луары.

В камере темно. Зарешеченное окно выходит на реку, и до юного Оноре долетают знакомые удары вальков, которыми прачки выколачивают белье. Место, отведенное для стирки белья, находится как раз рядом с башней. Улыбающиеся и говорливые вандомки в белых чепцах сменяют друг друга в течение всего дня.

Взобравшись на стол, Оноре может даже увидеть мирно текущую Луару. Но ему не до этого. Едва в коридоре затихли шаги отца Вердена, как Оноре бросается к двери и напрягает слух. Чего же он ждет? В коридоре вновь слышится звук шагов. В замочной скважине тихо поворачивается ключ, и дверь открывается. Входит старик, прижав палец к губам. Это отец Лефевр, библиотекарь. В руках у него две дюжины книг.

— Тебя опять наказали,— говорит он, улыбаясь, юному заключенному.

Поскольку Оноре ничуть не смутился, он лукаво добавляет:

— Я спрашиваю себя, уж не делаешь ли ты это специально, чтобы читать книги, которые я имею слабость тебе приносить...

— О, отец мой, - для вида протестует Оноре.

— Впрочем, может быть, ты и прав. Хорошо учить лишь то, к чему лежит душа... Смотри, вот «Естественная история» Бюффона, «Логика Пор-Руаяля», шестой том «Истории» Геродота, «Трактат о нравах» и «Театр» Расина. Можешь наслаждаться.

У Оноре от радости блестят глаза. Он благодарит доброго отца Лефевра, который собирается возвратиться в свою библиотеку (в ней 10 тысяч томов, и юный Бальзак, питающий настоящую страсть к чтению, надеется познакомиться со всеми).

До самого вечера Оноре читает. Читает лихорадочно, запоем,

испытывая при этом пьянящее наслаждение. Когда сумрак заполняет камеру, он откладывает книги, но не засыпает сразу же. Он отдается во власть мечтам, придумывает необыкновенные истории, явственно представляя себе каждую подробность. Вот он пленник англичан во время Столетней войны, и в тихом плеске Луары о стены коллежа ему слышится рокот морских волн... Он представляет себе или, скорее, «вспоминает» все перипетии, которые приводят его из Тура, где он командовал отрядом лучников, в эту подземную тюрьму (в этот каменный мешок)...

Сражения, победы, встречи с королем, переправа через Ла Манш — все это проносится в воображении Оноре, поочередно становящимся то одним, то другим героем переживаемых им приключений.

10-летний воспитанник Вандомского коллежа, коротконогий и неловкий мальчишка, который не может даже стать на самокат, чтобы тут же с него не грохнуться, наделен удивительной силой воображения. В какой-то момент придуманные им персонажи оживают, их действия становятся менее предсказуемыми, а их высказывания более реальными. Забившись в угол своей камеры, Оноре с восхищением следит за событиями придуманной им самим истории, безусловно, не отдавая себе отчета в том, что это его первые романы. Ему кажется, что сочинять истории так увлекательно и так легко. Однажды он запишет их для своей сестры Лоры, которая ждет его в Туре. Она обрадуется и приедет к нему... Он буквально зачарован этой мыслью. Он обожает свою сестру. Разумеется, он любит и 7-летнюю Лоране и, конечно, полюбит маленького Анри, который только недавно появился на свет и которого еще не видел... Но Лора уже сейчас его друг и доверенное лицо... Она лучше всех... Как она радовалась, когда приезжала в Пак повидать его с родителями...

Ну вот! Оноре сразу сник. Он вдруг вспомнил слова учителя: «Если вы и дальше будете продолжать в том же духе, я буду вынужден поставить в известность ваших родителей...».

Как они воспримут жалобы учителя? Особенно мать. Оноре ее немного побаивается. Между тем, она хороша собой, эта молодая мадам Бальзак: ее синие глаза, белокурые волосы и грациозность, как у дам XVIII века, просто очаровательны. Вдобавок ко всему она получила воспитание в Париже в заведении дам де Сен-Серван, которые внушили ей «принципы» и выковали твердый характер. Она не потерпит никаких фантазий у своих детей. И Оноре, столь впечатлительному, частенько приходится сдерживать порывы нежности... Отец же... Оноре улыбается в темноте... Славный человек, который на 32 года старше жены, гораздо снисходительнее... А потом, он такой оригинал... Ну

разве не смешная идея взбрела ему в голову после того, как он покинул отчий дом близ Альби,— сменить фамилию Бальса на Бальзак? Последняя, правда, куда благозвучнее, говорит себе Оноре, она прекрасно смотрится на обложках книг, которые публикует его отец. А Бернар-Франсуа не только занимается продовольственным снабжением больницы, он еще пишет «Записки» на самые различные темы: «Бешенство», «Девушки, покинутые своими соблазнителями», «Способ не дать себя обворовать», «Необходимость воздвигнуть триумфальную арку во славу императора»...

Оноре забыл об угрозе учителя. Он тоже мечтает написать книгу... Завтра же он начнет «Трактат о воле», над которым он уже думал и который, безусловно, займет достойное место в истории литературы. Его мозг сразу же начинает работать. Он загорается, намечает план книги и хотел бы приступить к ней незамедлительно... Но когда на колокольне Сен-Мартен часы отбивают 10 часов вечера, маленький воспитанник Вандомского коллежа уже спит глубоким сном в своем карцере.

Сон у Оноре де Бальзака в это время был куда крепче, чем сила воли...

* * *

Четыре года спустя, в 1813 году, здоровье Оноре, изнуренного чтением, стало беспокоить учителей. Он был худой, бледный, отупевший и опьяневший от идей... В то время, когда его считали отпетым лентяем, который за шесть лет сумел получить только один похвальный лист по латыни, он прочитал около 6 тысяч томов.

Позднее Оноре описал это в повести «Луи Ламбер»: «Усвоение идей через чтение стало у него любопытным процессом; его взгляд разом охватывал 7-8 строк, его рассудок в это время улавливал их смысл; порой ему достаточно было одного слова для того, чтобы понять смысл всей фразы...».

У Оноре уже появилось желание писать. Он сочинял стихи, разумеется, плохие,— написал начало трагедии и эпопею о жизни инков. Затем он написал знаменитый «Трактат о воле». Однако Оноре не мог думать о нем без грусти.

Трактат был уже почти закончен, когда учитель нашел его в парте и сжег на виду у всего класса. Правда, перед этим он зачитал несколько фраз ученикам, которые потешались над высокопарным стилем трактата. Все так насмехались над бедным автором, что ему пришлось навлечь на себя гнев учителя, чтобы тот отправил его в карцер и он смог там выплакаться...

Между тем учителя не усмотрели связи между первыми литературными шагами Оноре и его истощенностью.

— Право, не возьму в толк, где мог переутомиться этакий лентяй,— сказал директор коллежа и написал мадам Бальзак, чтобы она приехала и забрала своего сына. Оноре возвратился в Тур. Увидев его, мадам Салламбер, его бабушка, была глубоко огорчена.

— Мы отправляли в коллеж здоровых детей, и вот какими он нам их возвращает,— вздыхала она.

Оноре ничего не говорил. Он знал, что коллеж ни при чем и что он сам довел себя до истощения. Но сожалений он не испытывал. Он был счастлив, что ему удалось узнать столько интересного. Однако у него временами так сильно кружилась голова, что ему приходилось держаться за стену. Это его немного пугало. Разве мог он предположить, что накопленные им за четыре года знания систематизируются у него в памяти и в один прекрасный день дадут ему в руки самое изумительное орудие труда, о каком только может мечтать писатель?

После нескольких месяцев отдыха и спокойной жизни Оноре вновь обрел прекрасный цвет лица и свою обычную веселость. Ему минуло 14 лет, и его стали интересовать хорошенькие обитательницы Тура... Он наблюдал за ними из окна и жестоко завидовал военным, на которых, как он успел заметить, были направлены их взоры. Иногда какая-нибудь девушка, подняв голову, встречалась с сияющими глазами подростка. Забавы ради она улыбалась. А Оноре, вне себя от радости, возвращался к брату и сестрам и устраивал для них необычно шумные игры, названия и правила которых он придумывал сам...

В феврале 1814 года месье Бальзак возвращался из больницы с новостями, которые радовали весь дом.

— Еще одна победа! —сообщал он.— Наши войска нанесли поражение войскам союзников в Сен-Дизье, в Монмирайе и в Монтеро. Да! Если бы наш император следовал моим принципам, он мог бы прожить до ста лет. Какая слава для Франции! Он донесет наши знамена до самого Китая...

Тут вмешивалась мадам Бальзак:

— У императора нет времени пить березовый сок весной, как это делаете вы, мой друг. У него много других дел...

— Вот и напрасно. Он не проживет так долго, как я. *Я* увижу, может быть, 1850,.. 1900,.. 1950...

Мадам Бальзак пожала плечами.

— Нелегко прожить первые сто лет, дальше — легче,— продолжал веселый гасконец.

В уголке сада Оноре комментировал брату и сестрам эти новые победы. Он сравнивал Наполеона с химическими веществами, присутствие которых в организме ведет к

значительным изменениям.

— Он изменит мир путем гигантского катализа,— заявил Оноре.

Мадам Бальзак, проходившая мимо, улыбнулась.

— Бедный мой Оноре, замолчи сейчас же. Ты сам не знаешь, что говоришь. Ты употребляешь слова, значение которых тебе, конечно, неизвестно.

Когда она ушла, Оноре сказал:

— Мне известно гораздо больше, чем думают. Вот увидите, когда-нибудь о вашем брате заговорят так же, как говорят о Наполеоне. Я буду знаменит. Я в этом уверен!

Дети только рассмеялись и стали делать ему реверансы.

— Да здравствует великий Бальзак!

— Вот увидите, вот увидите,— беззлобно повторял Оноре.

В конце 1814 года, когда Оноре чах в турском лицее, судьбе было угодно опередить его желания и отправить его туда, где он и сам в конце концов, по всей видимости, оказался бы. Правительство Реставрации назначило его отца интендантом Первой парижской дивизии.

Париж! Оноре потрясен. Он навещал там однажды бабушку и дедушку. В то единственное посещение все улицы показались ему полными тайн, женщины — красавицами, а мужчины — богачами.

Впрочем, все семейство было радо выбраться из провинции. Начиная с мадам Бальзак, которой очень хотелось уехать из города, где почти открыто говорили, что к рождению Анри месье Бальзак непричастен и что счастливым отцом можно скорее назвать месье Маргонна, близкого друга семьи...

Чем же будет заниматься Оноре в Париже? Сначала он завершит образование в «пансионе Лепитр», затем поступит на факультет права, а потом будет слушать лекции в Сорбонне, где преподавали профессор Виллемен, получивший кафедру ораторского искусства в 28 лет, историк Гизо и философ Кузен. Всякий раз он возвращался из университета воодушевленный и делился впечатлениями с сестрой.

— Послушай, Лоретта, среда, климат, страна имеют неоспоримое влияние. Вот что нужно изучать, чтобы узнать людей. Когда я буду писать, я возьму себе за правило эту теорию месье Виктора Кузена.

Лора широко открывает глаза:

— Что ты будешь писать?— Я еще не знаю.

— Все меня влечет. Мне хотелось бы все описать...

Пока же он работает клерком у адвоката... Месье Бальзак решил, что такой путь более надежный для получения степени

бакалавра права. Оноре работает в конторе у месье Гийонне-Мервиля. Контора адвоката, по правде говоря, была больше похожа на редакцию, нежели на строгое бюро министерского чиновника. Эжен Скриб, не мечтавший еще о театре, служил там писарем, а будущий критик Жюль Жанен мальчиком-рассыльным...

Эта новая среда захватывает Оноре целиком, как всегда... А еще был Париж, опьянявший его. Родители Оноре поселились в квартале Марэ, на улице Тампль, в доме № 40, и старинные особняки XVII века просто очаровывали молодого Бальзака. Вечером, возвращаясь домой, он заходил иногда в пустынные и молчаливые дворики, где из-под брусчатки пробивалась трава, и, забравшись под лестницу, давал волю воображению: по брусчатке стучали колеса карет, в них ехали прекрасные дамы...

Дорога в университет — это повод для бесконечных шатаний по бульварам, вокруг Оперы, вдоль набережных, где можно почитать книги у букинистов. Если Оноре не успевал прочитать книгу, он делал в ней пометку и возвращался на следующий день. Он бродил по всем кварталам, останавливался перед балаганными зазывалами на бульваре Тампль, с завистью смотрел на молодых буржуа, развлекавшихся и танцевавших в кафе, восхищенным взглядом провожал коляски, увозившие хорошеньких женщин вверх по Елисейским полям.

Поскольку у него не было денег на посещение театров, Париж был для него единственным — и поистине великолепным — спектаклем...

Оноре минуло 20 лет, и нет ничего удивительного в том, что в нем заговорило вполне естественное честолюбие.

Публиковаться? Нет, не сейчас. Слава? Он ни минуты не сомневался в том, что она к нему придет. Обновить свой гардероб? Он не кокетлив. Научиться танцевать? Он отказался от этой мысли с тех пор, как однажды неуклюже растянулся посреди зала под дружный хохот всех присутствовавших. Стать бакалавром права? Э, нет. Самым его жгучим, непреодолимым желанием было иметь любовницу...

Оноре, разумеется, не собирался рассказывать о своем заветном желании никому, даже Лоре. Впервые в жизни он оказался один на один с серьезной проблемой. Он без чьей-либо помощи должен был отыскать женщину, о которой мечтал, и понравиться ей. Ни сестра, ни отец не могли подсказать ему тех слов, которые нужно будет ей сказать.

И Оноре овладел страх. Бог мой, как же это трудно!.. Никогда он не сумеет этого сделать! Он чувствует себя таким провинциалом. А потом, разве он хорош собой? В волнении он

бежит к зеркалу. Конечно же, нет! У него короткие ноги, его рост всего-навсего 1 м 65 см, волосы такие непослушные, а лицо красное и все в прыщах! Правда, сестра говорила ему, что у него чудесные золотистые глаза, но разве этого достаточно? И потом, стоит ли доверять сестре в таком деле?

Однажды утром по дороге во Дворец Правосудия он встречает белошвейку и идет за ней следом. Из-под вышитого чепца у нее выбиваются белокурые волосы. У незнакомки хорошенькие глазки и чарующая походка... Хватит у него смелости заговорить с ней? На углу площади Дофин она оборачивается и улыбается Оноре. Он в растерянности. Что нужно делать?

Он останавливается, чтобы лучше поразмыслить. Когда он поднимает голову, незнакомки и след простыл... Конечно, она зашла в один из домов. Он ждет и лихорадочно придумывает фразу, с которой обратится к ней: «Разрешите мне, мадемуазель...» Нет, не то. «Позвольте представиться»... Нет, не пойдет. «Мне кажется, мы с вами уже где-то встречались?» Ну вот. Это, кажется, как раз то, что надо.

Оноре горд своей находкой. Никому и в голову никогда не приходило воспользоваться такой уловкой, чтобы познакомиться с женщиной. Прекрасная фраза: «Мне кажется, мы с вами уже где-то встречались?»

Но вот и она. В одно мгновение он забывает заранее приготовленную фразу. Боже, до чего же хороша незнакомка! Бросив на Оноре лукавый взгляд, кокетка направляется в сторону Нового моста. Забыв о Дворце Правосудия и о клиентах в конторе месье Гийонне-Мервиля, Оноре следует за ней. На мосту — пробка. Они останавливаются. Оноре стоит совсем рядом с девушкой. Он может коснуться ее рукой... Какое странное ощущение... Сердце колотится у него бешено, а на языке вертятся разные фривольные словечки... Конечно, он больше не вспоминает о заготовленной заранее фразе. Между тем, он решается заговорить с ней... Но, боже, что он болтает!

— Мадемуазель, вы очень хороши собой...

Она делает вид, что не слышит его. Он бормочет:

— Меня зовут Оноре!

— Весьма польщена! — отвечает незнакомка и делает реверанс.

Затем она заливается смехом и бежит на другую сторону улицы. Несчастный клерк смотрит ей вслед, на глазах у него слезы. Он еще долго стоит у моста, не в силах сдвинуться с места...

Вечером он запирается у себя в комнате и с утроенным рвением набрасывается на книги по юриспруденции. В девять

часов он должен ложиться спать! Мадам Бальзак категорична в этом вопросе. Но рана еще слишком свежа, чтобы он мог уснуть. Он ненавидит женщин. Он больше на них не взглянет! И тут же, не замечая, что сам себе противоречит, клянется стать знаменитым, чтобы пленять женщин не комплиментами галантерейщика, а чем-то иным...

* * *

Однажды вечером он влетает в дом, искрясь от радости.

—В чем дело? — спрашивает месье Бальзак.

—Свершилось! — едва переведя дух, кричит Оноре.— Отныне я бакалавр права!

Все бросаются поздравлять его. После восторженных поцелуев и объятий садятся за стол. На десерт пьют шампанское. Затем месье Бальзак исполняет новую песню Беранже. Закончив пение, он берет Оноре под руку и говорит ему:

— Пойдем в мой кабинет, поговорим о твоем будущем.

В большом волнении Оноре следует за отцом. Он может, наконец, поверить ему свою мечту: он хочет стать писателем...

Войдя в кабинет, месье Бальзак, поглаживая бакенбарды, старается принять серьезный вид.

— Дитя мое,— говорит он,— я возлагаю на тебя большие надежды...

Оноре слегка краснеет. У него тоже есть честолюбивые планы. Неужели отец обо всем догадался? О его призвании, о его любви к литературе? Вне всякого сомнения... Это чудесно! Но почему отец ничего не говорил раньше? Действительно ли он догадался? Месье Бальзак так увлечен изучением Китая, что, похоже, не замечает, что делается вокруг...

Дорогой отец... Как же он мило выглядит в своей потертой жилетке и белом широком галстуке, который носили еще во времена Директории. И как прекрасен этот день!

— Я не хочу, чтобы ты стал служащим, как и я, или торговцем,— говорит отец.

— Разумеется,— бормочет Оноре.

— Я мечтаю, что ты станешь знаменитым и прославишь нашу фамилию.

Бакалавр вне себя от радости, на глазах его выступают слезы.

— Ты любишь писать... Значит ты станешь...

— Поэтом! — восклицает Оноре.

— Нотариусом! — говорит отец.

Оба восклицания прозвучали одновременно. Отец и сын смотрят друг на друга в удивлении.

— Кем?—спрашивает Оноре.

— Как ты сказал?—говорит отец.

Юноша поднимается, у него дрожит подбородок. Месье Бальзак тоже встает и устремляет взор поверх головы сына.

— Поэтом?.. А почему не собачьим парикмахером или канатоходцем? Это блажь!

При этих словах Оноре взрывается:

— Литература, по-твоему, блажь?

И взахлеб он начинает перечислять имена Рабле, Монтеня, Вольтера, Расина, Мольера, Руссо...

— Ну и что ты хочешь этим сказать?—гневно спрашивает месье Бальзак.

— А вот что! Назови-ка мне хоть одного знаменитого нотариуса. Не можешь?.. Да их просто не существует в природе. И никогда не будет! А я хочу стать знаменитым!..

Месье Бальзак выбегает из кабинета, хлопнув дверью.

—Оноре сошел с ума! — заявляет он жене и детям, собравшимся в гостиной.— Он хочет стать поэтом.

— Поэтом? — в ужасе спрашивает мадам Бальзак.— Боже мой!

И она без сил падает в кресло.

_ Не сходите с ума,— вмешивается бабушка Оноре.— Это пройдет. Просто это каприз желторотого юнца. Дайте мне поговорить с ним.

Но в этот момент открывается дверь и на пороге появляется Оноре. Его черные глаза так блестят, что все невольно замолкают.

— Я никогда не буду нотариусом, спокойно говорит он.— Никогда!

— Но уже решено, что ты будешь стажироваться у месье Пассе...

Решимость Оноре настолько крепка, что он даже начинает шутить:

— У месье Пассе? И вы хотите доверить мое будущее человеку с такой фамилией? (*ФамилияПассе переводится как «прошлое»)*

Мадам Бальзак приходит в себя.

— Оноре, ты забываешь, что через несколько месяцев твой отец выходит в отставку и тебе придется зарабатывать на жизнь самому... Кроме того, чтобы стать писателем, нужно иметь талант.

— У меня он есть!

— Но ты же ничего еще не написал!

Оноре замолкает. Сейчас неподходящий момент, чтобы демонстрировать свои литературные опыты...

— Я чувствую в себе силы писать больше, чем кто-либо.

— Бедное дитя! В литературе дело совсем не в «силе». Чтобы

писать, нужно иметь свой стиль, вкус, мысли, которыми ты хочешь поделиться с людьми... У тебя действительно есть что сказать людям?

— Да, я уверен в этом,— кричит Оноре с таким ожесточением, что мадам Бальзак вздрагивает.

Из угла гостиной Лора с восхищением смотрит на брата. Как он прекрасен сейчас, когда решается его судьба.

Оноре постепенно отвоевывает позиции, приводя разумные доводы и аргументы. На мгновение ему удается обезоружить мадам Бальзак, но тут же она опять пускается в бой и скандал вспыхивает с новой силой. Теперь Оноре должен противостоять трем разъяренным противникам.

— Боже, сделай так, чтобы он победил,— думает Лора. Отец, мать и бабушка нападают на Оноре. Вопросы сыпятся со всех сторон:

— На что ты будешь жить?

— Откуда у тебя связи?

— На что ты будешь снимать квартиру?

—- Где ты возьмешь деньги, чтобы прилично одеваться?

— Намерен ли ты жениться?

Оноре парирует удары, уворачивается, сам делает выпад.

Словесная перепалка напоминает дуэль на шпагах.

— В каком жанре ты собираешься писать?

— Кем ты собираешься быть: поэтом, драматургом, романистом?

Последний вопрос ставит его в тупик. Если бы в тот момент он догадался взглянуть на Лору, он бы увидел, что она подает ему знак, который они изобрели еще в детстве. Но он, к сожалению, опустил голову... Внезапно их глаза встречаются. Она тут же наморщивает нос и подмигивает ему. Встретив поддержку, Оноре воспрянул духом и с новой силой бросается в бой. Одним махом он опрокидывает все возражения родных.

Лора уверена, что он станет знаменитостью. Он не говорил бы столь пламенно, если бы сомневался в своем предназначении. И потом, она знакома с первыми литературными опытами брата: сатирическими сказками, набросками романов, эссе о Расине, Париже, жителях Водуа...

После реплики, которую Лора не расслышала, все внезапно замолкают. Лора смотрит на брата. Он весь взмок, но, судя по его улыбке, она понимает, что он одержал победу. Однако семья не хочет сдаваться быстро.

—Утро вечера мудренее,— говорит сурово бабушка.— Пошли-ка спать.

Все желают друг другу спокойной ночи, и Лора незаметно

сжимает руку своего брата.

Едва коснувшись подушки, Оноре засыпает.

На следующее утро, войдя в гостиную, он видит, что все уже в сборе, чтобы держать семейный совет.

— Садись,— говорит месье Бальзак.— Вот что мы решили.

И Оноре узнает, что ему дают два года на то, чтобы доказать, что у него есть талант.

— Ты будешь получать от нас 1500 франков в год,— сообщает мать.

На эту сумму можно лишь едва свести концы с концами. В душе мадам Бальзак рассчитывает, что нищенское существование, которое можно влачить на эту сумму, образумит Оноре и он откажется от своих безумных идей.

Оноре с удивлением спрашивает:

— Разве я буду жить отдельно?

— Да, мы уезжаем из Парижа. Когда отец уйдет в отставку, нам не будет хватать денег, чтобы жить здесь. Мы собираемся уехать в провинцию. Тебе придется снимать комнату.

Все эти новости буквально ошарашивают Оноре: его семья уезжает в Вильпаризи, ему выделяют 1500 франков, он будет снимать комнату. Но все это ничто по сравнению с тем, что ему дают два года. Целых два года!.. Этого более, чем достаточно, чтобы добиться известности, стать первым писателем в мире, чтобы прославить семью... И он бросается в объятия своих родителей!

— Но есть одно условие,— говорит мадам Бальзак.— Ни одна живая душа не должна знать, что ты занимаешься рифмоплетством в Париже. Для всех — ты уехал в Альби, к своему кузену. Поэтому ты не должен встречаться ни с кем из наших друзей и появляться в тех местах, где нас знают. Ты будешь регулярно приезжать в Вильпаризи и привозить туда доказательства своего труда...

* * *

Неделю спустя Оноре обосновывается на улице Ледигьер в доме № 9, неподалеку от Арсенала, в мансарде, снятой им за 60 франков в год. В его распоряжении деревянный стол, четыре стула, железная кровать и этажерка для книг. Расставив все по своим местам, Оноре садится на краешек кровати и рассматривает свое жилище.

Стены в пятнах, паркет выщерблен, и если здесь холодно уже в конце сентября, то зимой он просто замерзнет... Через крышу, крытую черепицей, просвечивает небо.

Но, несмотря на это, хорошо, что тебе 20 лет и ты полностью свободен, а твоя голова полна идей и замыслов. Оноре подходит к

окошку. Перед ним открывается море крыш, виднеются вдали блестящий на солнце купол Пантеона, башни Нотр-Дам, колокольни, флюгеры, вокруг которых летают ласточки. Вот тут, у окна, он поставит свой стол, чтобы работать наедине с Парижем... От этой мысли он приходит в восторг: наедине и в то же время вместе с Парижем, этим удивительным и прекрасным городом, который даст ему столько сюжетов, сколько он пожелает...

Он выглядывает из окна, чтобы посмотреть на свой дом. В окне третьего этажа он замечает множество цветов и клетку с канарейкой. Оноре видит также молодую белокурую особу, которая, нагнувшись над клеткой, просовывает между прутьями листик салата. Он взволнован. У незнакомки белые изящные руки, но как узнать, хороша ли она собой? Оноре, высунувшись по пояс из окна, ждет, когда его соседка появится вновь. Проходит не меньше десяти минут. Отчаявшись, он уже хочет отказаться от своей затеи, как вдруг замечает, что девушка начинает поливать цветы. Он опять высовывается из окна. Но, увы, она исчезает. Минуту спустя хлопает дверь. Должно быть, незнакомка ушла. Оноре возвращается к своим мыслям. Сначала он перечитает всех великих писателей, чтобы выработать свой собственный стиль. Нужно, чтобы они всегда были у него под рукой: сюда он поставит Бомарше, сюда Мольера, сюда Вольтера… Но при звуках песенки, доносящейся с улицы, томик Вольтера падает у него из рук. Оставив книги, Оноре бросается к окну. Она там... Облокотившись на подоконник, она напевает модный романс. Он видит ее плечи, на которые наброшена черная шелковая шаль, а на белокурых волосах зеленую ленту, которой только что не было.

Оноре слушает, как она поет. Какой у нее приятный голосок...

Но как же увидеть ее лицо? В одно мгновение он придумывает тысячу способов: связать веревку из простыней и спуститься к ней, как акробат, или имитировать пение соловья, чтобы заинтриговать ее и заставить поднять головку, или же постучаться к ней в дверь как бы по ошибке... Как же она грациозна! Чтобы лучше разглядеть ее, он хватается за край водосточной трубы, и от его неловкого движения падает кусок штукатурки.

Боже! Оноре с ужасом следит, как летит вниз штукатурка..Сейчас она угодит прямо на белокурую голову... Пылающее от гнева лицо поворачивается в его сторону:

— Дурак! — кричит девушка.

Оноре отпрыгивает от окна, красный от стыда и еще больше огорченный, потому что он успел заметить, что у незнакомки

прекрасное лицо и самые красивые глаза в мире.

Опять все пропало из-за его неловкости.

С головой погрузившись в работу, он пытается забыть об этом случае. Однако замыслы, столь многочисленные минуту назад, ускользают от него, и лист бумаги остается чистым.

Когда перед тобой лист бумаги, из тысячи сюжетов, которыми полна твоя голова, интересных и соблазнительных, нужно выбрать один.

А Бальзак, полный амбициозных планов, еще не сделал свой выбор. Так... Так... Из чего бы сделать шедевр? Он мучительно раздумывает, десять раз окунает гусиное перо в чернильницу и... рисует на белом листе человечков. Так... Святой Людовик! Нет... Римляне? Это устарело. Философская проблема? Может быть, но какая?

В итоге вся страница измалевана, и Оноре, скомкав в ярости бумагу, бросает ее в корзинку.

Он берет новый лист и пишет заголовок: «Корсар». Но заглавие это еще не все. Вскоре и второй изрисованный человечками лист летит туда же.

— Так дело не пойдет,— говорит себе Оноре.— Нужно иметь четкий план. Я должен подумать над этим.

Он ходит взад-вперед по комнате. Оказывается, совсем не просто быть гением...

В окно доносится шум из предместья Сент-Антуан. Шесть часов вечера. Мастерские закрываются, улицы заполняются людьми. Оноре представляет себе слесарей и столяров, возвращающихся домой после работы и весело переговаривающихся друг с другом, домохозяек, идущих за покупками, влюбленных, гуляющих по набережным,— всю парижскую жизнь в час, когда солнце движется к закату. Внезапно, не в силах удержаться, он перестает рисовать, надевает сюртук и выходит на улицу.

Недели напролет Оноре разгуливает по Парижу, заходит в парки, на кладбища, в библиотеки, гуляет по предместьям в поисках достойного сюжета: Помпей, Цезарь, Эдип... Но сто, тысячу раз его размышления прерывают уличные сценки, занятный разговор двух прохожих, ссоры, драки. Все его интересует и развлекает. Жизнь кипит, а за людьми так интересно наблюдать.

Однако, когда он возвращается в свою мансарду и садится перед чистым листом бумаги, его начинают одолевать угрызения совести.

— Я напрасно теряю время,— говорит он себе.

Разве мог он догадаться, что в поисках «достойного» сюжета о

Помпее или Агамемноне он попусту теряет время, а разгуливая по Парижу, наоборот, работает и готовит свои шедевры?

В одно из воскресений его посетил друг семьи, которому одному был известен его адрес. Имя этого оказавшегося «в привилегированном положении» бывшего торговца скобяными товарами было Даблен. Он был завсегдатаем Театр-Франсез. Но для него существовал только один литературный жанр — трагедия, и он честно заявил об этом.

— Трагедия! Конечно же! — с воодушевлением воскликнул Оноре.

И сразу же его богатое воображение нарисовало ему блестящее будущее: его пьесы будут играть в Комеди-Франсез, его имя будет напечатано на всех афишах, как имена Казимира Делавиня или Непомюсена Лемерсье. А жители Вильпаризи, приветствуя мадам Бальзак, будут думать: «Вот мать знаменитого драматурга...»

До чего же чудесно писать трагедии! Он примется за работу сразу же! Он торопится выпроводить месье Даблена: «До свидания. До скорой встречи!» Едва за ошеломленным гостем закрывается дверь, как он хватает лист бумаги и пишет: «Трагедия. Акт 1. Сцена I...»

Два тома Виллемена валяются на полу. Это история короля Англии Карла I. Вот и сюжет! И сразу же на ум приходит название — «Кромвель».

Оноре сияет от счастья. Все трудности кажутся ему легко преодолимыми. До чего же прекрасна жизнь!.. Милый папаша Даблен, лишь бы он не обиделся...

Вдруг он слышит незатейливый мотив модного романса, который напевает его соседка с третьего этажа. Оноре бросается к окну. Радостное возбуждение придает ему смелости.

— Послушайте, мадемуазель! Прошу меня извинить. На днях я не осмелился сказать вам, как я был сконфужен...

Она улыбается и пожимает плечами.

— Не стоит беспокоиться, месье...

— Надеюсь, вы не пострадали?

— Нет, месье...

— Какая удача! Вы так прекрасны!..

Она краснеет и делает вид, что увлечена пением канарейки.

— Вы не сердитесь?

— Нет.

— Мне бы тоже хотелось иметь цветы. Тогда я мог бы их вам посылать.

Оноре чувствует, как у него под рукой вновь обламывается кусок штукатурки.

— Осторожнее! Осторожнее! — кричит он.

Девушка едва успевает отклониться в сторону. Штукатурка пролетает мимо. Молодые люди прыскают от смеха.

— Знаете,—говорит Оноре,— если мне и дальше придется разговаривать с вами, свесившись с подоконника, я, наверное, разломаю весь дом. Не согласились бы вы прогуляться со мной?

Юноша кажется ей забавным, и она соглашается.

— Куда же мы пойдем? — спрашивает она.

— Куда вам угодно,— отвечает Оноре.

Молодые люди отправляются бродить по Парижу. Оноре переполняют чувства. В течение двух часов он без умолку говорит обо всем — о Виллемене, о Расине, о влиянии звезд, о короле Англии Карле I, которого он уже называет «мой Карл», и так далее и тому подобное. В полночь, уставшие, они возвращаются на улицу Ледигьер. Девушка, которая ни слова не поняла из страстной речи Оноре, с ужасом думает, что ей, вероятно, не стоило идти гулять одной с умалишенным...

Поднявшись к себе в мансарду, Оноре ложится спать.

— Завтра,— говорит он себе,— я начну трагедию, которая станет настольной книгой простых людей и королей...

Увы! Ему потребуется более двух месяцев, чтобы лишь наметить план пьесы. В разгар зимы, закутав ноги в пальто и накрыв плечи одеялом, он напишет первые реплики своего пресловутого долгожданного «шедевра»...

Дни и ночи напролет Оноре, не имеющий ни на грош поэтического дара и не написавший за всю свою жизнь ни одного стихотворения, старательно корпит над александрийским стихом, считая на пальцах слоги. Но воля его тверда, и он проводит за столом по восемь-десять часов, прерываясь лишь для того, чтобы поесть и размять закоченевшие руки и ноги.

Некоторое время назад он открыл для себя способ оставаться бодрым: кофе! Это вызывает в нем улыбку.

— Мой слуга —я сам, а мою подружку зовут Кофеварка, — говорит он сам себе.

Действительно, он совершенно один. У него нет приятелей, связей. Маленькая блондинка с третьего этажа его избегает. Хотя она и перебрасывается с ним парой слов, встречаясь на лестнице, но всегда находит предлог отказаться от новой прогулки. Само собой разумеется, Оноре не осмеливается пригласить ее к себе в мансарду, потому что там так холодно и потому что он даже не может предложить ей пообедать. Поэтому все, что он хотел бы сказать своей подружке или друзьям, он изливает в своих письмах к Лоре.

Этот большой любитель поговорить, лишенный собеседника,

пишет нескончаемые письма, не подозревая о том, что именно этим письмам, которые при иных обстоятельствах могли бы стать просто разговорами, о которых вскоре забыли бы, он отчасти обязан своей славой... В ответ он получает от Лоры длинные послания, полные нежности, юмора и семейных новостей.

Из них он узнает, что в Вильпаризи устраивают веселые вечеринки, на которых в числе приглашенных бывают очаровательные соседи семьи Бальзак — де Берни, что молодой инженер месье Сюрвиль ухаживает за двумя сестрами Оноре, но, кажется, начинает отдавать предпочтение старшей, а также тысячу забавных историй о месье Бальзаке, который, чтобы продлить свою жизнь, решил жить, как китайцы. Ах! Если бы он умел плести циновки!..

Но не во всех письмах рассказывается только о приятных вещах.

Однажды Лора написала о жалобах матери. Один из друзей якобы встретил Оноре в Париже... Сестра советует Оноре быть осторожнее в будущем... Осторожнее! И это говорят ему, который не посещает кафе, старается не гулять по бульварам, а в театре слушает мадемуазель Мофе из глубины ложи, лишь бы его не узнали!.. Оноре в ярости. «Скажите этому господину, что он ошибся и что он не мог видеть меня», — пишет он сестре и гордо добавляет: «Между тем мне очень бы хотелось не быть похожим ни на кого!»

* * *

Проходит зима, а Оноре пишет, вычеркивает, вносит бесконечные правки. В январе 1820 года он должен тянуть жребий. К счастью, счастливый номер позволил ему избежать тягот армейской жизни.

Оноре приступил к последнему акту своей трагедии. За ночь он писал приблизительно по десять стихов. И, наконец, прекрасным апрельским утром, какие бывают только в Париже, светлым, полным песен и легких облаков, утром, которое буквально искрится от смеха, он написал своей сестре: «Я закончил «Кромвеля». Два дня спустя он получил ответ: «Приезжай, мы все ждем тебя».

Не переменив даже одежды, Оноре, сунув под мышку свою драгоценную рукопись, сел в дилижанс, едущий до Мо.

Как его примут? Он немного встревожен, и десять лье, отделяющие Париж от Вильпаризи, показались ему необычайно длинными...

Но когда он выходит из дилижанса, его встречают мадам и месье Бальзак вместе с Лорой. Его обнимают, целуют, рассматривают.

— Какой же ты худой, бедный мой мальчик,— испуганно говорит мать.— Тебе следует хорошенько отдохнуть. Лора испечет тебе печенье, а Лоране — слоеный пирог.

Оноре взволнован. После восьми месяцев одиночества малейшая ласка вызывает у него слезы на глазах.

Дома его ждут бабушка Салламбер, маленький Анри, Лоране, которой уже исполнилось 17 лет и которая превратилась в прелестную девушку, и очень симпатичный человек, которого Оноре видит впервые. Молодого человека представляют: это месье Сюрвиль, жених Лоры.

Какая здесь теплая и доброжелательная атмосфера! Оноре не терпится прочитать свою трагедию...

После завтрака все семейство располагается в гостиной.

— Мы тебя слушаем, великий писатель,— добродушно говорит месье Бальзак.

Оноре оглядывает своих слушателей. Аудитория настроена весьма благожелательно. Лора подмигивает ему, а мадам Бальзак уже чувствует гордость за сына.

Он делает глубокий вдох и начинает читать со всей страстностью, на которую только способен...

Однако, вопреки его ожиданиям, конец первого акта был встречен без энтузиазма.

Трагедия совершенно не захватывает слушателей. После второго акта все начинают с удрученным видом переглядываться. Оноре охватывает страх. Ему тоже стихи начинают казаться плохими, а реплики смешными...

— Продолжай,—говорит месье Бальзак.

У бедного юноши на лбу выступает пот, а в горле пересыхает. Он запинается, пропускает целые тирады, лишь бы поскорее закончить.

Закончив читать третий акт, он захлопывает тетрадь.

— Есть еще два акта,—старается говорить он как можно более естественным тоном,— впрочем, все это лишь первые наброски...

И печально, бесконечно печально он смотрит на мать, отца, сестру. Смотрит так, будто повинен в чем-то дурном, хотя неудачной была всего лишь проба его пера... Месье Сюрвиль первым нарушает гнетущее молчание в гостиной. Он очень старается не обидеть незадачливого автора.

— Возможно, нужно несколько переделать первый акт,— говорит он.

— Да,—добавляет месье Бальзак,— и еще несколько рифм...

— Вероятно, мы не очень хорошие судьи,— говорит мадам Бальзак, которой очень жалко сына.— Кроме того, трагедии, ты

же знаешь, всегда навевали на меня скуку...

У Оноре тяжело на сердце. Он не знает, что для него больнее — великодушие родных или непоправимый провал, за 25 минут уничтоживший труд восьми месяцев...

— Предлагаю прогуляться,—говорит месье Бальзак, вставая, — на улице так хорошо.

Вид у всех деланно веселый. Оноре вышагивает рядом с молчаливой Лорой по нешироким дорожкам весеннего провинциального городка, на обочинах которых уже начинают распускаться подснежники.

— Трагедии — это не моя стихия,— мысленно говорит он себе.— У меня совершенно иная дорога...

Но какая? Этого он пока не знает...

Несмотря на очень плохое впечатление, произведенное чтением «Кромвеля», мадам Бальзак переписала трагедию и показала ее разным сведущим людям: драматургу, актеру и, наконец, месье Андрие из Коллеж де Франс. Ответ последнего был категоричен:

— Пусть этот молодой человек занимается в жизни чем угодно, но только не литературой!..

После провала «Кромвеля» Оноре возвратился в свою мансарду на улице Ледигьер. Был май 1820 года, и Париж, казалось, был опьянен весною. По бульвару Ган прогуливались молодые щеголи в светло-зеленых или голубых панталонах со штрипками и серых сюртуках. Завидев красотку, они приветствовали ее словами: «Какой прекрасный день, мадемуазель». При этом они одновременно снимали шляпы, что приводило в смущение и заставляло краснеть девушку. В Тюильри торговцы вафельными трубочками и пирожными продавали свой восхитительный товар, нараспев зазывая гуляющих: «Вот трубочки!.. Мадам! Покупайте трубочки!..». И повсюду, подобно солнечным зайчикам, порхали молодые девушки, одетые в светлые платья. Они гуляли группками, взявшись за руки. Некоторые из них так радовались жизни, что делились своей жизнерадостностью с молодыми служащими, клерками, адвокатами, нотариусами...Нечаянно сказанная шутка в Пале-Рояле, подобно искре, вызывала в Шайо в Пасси, громовые раскаты смеха и веселила весь квартал. По вечерам звучали скрипки, и молодые парочки танцевали под цветущей сиренью рядом с ресторанчиками...

Весь Париж напоминал великолепный финал оперетты разноцветными костюмами, хорошенькими поющими девушками и юношами, всегда готовыми пройтись в польке. Среди этого водоворота Оноре считал, что причиной провала его трагедии

было, конечно же, одиночество. Он решил незамедлительно восстановить отношения с Сотле, своим старым приятелем по коллежу. У последнего были связи в нескольких небольших газетах, и благодаря ему Оноре стал вхож в редакции, типографии на улице Круассан и в немного затасканные круги литературной богемы. Он часто бывал в кафе на левом берегу Сены, где молодые поэты, потягивая пиво, обсуждали стихи господина де Ламартина; его можно было встретить на собраниях литературных обществ, где исступленно спорили о революционной поэзии. Все это было для Оноре ново. Он слушал, наблюдал, открывал мир. И быстро понял, что опоздал со своей трагедией по крайней мере лет на 50, что те авторы, которым он отдавал предпочтение и которым старался подражать, жили в XVIII веке и что ему совсем не известны литературные тенденции его времени.

«Так вот почему я провалился,— думал он.— В 1820 году у меня были идеи, амбиции и приемы дореволюционного писателя».

* * *

В одном живописном кафе, расположенном на улице Круассан, где всегда было полно журналистов, газетчиков, поэтов и девиц легкого поведения, Оноре познакомился с писателем едва ли старше его самого, которого звали Ле Пуатевэн д'Эгревиль и который уже опубликовал большой роман, чем немало гордился.

— Я только что получил новый заказ от моего издателя,— как-то обронил он небрежно.

Оноре был восхищен этим необыкновенным юношей, который зарабатывал себе на жизнь пером, которого издавали, читали, любили женщины... И Оноре, не раздумывая, пригласил его пообедать, забыв, что у самого в кармане всего несколько су.

К счастью, он вспомнил об этом, когда подали закуски. Съев салат из помидоров, он сложил салфетку, позвал официантку и расплатился, сделав при этом вид, что ничего не произошло...

— Остальное в следующий раз,— весело говорит его новый приятель, выходя из-за стола.

Ничуть не смутившись, Оноре берет его под руку и увлекает на улицу. Шагая по улице Монмартр, он посвящает молодого писателя в свои грандиозные планы.

— Что вы написали?

— Трагедию «Кромвель» в пяти актах.

Спутник Оноре пожимает плечами.

— На трагедии сейчас нет спроса. Издатели требуют романы. Видите ли, сейчас в моде Вальтер Скотт!..

Засмеявшись, он добавляет:

— Кроме того, нужно иметь воображение. Оно у вас есть?

Оноре задет за живое:

— Дайте мне название и я напишу вам роман за одну ночь.

Ле Пуатевэна очень забавлял этот дебютант-хвастунишка, не сумевший даже оплатить полный обед.

— Согласен. «Наследница Бирага»,— бросает он наугад.

— Встречаемся завтра в шесть часов вечера,— отвечает Оноре.—Я сейчас же примусь за работу.

И, быстро перебирая своими короткими ногами, он исчезает в толпе.

На следующий вечер Ле Пуатевэн ожидает Оноре в кафе на улице Круассан в компании нескольких приятелей. Уже были заключены пари.

— Держу пари, что он заснул на первой же странице,— говорит один журналист, известный насмешник.

— Или когда перечитывал ее,— добавляет другой.

— Вот посмотрите, он нам скажет, что у него украли рукопись,— заявляет Ле Пуатевэн.

Ровно в шесть часов дверь открывается и на пороге появляется Оноре. Черты его лица заострились, он бледен, борода всклокочена, но глаза победно поблескивают. А как он улыбается, когда кладет рукопись в 250 страниц на стол ошеломленного Ле Пуатевэна.

— Вот,—говорит Оноре, приняв гордый вид.

Потом с обескураживающим простодушием добавляет:

— Я написал лишь первый том, но рассчитываю сделать роман в четырех томах.

Не откладывая дела в долгий ящик, друзья принимаются за чтение романа. Персонажи романа — их около 50 — убивают друг друга из-за нелепых причин. В романе есть призраки, говорящие скелеты, стремительные погони, убийства, наименее злодейские из которых не уступают настоящей бойне, ужасающие раскаты грома. Постоянно сражающиеся герои романа пронзают друг друга шпагами, травят ядом, пытают, затем совершенно неожиданно воскресают под готическими сводами часовен, и все начинается сначала...

Конечно, это был не шедевр, но воображение автора столь богато, что все приходят в изумление.

— Это именно то, чего требуют издатели,— говорит Ле Пуатевэн, пожав Оноре руку.— Если хотите, будем работать вместе. Для начала сделаем «Наследницу Бирага» в четырех томах. Тема весьма плодотворная... 100-тысячный тираж нам обеспечен! Колоссальное дело!

Оноре торжествует. Он заказывает вина. Все чокаются.

— За «Наследницу Бирага»,—говорит Оноре, вставая.— За добрую и храбрую героиню романа и за ее племянников! Ведь я, месье, один из них!..

Тут Оноре начинает рассказывать совершенно неправдоподобную историю: Алоиза де Бираг — его двоюродная бабушка. Родственники держат ее в подземелье, потому что боятся ослепнуть от ее необыкновенно белокурых волос.

— А знаете, что сказал шевалье Альдемар, мой предок? — спрашивает Оноре.

— Нет,— кричат все посетители кафе.

— Она выйдет из подземелья, когда придумают очки с дымчатыми стеклами! Не раньше!

Все смеются, но Оноре продолжает:

— Но однажды вечером, когда была страшная гроза, ее похитил пират и увез на своем корабле в Атлантический океан. Когда корабль отошел далеко от берега, он снял фальшивые усы и бакенбарды и сказал ей:

— Я — твоя мать!...

Но в трюме корабля спряталось несколько предателей. Безлунной ночью они вышли на палубу и связали бедных женщин. «Ха-ха-ха,— смеялись эти негодяи,— у вас будет предостаточно любовников, мадам». В этот момент в корабль ударила молния, поразив всех предателей, кроме одного, который сам отрубил себе голову абордажным топориком!

В конце каждой фразы Ле Пуатевэн с его друзьями издают радостные крики. Воодушевленный Оноре дополняет свой рассказ мимикой и жестами. Он бегает по залу, вскакивает на стулья.

— Теперь, друзья мои, слушайте меня внимательно! Молния расплавила медальон Алоизы, и на колени девушки упала пластинка из слоновой кости. На ней была написана фраза по-латыни. Но моя двоюродная бабушка не знала этого мертвого языка. Что делать? К счастью, на горизонте показался парус. Алоиза стала подавать сигналы, на судне заметили их, и оно подошло вплотную к пиратскому кораблю. У руля стоял кардинал, который захотел выйти в открытое море и там углубиться в чтение Библии. Он прочитал написанную по-латыни фразу, и моя двоюродная бабушка лишилась чувств! Она оказалась родной дочерью кардинала!!!

Такой необычный финал был встречен взрывом аплодисментов. Владелец кафе предложил всем присутствующим бесплатное угощение.

— Да здравствует Алоиза! Да здравствует Оноре! Да здравствует кардинал! Да здравствуют пираты! - кричали молодые люди, которых чрезвычайно развеселил

импровизированный рассказ.

В самый разгар веселья в кафе вбегает запыхавшийся человек.

— Друзья мои, Наполеон умер,— говорит он.

Все встают. Из-за падающих стульев поднимается невообразимый шум. Лица присутствующих бледнеют, глаза наполняются слезами.

— Умер Император? Умер Наполеон? Где? Когда?

— Это невозможно,— говорит Оноре.

— Об этом объявлено официально. Он умер 5 мая на острове Святой Елены.

Как и все молодые люди того времени, Оноре мечтал о том, что, может быть, однажды император вернется...

Он думал, что Наполеону удастся бежать и что вновь наступит прекрасное время, о котором ему рассказывали родители.

— Я хотел бы закончить пером то, что он начал шпагой,— говорит Оноре.

Но никто его не слушает. Ле Пуатевэн и его друзья забрасывают вопросами человека, сообщившего им о смерти Наполеона, но он ничего не может добавить к удручающему известию.

Маленькими группками журналисты покидают кафе в скорбном молчании. На углу улицы Ришелье Оноре жмет руку Ле Пуатевэну.

— Подумайте о том, о чем я вас просил,— напоминает последний.

— Разумеется,— отвечает Оноре.

Пешком он отправляется по набережным к Арсеналу. По дороге он несколько раз останавливается, чтобы полюбоваться собором Парижской богоматери, выглядящим волшебно в лучах заходящего солнца. В этот вечер оно, как нарочно, скрылось за Триумфальной аркой, сооружение которой было закончено архитекторами Реставрации.

На следующий день Оноре засел за работу, и перо его едва успевало записывать то, что диктовало ему его воображение.

Увы! Как-то утром консьержка принесла письмо, прочитав которое Оноре был потрясен: мадам Бальзак сообщала ему, что два года истекли и что он должен возвратиться в Вильпаризи первым же дилижансом.

В Вильпаризи Оноре занял комнату Лоры, которая вышла замуж и жила теперь в Байе. За столом, где сестра так часто писала ему письма, он продолжил историю Алоизы. Нужно было написать еще два тома. Но здесь ему работалось не так спокойно, как на улице Ледигьер. Его родители ссорились, маленький

братишка барабанил по кастрюлям, бабушка храпела, а Лоранс играла на пианино.

Кроме того, Вильпаризи, расположенный по дороге в Мец, был последней почтовой станцией перед Парижем. День и ночь здесь останавливалось множество дилижансов, чтобы сменить лошадей. Как можно сосредоточиться, когда за окном кричат ямщики, хлопают двери, лошади цокают копытами по мостовой, переругиваются кучера? А когда нет дилижансов, то по вымощенной крупными булыжниками дороге стучат колеса частных повозок, дорожных карет, экипажей...

Тем не менее рукопись «Наследницы Бирага» становится все толще. Оноре заканчивает уже третий том. И однажды вечером все семейство собирается в гостиной послушать последние страницы романа.

— Неплохо, - говорит мадам Бальзак.— Но уж слишком неистово.

Какая разница для Оноре? Благодаря романам, которые он подпишет псевдонимом лорд Р'Ун [R'Hoone анаграмма Honore (прим. перев.)} ему удастся избавиться от семейной опеки и от должности конторского служащего, которую подыскал ему один из друзей отца.

Чтобы он стал конторским служащим? Да никогда в жизни!.. «Я стал бы канцелярской крысой, машиной, манежной лошадью, которая делает свои 30-40 кругов, ест, пьет, спит в заранее установленное время. Я стал бы, как все. И меня призывают уподобиться мельничному жернову! И это механическое кружение называют жизнью! Если бы хоть кто-нибудь скрашивал мое холодное существование... Я еще даже не видел цветов жизни, а ведь я в том возрасте, когда они распускаются. К чему мне богатство и наслаждения, когда мне будет 60 лет? Старик — это человек, который уже отобедал и теперь смотрит, как едят другие. Моя же тарелка пуста, на ней нет позолоты, скатерть некрасива, а блюда безвкусны. Я голоден, но нет ничего, что могло бы утолить мой голод. Что же мне нужно? Пение птиц, потому что у меня лишь две страсти: любовь и слава. Ни одна из них не удовлетворена и не будет удовлетворена никогда», писал Оноре сестре.

Славы придется ждать еще несколько лет, а любовь уже близка...

* * *

В одно из воскресений мадам Бальзак и Лоранс испекли печенье и приготовили смородиновый сироп. В саду под липой прислуга поставила столы и кресла. Ждут гостей — месье и мадам де Берни с двумя дочерьми. Они живут неподалеку, на

другом конце деревни.

— Девушки очаровательны! — говорит мадам Бальзак Оноре.

Он сразу понял, куда клонит мать, и у него испортилось настроение. Оставив семейство, готовящееся к встрече гостей, Оноре ушел в гостиную и спрятался за шторами. Никто его здесь не увидит, и он сможет от души посмеяться над этими аристократами, которые наверняка смешны.

А вот и месье де Берни, немощный старик, опирающийся на трость.

— Какая прекрасная погода! — говорит месье Бальзак, встречая гостя.

— Вероятно, вы поздоровались со мной?- спрашивает месье Берни, прикладывая ладонь к уху.

— Нет, я говорю о погоде!..

— У вас болят зубы? Какое несчастье, бедный мой друг,— отвечает месье де Берни.

В своем убежище Оноре корчится от смеха.

А вот и барышни де Берни. Обе одеты в белые платья. Девушки бледны и держатся очень чопорно.

— Две жерди! — сразу же выпаливает Оноре.

Вдруг мысли его начинают путаться. Он зачарован третьим белым платьем, появившемся в аллее. Какова собой третья мадемуазель де Берни, о которой ему ничего не сказали? Из-за шелковых штор он видит небесно-голубые глаза, мечтательную улыбку, очаровательный носик, черные волосы, стянутые алой лентой, и мраморные плечи, выступающие из низко декольтированного платья.

Эта женщина пленительна... И вот, ему уже хочется, в свою очередь, пленить ее...

Взволнованный, он выходит из своего убежища и появляется в саду.

— У вас две взрослые дочери,— говорит мадам Бальзак, обращаясь к незнакомке,— а у меня взрослый сын. Разрешите представить вам Оноре. Вы с ним не знакомы, поскольку он долгое время жил в Альби.

Оноре неловко кланяется, бормочет несколько слов, краснеет... Как? Значит эта дама мать девушек? Никогда он не видел женщины прекраснее, очаровательнее, утонченнее... Он не сводит с нее глаз. Она замечает это, улыбается ему и — о боже! — заговаривает с ним. Что она сказала? Оноре следил за тем, как двигаются самые красивые губы в мире и даже и не старался уловить слова... Наобум он кивает головой. «Да-да, конечно»,— говорит он мадам де Берни. Вид у него при этом глуповатый. Ах,

если бы он мог вернуться в свое убежище и любоваться ей оттуда сколько душе угодно...

Мадам де Берни вновь обращается к нему:

— Альби очень милый город, не правда ли?

На сей раз Оноре уловил смысл сказанного, но вновь растерялся, поскольку ни разу в жизни не был в Альби.

— Очень милый,— отвечает он, помедлив,— но я не очень хорошо познакомился с ним, потому что много работал.

— И чем же вы занимались?

Оноре смотрит ей в глаза и отвечает с детской гордостью;

-— Я писал трагедию!

При этих словах все члены семьи Бальзак меняются в лице, за исключением Лоранс, которую сильно смешит происходящее.

— А я и не знала, что вы занимаетесь поэзией! — восклицает мадам де Берни.

Мадам Бальзак чувствует себя очень неловко. Ей хотелось бы перевести разговор на другую тему. Она делает Оноре знаки, но он не замечает их и продолжает говорить:

— Сейчас я пишу романы. Знаете, очень увлекательно вдыхать жизнь в персонажи. К несчастью, издатели требуют невероятных приключений, а этот литературный жанр смешон. Я знаю, чего стою, и мне больно жертвовать своими лучшими замыслами ради подобной ерунды!

Мадам де Берни смотрит на него с интересом. Как такой умный и чувствительный мальчик мог родиться в семье Бальзак, где отец чудак, а мать маньячка? Правда, сестры Оноре очаровательны.

Горячность юноши нравится мадам де Берни. Она задает ему вопросы, внимательно слушает его, высказывает одобрение, и Оноре, обретший самообладание, рассказывает анекдоты, цитирует Бомарше, Руссо, Мольера, описывает своих друзей с улицы Круассан и, чтобы понравиться этой элегантной надушенной даме, сочиняет на ходу немыслимые истории, рассказывая их с неотразимым воодушевлением.

— Я думаю, что моя жена и ваш сын найдут общий язык,— говорит месье де Берни мадам Бальзак.— Они, конечно, говорят о Марии-Антуанетте. Она обожает рассказывать о своей крестной.

Мадам де Берни действительно была крестницей Марии-Антуанетты. Совсем юной девушкой она была принята при дворе, где ее отец был арфистом у королевы. В аллеях Трианона ей часто доводилось играть с королевскими детьми под присмотром мадам Элизабет, сестры короля.

В 1793 году ее мать участвовала в заговоре с целью спасти королеву из Тампля. Ее арестовали, и бедной женщине пришлось

бы взойти на эшафот, если бы термидорианцы — их победа пришлась весьма кстати — не выпустили ее из тюрьмы.

А сама мадам де Берни, которой в ту пору было 17 лет, обязана свободой своей шестимесячной дочери Эмилии, смягчившей сердца революционеров.

Оноре ничего этого не знал. Поэтому он был чрезвычайно удивлен, когда мадам де Берни сказала мадам Бальзак:

— Этот смородиновый сироп такой же вкусный, как и тот, что я пила в Трианоне, когда была девочкой... Нам его готовила сама королева.

Так эта несравненная женщина знала Версальский двор и все его великолепие! Она знала королеву, короля, играла с наследником престола...

Оноре, которым вновь овладело сильное смущение, смотрел на мадам де Берни с восторгом, обожанием, уже с любовью...

Теперь она рассказывала о своем восхитительном детстве, и каждый ее жест, каждое слово приводили Оноре в восторг. Вдруг шарф, покрывавший плечи мадам де Берни, слегка соскользнул, и взору Оноре открылась нежная матовая кожа, напоминающая перламутр. Сердце Оноре бешено забилось. Боже мой, как же прекрасны эти обнаженные плечи!.. И у него внезапно возникло желание прижаться к ним губами!

Мадам де Берни обернулась, встретилась взглядом с юношей и немного покраснела.

— Расскажите мне еще о вашей работе,— попросила она Оноре.— Меня она заинтересовала!

Мне потребовалось бы несколько часов,— ответил он.— Это было бы слишком долго.

— В таком случае приходите повидать меня...

Вечером, когда все легли спать, Оноре не спалось. Он ворочался в постели, но никак не мог заснуть. Он был как в лихорадке. Ночь казалась ему душной и нескончаемой. Десять раз он подходил к окну в надежде увидеть первые лучи солнца. Слова распирали грудь. Он зажег свечу, сел за стол и начал писать, потом остановился, разорвал лист и, скомкав, выбросил его в корзину. Алоиза де Бираг наводила на него скуку... Подперев рукой щеку, он весь отдался во власть мечтаний, слушая, как стрекочут в саду сверчки. Ему было не по себе.

— Должно быть, я переел печенья,— подумал он.

Откуда ему было знать, что он влюбился, ведь у него не было никакого опыта!

С ним это случилось впервые в жизни!..

На утро Оноре отправился к мадам де Берни. Она встретила его ласково, правда, была несколько удивлена тем, что визит

последовал так скоро.

— Вы очень заинтересовали меня вчера.

Оноре тут же перешел в наступление. Глядя ей прямо в глаза, он сказал:

— Я еще ни с кем не говорил так, мадам!

Ему захотелось добавить: «Клянусь вам!», так ему было необходимо давать ей клятвы, показать, что банальная беседа между ними отныне невозможна и что в любом, казалось бы, ничего не значащем слове он отдает ей себя целиком.

Как он ее любит и как ему хотелось бы сказать ей об этом!..

Дверь гостиной открывается. Появляется месье де Берни.

— О! Кого я вижу! Здравствуйте, дружок. Огорчен, что не могу поболтать с вами, я должен уходить...

На мгновение Оноре охватывает гнев, но он тут же успокаивается.

— Я приду еще,— лицемерно говорит он.

Месье де Берни обращается к жене:

— Лора, дорогая, а где дети?

Оноре не услышал ответа. Ее имя, родное ему с детства, но прозвучавшее сейчас совсем по-иному, поразило его! Лора! Ее зовут Лора! Так же, как его сестру, которой ему так не хватает... Это предзнаменование, не правда ли? Ну, конечно же, это судьба! Оноре было суждено полюбить Лору де Берни, и он будет любим!

— Вы мне принесли ваш роман?

— Вот он,— говорит Оноре, протягивая рукопись. Последние страницы были написаны сегодня утром. Это история очень чистой любви одного юноши к умной и красивой женщине. Представьте себе восхитительную брюнетку с голубыми, как небо, глазами, в которых, кажется, отражается весь мир, с улыбкой...

Оноре страстно рисует портрет — несколько идеализированный любовью — мадам де Берни.

Мадам де Берни испытывает к этому восторженному юноше материнскую нежность. Но не только... Он интересует ее и как женщину...

Она думает об Адриене, своем сыне, которого она потеряла в 1814 году. «Ему было бы сейчас столько же лет!..»

А Оноре думает о мадам де Варен, друге Жан-Жака Руссо. «У нее должна была быть такая же грациозность, такое же полное неги очарование!..»

Какое-то время они смотрят друг на друга молча. Он любуется будущей любовницей, она — как бы вновь увидела сына.

Под любыми предлогами Оноре наносит визиты мадам де Берни. Он берет у нее книги, затем возвращает их. Он нарочно

забывает у нее перчатки, шляпу, рукописи. Если ему не удается придумать ничего иного, он отправляется спросить у нее, не забыл ли он чего-нибудь случайно накануне.

Она тронута такой наивностью, но решает держать Оноре на некотором расстоянии. Она встречает его ласково, но в то же время сдержанно. Кроме того, она всегда старается сделать так, чтобы при их встречах присутствовали дети. Это весьма действенный способ не допустить того, чтобы разговор принял опасный оборот. Ей хотелось дать понять этому влюбленному юноше, что он должен довольствоваться тем, что его любят, как сына, и что она была бы рада, если бы он заинтересовался одной из ее дочерей. Например, Эммануэллой, которой скоро должно исполниться 16 лет. Но Оноре не обращал никакого внимания на бесцветных девушек, которых мать затмевала своей красотой.

Вскоре Оноре стало мало ежедневных послеобеденных визитов к де Берни. Узнав, что месье де Берни любит играть в трик-трак, он мужественно разделил его страсть к этой стариковской игре и стал его постоянным партнером. Благодаря этой уловке, он мог оставаться подле своей возлюбленной порой до полуночи, пожирая ее глазами и проигрывая из-за невнимательности все партии...

Поскольку Оноре проводил утренние, послеобеденные и вечерние часы у мадам де Берни, дома его видели крайне редко. Сестра улыбалась и пожимала плечами, бабушка считала, что он сошел с ума, а отец подмигивал ему. Мать же испытывала ревность. И как она ни пыталась скрывать это чувство, оно прорывалось в словах.

— Ты не написал сегодня ни одной строчки, — язвительно говорила она сыну. — Ты опять провел весь день у этой дамы?

— Я даю уроки ее сыну Арману,— возражал Оноре.

Он не лжет. Он использует даже этот предлог, лишь бы иметь возможность видеть мадам де Берни... Но мадам Бальзак продолжает возмущаться:

— Ты больше ничего не делаешь! А этот роман, что ты нам читал, ты его закончил? Нет! А тебе надо написать по крайней мере 300 страниц! А ты теряешь время, играя в триктрак...

— Я сейчас им займусь, — отвечал Оноре и шел в свою комнату писать любовные стихи для своей Дилекты.

* * *

Все лето Оноре писал мало, несмотря на то, что Ле Пуатевэн каждую неделю приезжал в Вильпаризи, чтобы посмотреть, как продвигается «Наследница Бирага». Оноре испытывал сердечные муки. Иногда, утрачивая власть над собой, он покрывал стены своей комнаты инициалами возлюбленной (впоследствии

пришлось немало потрудиться, пока удалось стереть их).

Осенью мадам де Берни предупредила Оноре, что она возвращается в Париж и собирается провести там всю зиму.

На этот раз они случайно оказались одни. Оноре, обезумев от отчаяния, схватил молодую женщину за руки, бросился перед ней на колени и разразился рыданием.

— Не уезжайте! — умолял он.— Не уезжайте. Я вас люблю!

Мадам де Берни попятилась. Уже много недель она боялась этого момента. Страсть Оноре внушала ей страх. Вместо смущенного и краснеющего юноши, с которым она познакомилась в июне, перед ней был сгорающий от любви и желания молодой человек...

Как она спешила возвратиться в Париж!.. Как она дрожала при мысли о том, что ее дочери могут догадаться о чувствах Оноре! И как тем не менее ей было грустно расставаться с этим 22-летним мальчиком, который вызывал в ней и смех, и волнение. А главное, как же она боялась оказаться слабой!..

— Я должна уехать,— сказала она.

— Разрешите мне писать вам...

— Какие у меня причины отказывать вам в этом. Работайте хорошенько и пишите мне обо всем, что делаете...

Он хотел покрыть поцелуями ее руки. Она отстранила его. Подойдя к двери, она сказала ему почти суровым тоном:

— Возвращайтесь домой, Оноре. Я вынуждена отныне запретить вам посещать меня. Вы легко догадаетесь, что заставляет меня так поступить. И, пожалуйста, не делайте такой мрачный вид. Я не хочу, чтобы вас видели выходящим от меня с таким видом. И так уже слишком много судачат об этой авантюре.

— О какой авантюре! — восклицает Оноре.

— О невозможной авантюре! Прощайте!

Она захлопывает дверь, и Оноре идет домой. Он не идет обычной дорогой, а делает большой крюк, пробираясь домой тропинками, где его никто не может встретить и где он может дать волю слезам.

В небольшой деревне, уснувшей под светом звезд, ночную тишину которой нарушают время от времени проезжающие дилижансы, лишь в одном окне горит свет порой до утра. Оноре пишет. Четвертый том «Наследницы Бирага»? Нет. Другой роман? Ничуть не бывало. Он пишет письма, нескончаемые письма мадам де Берни.

«Вы несчастливы. Я это знаю. Но в вашей душе заключены неведомые вам сокровища, которые еще могут сделать вашу

жизнь прекрасной...»

Возможно, со стороны Оноре было бы слишком невежливо напомнить мадам де Берни этим злосчастным «еще», что ей уже не 20 лет. Но Оноре сжигала страсть. Кроме того, он никогда не отличался деликатностью.

«Когда я впервые увидел вас, — писал он своей возлюбленной,— вас окружал ореол, который окружает всех, у кого на сердце лежит печаль. Я же заранее люблю всех, кто страдает. Поэтому ваша меланхолия и ваши печали очаровали меня, а с тех пор, как я узнал, как прекрасна ваша душа, все мои мысли были невольно связаны с воспоминанием о вас...»

Оноре переписывал эти письма по десять-двадцать раз, исправлял черновики, стремясь с помощью высокопарных слов достичь возвышенного стиля, который ослепил бы мадам де Берни, покорил ее и, наконец, бросил бы ее, трепещущую от любви,— а он был уверен, что так оно и случится,— к его ногам...

«Я никогда не перестану думать о вас с восхищением. Знайте, мадам, что вдали от вас есть существо, чья душа, преодолевая все преграды, с упоением летит навстречу вам... Существо, для которого вы более, чем друг, более, чем сестра, почти как мать и даже более этого. Вы для меня невидимое божество, к которому устремлены все его помыслы и дела...»

Увы! Ответы были разочаровывающими. Мадам де Берни смешило такое количество преувеличенных комплиментов, и она подтрунивала над восторженным юношей. Некоторое время спустя он писал ей: «Не правда ли, вы играете со мной злую шутку? А ваше письмо, разве не является оно горьким плодом серьезной ошибки? Какое удовольствие благородная душа может находить в насмешках над несчастным? Разве женское коварство не порок для женщины, которую я считал не похожей на других?.. Боже мой, если бы я был женщиной, мне было 45 лет и я был бы все еще хорош собой, я бы себя вел совсем не так, как вы. Мне трудно понять, почему женщина, которой в начале осени выпали прекрасные летние дни и которая трезво смотрит на мир, отказывается подобрать яблоко, которое обронили Адам и Ева...».

Бедняга, в своем высокопарном отчаянии он допускает одну оплошность за другой... И мадам де Берни воспользовалась его незавуалированным намеком на ее возраст, чтобы указать ему на нелепость его притязаний. Она напомнила Оноре, что на 23 года старше его, что у нее семеро детей и одна внучка. Но его совершенно не смущало, что мадам де Берни уже бабушка; напротив, он ответил, что, узнав об этом, стал желать ее еще сильнее!..

«Как только я вас увидел, все чувства всколыхнулись во мне.

Я увидел в вас совершенство. Все остальное не имеет значения. Я вижу в вас свой идеал и ничего больше. Мое чувство к вам со временем стало иным, то есть восхищение переросло во всепоглощающую страсть. Поэтому ваши 45 лет не существуют для меня, а если я их иногда и замечаю, то смотрю на них, как на доказательство силы моей страсти, потому что, с вашей точки зрения, они должны были бы рассеять очарование... Итак, ваш возраст, который должен был бы сделать вас смешной в моих глазах, если бы я вас не любил, напротив, придаст нашим отношениям пикантность».

Что должна была думать умная и утонченная мадам де Берни об этом неотесанном и необычайно многословном влюбленном, который пытается покорить ее, доказывая — не больше, не меньше,— что в глазах любого человека, не ослепленного, как он, любовью, он выглядит смешно и что в связи, о которой он так долго мечтает, его больше всего привлекает ее «оригинальность» и «своеобразие»?

Неучтивость Оноре в итоге выводит мадам де Берни из себя, и она в лаконичной записке просит его оставить ее в покое. Оноре тут же дает волю своему красноречию. Он пишет ей письмо, полное горечи:

«Мне кажется, я понял вас. Вы ставите мне ультиматум. Прощайте. Я в отчаянии, но предпочитаю страдания изгнанника танталовым мукам. Вам, бесчувственной, я думаю, все равно, что со мной будет. Можете думать, что я вас никогда не любил! Прощайте!..»

Страдание вызвало в нем рвение к работе. За несколько дней он заканчивает «Наследницу Бирага» и везет рукопись в Париж к издателю Ле Пуатевэна. Тот соглашается ее напечатать. До чего же хорошо гулять по набережным Сены, услышав такую хорошую новость.

После долгих колебаний он, наконец, решается пойти повидать мадам де Берни. Увидев ее, он оставляет высокопарный тон своих писем.

— Я скучал по вас, мадам,— говорит он ей.

— Я тоже...

Чтобы нарушить неловкое молчание, он сообщает мадам де Берни, что вскоре появится его книга.

— Я очень рада за вас, - говорит мадам де Берни. — Однажды вы станете великим, я в этом уверена!..

При этих словах от недавнего отчаяния Оноре не осталось и следа. Он становится раскованным, рассказывает о предложенном ему контракте (к весне написать три романа), о предстоящем замужестве Лоранс...

Оноре и мадам де Берни ведут спокойную, почти дружескую беседу. Мадам де Берни ничто не напоминает о неистовых письмах, которые ей писал Оноре в последние недели. Но когда молодой человек говорит, что ему пора идти, чтобы не опоздать на дилижанс, взор мадам де Берни затуманивается грустью...

На следующий день Оноре опять принялся писать свои любовные послания. И постепенно ответы мадам де Берни стали менее суровыми, более ласковыми, почти нежными. Переписка продолжается всю зиму.

Весной мадам де Берни возвратилась в Вильпаризи. Два часа спустя после ее приезда пришел Оноре. Он даже не стал искать предлога, чтобы посетить ее. Оноре увидел улыбающуюся женщину с несколько тревожным взглядом и, хотя он совсем не знал женщин, понял, что она готова уступить...

Опьянев от радости, он взял ее за руки, и его страсть вылилась как всегда — в поток красноречия. Она смотрела на него с нежностью, а он все говорил и говорил. Когда он, наконец, на мгновение замолчал, она прошептала:

— Оноре, приходите сегодня вечером в сад, когда станет смеркаться. Будет ночь, и мы будем одни.

* * *

О связи Оноре и мадам де Берни вскоре стало известно всему Вильпаризи. Если кто-то и не догадывался о ночных свиданиях двух любовников, так это месье де Берни...

— Будем осторожны,— говорила мадам де Берни Оноре. — Мои дочери начинают смотреть на меня с укоризной. Я боюсь, как бы они не заподозрили чего-либо. Это было бы ужасно!

— Я заметил, что они стали подчеркнуто холодны со мной, — отвечал Оноре.— Но какая разница, ведь мы любим друг друга.

Мадам Бальзак, увидев, что грусть сына внезапно сменилась безудержной радостью, без труда поняла, что все это значит. В ней до такой степени взыграла ревность, что она слегла.

— Ты ничего не делаешь, Оноре. Ты гуляешь, мечтаешь, проводишь свое время неизвестно с кем. Мне кажется, ты попал под дурное влияние... Поэтому мы с отцом решили отправить тебя к сестре в Байе... Там ты будешь работать спокойно...

Первым чувством Оноре было смятение. Боже, до чего он несчастен! Но что это? Он совсем не чувствует себя несчастным. Напротив, он ощущает огромное облегчение. Уехать из Вильпаризи значит получить долгожданную свободу... Еженощные свидания стали превращаться в обязанность. А он был не прочь побыть некоторое время в одиночестве... Значит, он разочаровался в своей возлюбленной, которая была старше на 23 года? Когда страсть была утолена, Оноре, возможно, увидел ее

такой, какая она была: все еще привлекательной и, конечно, желанной, но... уже увядшей.

Он уехал радостный, беспечный, наспех поцеловав мадам де Берни на прощанье. В дилижансе он приударил за молоденькой особой, возвращавшейся в Бретань.

— Какая жалость, что я еду в Нормандию,— говорил Оноре. — Вскоре мы должны будем расстаться...

В Манте девушка вышла. Здесь у нее была пересадка. Оноре послал ей воздушный поцелуй. Она помахала ему рукой. Мадам де Берни была уже несколько забыта...

Из Байе он писал ей нечасто, хотя, расставаясь, они решили, что будут тайно переписываться. Теперь она бродила по Вильпаризи с красными от частых слез глазами... Чем же он занят? Лора де Берни думала, что он бывает в веселых компаниях на балах, приемах и покоряет там прелестных нормандок хорошими манерами, которым он смог научиться от нее...

Она ошибалась. Оноре, опьяненный свободой, путешествовал, побывал в Шербурге. По утрам он болтал с лавочниками в Байе, расспрашивал об их ремесле, о делах, интересовался всем! По вечерам он писал роман, заказанный ему издателем, рассказывал веселые истории сестре и ее мужу, которые были очень рады его приезду.

После двух месяцев столь приятной жизни Оноре получил суровое письмо от мадам де Бальзак. Мать напоминала ему, что выходит из печати его роман и что нужно постараться заручиться у журналистов хорошими откликами.

Роман «Клотильда де Люзинган» вышел в свет. Он бы посвящен мадам де Берни. Семейству Бальзак этого было достаточно, чтобы найти книгу ужасной, тогда как она была просто плохой. Оноре было отправлено письмо, в котором его роман был безжалостно раскритикован. Он был уязвлен и возвратился в Париж.

Его родители уехали на несколько месяцев из Вильпаризи и сняли свою прежнюю квартиру на улице Тампль.

На следующий день после приезда Оноре в Париж издатель Полле предложил ему контракт. Он покупал у Оноре его законченный роман, один незавершенный и право на издание еще одного романа «Арденский викарий», план которого Оноре едва наметил.

Прекрасное предложение, особенно если учесть, что в 1821 году молодым авторам было так же трудно добиться издания своих книг, как и сегодня.

Оноре, вне себя от радости, подписал контракт, сунул в карман аванс в 300 франков и с головой погрузился в работу.

Было ли это славой и богатством, к которым он так стремился? Нет! В течение трех лет он будет, по его собственному признанию, «писателем, получающим два франка за страницу».

В течение этих трех лет, с 1821 по 1824 год, Оноре написал и опубликовал под разными псевдонимами (Лорд Р'Ун, Орас да Сент-Обен и др.) около десяти романов, не имевших ни малейшего успеха. Мадам де Берни, связь с которой он возобновил, возвратившись из Байе, регулярно приходила к нему в маленькую комнату, которую он снимал на улице Турнон. Когда он бывал слишком удручен резкой критикой его произведений, появлявшейся в небольших газетенках, она ласково объясняла ему, что проделанная им работа не напрасна и что он просто набирается опыта. Его стиль стал лучше, интрига более захватывающей, ему стали лучше удаваться описания природы, диалоги героев...

Тем не менее Оноре был удручен.

— Мне 25 лет, а я никому не известен! — в отчаянии говорил он.

Однажды вечером Этьен Араго застал его на набережной Орфевр свесившимся с парапета.

— Что вы здесь делаете, мой дорогой друг? Бросаете камни в воду и смотрите на расходящиеся круги?

— Нет,— глухо ответил Оноре.—Я смотрю на Сену и спрашиваю себя, не уснуть ли мне в ее мягких простынях?

— Да вы с ума сошли! — воскликнул Араго.— Пойдемте со мной, мы вместе поужинаем...

* * *

Настал день, когда издатели, устав публиковать книги, которые никто не покупает, отказались принимать рукописи Оноре.

Он вернулся домой в отчаянии.

«Поскольку литература ничего не дала мне — ни славы, ни состояния,— думал он, с завистью поглядывая на элегантных женщин, которых он не мог пригласить пообедать,— я попробую зарабатывать деньги другим способом... Потому что деньги открывают все пути, деньги обеспечивают все: экипажи, уважение, хорошеньких женщин... Ах! Стремление разбогатеть могло бы стать прекрасным сюжетом для романа, если бы я хотел по-прежнему быть писателем...»

Рядом с Оноре жил некий месье Дассонвилле де Ружмон, который заходил иногда поболтать с месье Бальзаком. Этот господин был дельцом. Оноре сказал ему о своем желании составить состояние.

— Нет ничего проще,— ответил месье Дассонвилле.— Вы

писатель. Хотите стать издателем?

Издателем? Черт возьми! Стать по другую сторону баррикады, публиковать произведения других, быть уважаемым метром для романистов, поэтов, собирать коллекции, открывать читателям новых авторов, заработать состояние!.. Ну, конечно же, он хочет стать издателем, чем скорее, тем лучше. Кстати, у него есть друг, Юрбен Канель, который хотел бы издать однотомник Лафонтена. Он скооперируется с ним. Эта книга, предназначенная для широкого читателя, пойдет нарасхват. На полученную прибыль они издадут Мольера, потом Расина...

В ослеплении Оноре видел себя уже крупным издателем с мировым именем, разъезжающим в собственном экипаже, одевающимся у лучших портных, обедающим с молодой и надушенной блондинкой в лучших ресторанах...

— Ах! Месье Дассонвилле, я прекрасно сумел бы распорядиться своими деньгами! — восклицает Оноре.

Но, как всегда, он забыл самую малость: сначала их надо заработать!

В апреле 1825 года было создано издательское общество. В него вошли Юрбен Канель, издатель, Оноре Бальзак, литератор, Жак-Эдуард Бене де Монкарвиль, отставной офицер.

Поскольку у Оноре не было 6000 франков, чтобы внести свою долю в дело, месье Дассонвилле одолжил ему эту сумму под весьма высокие проценты. Вскоре компаньоны задумали выпустить иллюстрированное издание басен Лафонтена. На сей раз Оноре выручила мадам де Берни, ссудив ему 9250 франков. Наконец, однотомное издание Лафонтена вышло в свет. Но шрифт был слишком мелким, цена слишком высокой, время для издания такого рода произведений выбрано неудачно. Было продано лишь 20 экземпляров! О, если бы общество опубликовало книгу о жизни жирафов... В то время буквально весь Париж был помешан на жирафе, которого подарил Карлу X египетский паша. Люди приходили в ботанический сад издалека, толпами, чтобы подивиться на него.

— Какое странное животное,— говорили они. Став парижской достопримечательностью, жираф принимал визиты известных людей. Сам Шатобриан удостоил его своим вниманием. О жирафе сочиняли стихи, слагали песни. Модельеры, разумеется, не остались в стороне. Туалеты носили только из ткани а ля жираф с непомерно высокими воротниками, удлинявшими шею, делали замысловатые прически, чтобы голова казалась совсем маленькой.

Увлечение жирафом нанесло жестокий удар по предприятию Оноре.

Издательское общество распалось. Компаньоны Оноре, испуганные оборотом, который грозило принять дело, уступили бедному «литератору» свои доли, и он стал единственным владельцем всего тиража, продать который было мало надежды.

Чтобы не платить за аренду магазина, где были свалены и портились книги, он отделался от них, продав на вес по цене бумаги, которую с такими затратами испачкал типографской краской.

Вместо того, чтобы заработать на этом первом деле, Оноре нажил на нем лишь денежный долг — 9000 франков.

У Оноре никогда не было долгов: ночами он плохо спал. Он постоянно думал о событиях рокового для него 1825 года: он потерял свою сестру Лоранс, умершую в возрасте 23 лет, опубликовал роман, который прошел незамеченным, и, наконец, впутался в эту злосчастную аферу... Как, должно быть, опечалены его родители!

Однако природный оптимизм быстро одержал верх, и он вскоре опять загорелся надеждой и стал подсчитывать деньги, которые заработает, ибо на сей раз он вместе с молодым типографским рабочим по имени Барбье решил заняться типографским делом. Отец выделил Оноре деньги, необходимые для нового предприятия.

Получив 1 июня 1826 года от короля лицензию на книгопечатание (по рекомендации мадам де Берни!), Оноре и Барбье обосновываются на улице Марэ-Сен-Жермен, узкой и зловонной, но знаменитой, ибо здесь жил Расин.

* * *

Первым произведением, вышедшим из-под печатных станков в типографии Оноре, был не роман и не поэма, а фармацевтическая брошюра, превозносящая достоинства «Пилюль долголетия»...

С детской радостью он показывал ее всем подряд.

— Вы видели?—спрашивал Оноре, показывая пальцем туда, где жирным шрифтом было напечатано: «Типография Бальзака».

— Вскоре это будет первая типография во Франции,— говорил он, важничая.

Пока же доходы были столь ничтожны, что рабочие волновались. Их суетливый и многословный патрон не внушал им особого доверия. Оноре бегал по Парижу в поисках заказов, посещал издателей, редакции газет, литературные кафе. Он отказался от комнаты на улице Турнон и поселился в том же доме, где находилась типография, в трех со вкусом обставленных комнатах.

Здесь он принимает друзей, здесь же по ночам ведет

бухгалтерский учет. И здесь же, в комнате, затянутой голубым перкалем, мадам де Берни пережила лучшие мгновения своей восхитительной любви.

Она приходила во второй половине дня, ближе к вечеру, приносила с собой пирожные и фрукты, которые покупала по дороге на улице Сены, проходила через наборный цех, где рабочие ее хорошо знали, поднималась на второй этаж, входила в квартиру и накрывала на стол.

Вскоре к ней присоединялся Оноре, предоставив Барбье самому заниматься версткой и правкой. А работы хватало, поскольку постепенно появились постоянные клиенты: Виллемен, Мериме, Альфред де Виньи...

После ужина мадам де Берни ложилась на диван и, пока Оноре играл прядями ее прекрасных распущенных волос, она рассказывала ему забавные истории о дворе Людовика XVI, о революционерах, с которыми ей пришлось встретиться, об организовавших роялистские мятежи знаменитых вандейцах, с которыми ее мать была хорошо знакома. Оноре ловил каждое ее слово. Вот о чем ему следовало бы написать! Вот великолепный сюжет! Еще никому не приходило в голову сделать этих солдат в сабо героями романа!..

Ах, если бы он не принял уже решение заниматься типографским делом!

Правда, заниматься им он будет недолго. От силы два года. Несмотря на усилия Барбье, исправлявшего промахи своего компаньона, дела шли плохо, касса пустела. Мысли об истечении сроков платежей неотступно преследовали Оноре по ночам. Вскоре кредиторы обратились к судебным исполнителям, адвокатам. Оноре пришлось брать в долг у ростовщиков.

В сентябре 1827 года ему пришла в голову идея присоединить к типографии шрифтолитейную мастерскую. Деньги на это очередное начинание дала мадам де Берни. Однако дела уже нельзя было поправить. Нужно было много денег, а главное, его должен был возглавить деловой человек, а не поэт-мечтатель.

В апреле 1828 года, чтобы избежать полного краха, Оноре был вынужден обратиться за помощью к родителям. Мадам Бальзак, оценив серьезность положения, отдала свое состояние, чтобы откупиться от кредиторов.

Долг, подлежавший оплате, составлял 113 111 франков, а в активе было только 67 111 франков (стоимость типографских фондов). Мадам де Берни посоветовала Оноре уступить дело ее сыну Александру. Оноре так и сделал, и Александр вскоре преуспел там, где будущий великий писатель из-за своей

доверчивости, наивности и непрактичности потерпел неудачу...

Оноре было 29 лет. Его никто не знал, за исключением кредиторов (у незадачливого предпринимателя было 100000 франков долга). Его романы не имели никакого успеха, а попытки стать дельцом потерпели фиаско. Он влачил жалкое существование. У него не было связей, и в семье его считали неудачником.

Но этот юноша, полный неиссякаемой энергии, никогда не признает себя побежденным.

Над ним подсмеиваются, его жалеют, в него не верят. Все это его глубоко ранит. Он должен доказать всем, что он не неудачник. Но как? Оноре понимает, что есть только один способ: продемонстрировать свою гениальность.

Так, бессознательно он возвращается к литературе. Правда, на сей раз он уверен в том, что роман будет иметь успех: у него есть прекрасный сюжет, подсказанный рассказами мадам де Берни,— вандейское восстание. Он думал над ним несколько недель. Если роман ему понравится, он подпишет его своим настоящим именем, а не псевдонимом. Он станет его настоящим литературным дебютом. Эта идея его вдохновляет. Но для того, чтобы он мог поставить под романом свое имя, книга должна быть только его, то есть такой, какую может написать только он один...

Поэтому ему необходимо отказаться от приемов, используемых его собратьями по перу, даже такими, как Вальтер Скотт, признанный мастер исторического романа, сразу же отбросить все сведения, подлинность которых сомнительна, постараться правдиво изобразить персонажи, не погрешить против истины.

Оноре принимает решение: он поедет в Вандею, чтобы собрать документальный материал, расспросить жителей этой провинции, полюбоваться пейзажами, которые он собирается описать в своем романе.

У друга его отца, барона де Поммереля, есть замок в Фужере. Оноре написал ему: «По чистой случайности мне стал известен один исторический факт, имевший место в 1798 году и относящийся к войне шуанов. Взяв его за основу, я могу без труда написать книгу. Для этого не потребуется никаких специальных исследований, за исключением, пожалуй, одного — необходимо ознакомиться с местом действия. Я сразу же подумал о вас и решил просить вас предоставить мне приют недели на три».

«Ваша комната готова, приезжайте поскорее»,— ответил ему барон де Поммерель.

И однажды сентябрьским вечером 1828 года жители Фужере

увидели, как из парижского дилижанса вышел полный человек небольшого роста. Плохо сшитое платье еще больше утяжеляло его фигуру. Галстук у него был развязан, панталоны забрызганы грязью, а из-под старой шляпы весьма экстравагантной формы торчали растрепанные волосы. Вид у него был несколько комичный.

Выйдя из дилижанса, он поставил багаж на землю и, оживленно жестикулируя, продолжал рассказывать пассажирам историю, которую начал еще в дороге. Когда он закончил рассказ, раздался взрыв хохота.

Поммерели, пришедшие встретить своего гостя, были ошеломлены, узнав в этом небрежно одетом человеке Оноре! А это, несомненно, он. Те же сияющие глаза с золотистыми крапинками, та же широкая улыбка, тот же зычный голос. Но до чего же нелепый костюм у их друга!..

После первых приветственных фраз мадам де Поммерель, очаровательно улыбаясь, сказала Оноре, что «в городе, где она и ее муж пользуются определенным уважением, они не смогут показываться рядом с ним, если на нем будет такая шляпа».

В итоге Оноре пришлось обратиться в шляпную мастерскую, где с трудом удалось подобрать ему шляпу, такая большая была у него голова. В этой голове помещалась вся «Человеческая комедия»!

На следующий день после приезда Оноре принялся за работу. Он гулял по полям, расспрашивал крестьян, посещал кафе, рынки, ярмарки, записывая все, что видел и слышал.

По вечерам он развлекал хозяев, рассказывая им фантастические истории. Как средневековые менестрели, он пытался таким образом отплатить за гостеприимство...

— Генерал,— говорил он,— в Лилле вы должны были знать семью X. Нет, не тех X., что из Рубе, а тех, что породнились с семейством Z из Бетюна. Так вот, в этой семье произошла никому не известная трагедия, достойная бульвара Преступлений.

И в течение целого часа Оноре держал своих слушателей в напряжении, увлекая их игрой своего воображения. Когда он закончил рассказ, генерал де Поммерель спросил его:

- Послушайте, Оноре, то, что вы рассказали, правда?

Оноре лукаво посмотрел на него, затем рассмеялся и сказал:

— В моем рассказе нет ни слова правды, это чистейшей воды вымысел!..

После таких вечеров он в прекрасном настроении поднимался в свою комнату, садился за стол и начинал работать, исписывая за ночь множество страниц своим изящным и нервным почерком.

Так прошло два месяца. Мадам де Бальзак, обеспокоенная

тем, что Оноре «зря теряет время» в деревне, стала настаивать на его возвращении. Он возвратился в Париж, но оттуда поехал не в Вильпаризи, а в Версаль, где неожиданно поселилось семейство Бальзак. Этот внезапный переезд походил скорее на бегство, и Оноре терялся в догадках, что же могло произойти в Вильпаризи. Мадам де Бальзак не замедлила ему объяснить все: его отец, несмотря на свои 82 года, совратил совсем юную крестьянку, и бедняжка ждала ребенка.

— Такие у нас дела,— с горечью сказала мадам Бальзак.

Месье Бальзак в это время лукаво подмигивал сыну.

— Ну и семейка у меня,— сказал себе Оноре со смешанным чувством грусти и гордости.

На следующий день он покинул Версаль и вернулся в Париж. Он снял на улице Кассини рядом с Обсерваторией и в двух шагах от улицы Анфер, где жила мадам де Берни, небольшую, но почти роскошную квартирку. Сестра, мать, мадам де Берни обставили ее и снабдили Оноре всем необходимым. Ему было там очень удобно работать.

За пять месяцев он написал четыре тома своего романа. 15 марта 1829 года в книжных магазинах появился «Последний шуан, или Бретань в 1800 году» (позднее Оноре переделал роман, сделал его более компактным и назвал просто «Шуаны»). Над заглавием, навеянным, несомненно, «Последним из могикан» Фенимора Купера, только что переведенным на французский язык, было впервые напечатано имя автора: Оноре Бальзак.

Отзывы на роман были скорее хорошими. Газета «Фигаро» писала: «В романе выведена целая галерея правдивых характеров людей, которых не раз где-то видел. Прекрасно представляешь себе лица героев романа, их радости и печали».

Лорд Р'Ун, Орас де Сент-Обен умерли. В возрасте 30 лет на свет появился Оноре де Бальзак (правда, в ту пору он еще не успел добавить частицу «де» к своей фамилии).

КАК МУЖ ЖОРЖ САНД ПРОСИЛ НАГРАДИТЬ ЕГО ОРДЕНОМ ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА ЗА ТО, ЧТО ОН БЫЛ… РОГОНОСЦЕМ

Жорж Санд, автор романа «Башня Персемона», вела необычайно разгульную жизнь, возможно, из-за неудачного замужества. В 18 лет Аврора Дюпэн, будучи сентиментальной и неиспорченной, вышла замуж за барона Казимира Дюдевана, весельчака, отнюдь не отличавшегося тонкостью чувств. Однажды она застала своего мужа тет-а-тет, да будет мне позволено так сказать, со служанкой. Молодая женщина была возмущена до глубины души.

— Постыдно заниматься этим со служанкой! Ты не умеешь держать себя подобающе твоему положению…

В этот момент в ней, видимо, говорила не ревность, поскольку она смотрела на «супружеские отношения» как на что-то отвратительное, неприятное и даже неприличное. Она писала: «Сначала нас воспитывают в святости, а потом отдают мужьям, как молодых кобылиц!»

Любовь в ее представлении была «чувством, в которое вкладывают всю душу». «Какие ночи! Какое отвращение! Я не понимаю, что хорошего находят мужчины в этих шутовских и скотских упражнениях. Я с нетерпением жду, когда муж, наконец, уснет, чтобы дать волю слезам. И это называется замужеством!»— писала она также.

Однако вскоре у молодой баронессы, разочаровавшейся в семейной жизни, появился возлюбленный. Во время одной из поездок с мужем в Бордо она познакомилась с молодым человеком по имени Орельен де Сез, заместителем генерального прокурора города. С ним она могла предаваться своим мечтам сколько душе угодно. Держась за руки, они совершали прогулки в горы, забыв о Казимире.

Однажды Аврора и Орельен сделали для себя открытие: их имена начинаются с одной буквы [Avrore и Aurelien (прим. ред.)]. Поскольку оба были романтическими натурами, они залились слезами. Волнение молодых людей было столь велико, что прислуге пришлось сопровождать их в гостиницу.

Орельен, представьте себе, не стал любовником Авроры. Единственное, на что он осмелился, это поцеловать ее однажды вечером в шею. После чего оба лишились чувств.

Опьяненная любовью, Аврора возвратилась с мужем в Ноан, где у них было имение. Однако ее идиллия с Орельеном продолжалась благодаря пламенной переписке, о которой Казимир даже не подозревал.

Поскольку Аврора была весьма экзальтированной особой, она не могла скрыть своей любви, даже от своего мужа...

Со временем эта переписка пробудила в молодой баронессе чувственность. Более пристально взглянув вокруг себя, она заметила, что друг детства смотрит на нее с большой нежностью. У него было красивое имя — Стефан Ажассон де Грандсань. Молодой натуралист, работавший вместе с Кювье, приехал на лето в Берри.

В конце сентября он возвратился в Париж. Два дня спустя Аврора собрала чемоданы и пустилась вслед за ним.

— Я хочу проконсультироваться с врачом, - сказала она мужу. — Меня беспокоит печень.

Через некоторое время она возвратилась в Ноан, сияя от счастья и к тому же беременная. Девять месяцев спустя родила дочь. Новорожденную назвали Соланж; правда, Казимир так и не мог припомнить, когда он ее зачал...

На следующий год Аврора познакомилась у своих друзей с робким молодым писателем Жюлем Сандо. Прогуливаясь при свете луны, они обменивались невинными фразами...

После часа сентиментальной прогулки по парку Ноана они набрели на небольшую беседку, где и прилегли отдохнуть на кушетку, которую Казимир специально поставил там, чтобы встречаться со своими служанками...

Несколько месяцев спустя Аврора и Жюль уехали в Париж и обосновались на улице Сены.

Чтобы иметь средства к существованию, Аврора Дюдеван и Жюль Сандо написали роман «Роза и Бланш» под псевдонимом Жюль Санд. Потом Аврора написала книгу самостоятельно. Она решила сохранить псевдоним и лишь изменила в нем имя на Жорж.

После двух лет жизни с Жюлем Аврора застала его однажды вечером в постели с прачкой... Аврора пришла в ярость. Бросив

Жюля, она отправилась на поиски настоящей любви. Круг ее привязанностей не замыкался на мужчинах. У нее была связь с актрисой Мари Дорваль, которая — одновременно — была любовницей Альфреда де Виньи...

Жорж Санд безумно влюбилась в Мари, и в свете их прозвали неразлучными. Они обменивались страстными письмами и при любом удобном случае осыпали друг друга неумеренными ласками, что доставляло немало страданий бедному де Виньи.

Эта, с позволения сказать, дружба не помешала Жорж Санд стать любовницей Мериме. Связь с Авророй не сделала, однако, чести автору «Коломбы», который лишь один-единственный раз попытался доказать, что он настоящий мужчина, но был посрамлен.

Потом Жорж Санд встретила Альфреда де Мюссе. Он был красив, циничен, остроумен, и она была покорена. Это не ускользнуло от внимания Мюссе. Будучи поэтом до мозга костей, он написал однажды Жорж Санд стихотворение, начальные слова каждой строки которого составили такую фразу: «Когда бы Вы хотели стать моей любовницей?»

В стихотворении, написанном в том же стиле, она ответила ему: «Сегодня ночью».

Так они стали любовниками.

Их любовь была сверхромантичной. Они совершали прогулки по кладбищам, мечтали покончить с собой и ели клубнику со сливками из черепа...

Потом они уехали в Венецию, где Мюссе, посетив дома терпимости, заболел. Жорж Санд, воспользовавшись тем, что Мюссе был в бреду, наставила ему рога с его лечащим врачом. В случае чего она всегда могла сказать Мюссе, что это ему привиделось...

Однако молодому Альфреду в конце концов показалось странным, что доктор Пагелло спит с ними в одной комнате. Он сказал об этом Жорж Санд.

— Здесь так принято,— ответила она.

Мюссе почему-то не удовлетворило такое объяснение. Он понял, что обманут, отчего заболел еще больше. Жорж Санд и Пагелло воспользовались обострением болезни Альфреда, чтобы узнать друг друга еще ближе.

С чувством брезгливости автор сборника стихов «Ночи» возвратился в Париж.

Несколько месяцев спустя Жорж Санд также возвратилась в Париж, но вместе с Пагелло, пылкость которого она оценила по достоинству. Однако вскоре она пресытилась им и вернулась в постель к Мюссе. Но примирение было недолгим. Поэт стал

вскоре поколачивать Аврору, вероятно, под предлогом того, что с любовью не шутят...

В итоге они расстаются окончательно, и Жорж Санд знакомится с адвокатом из Берри Мишелем де Буржем, становится его любовницей, но, в очередной раз испытав разочарование, бросает его...

В то время Жорж Санд писала любовнице Листа Мари д'Агу:

«Струны моей души слишком чувствительны, я не знаю такого инструмента, который соответствовал бы им».

Она имела в виду фортепьяно. Тогда Лист познакомил ее с молодым поляком по имени Фредерик Шопен, техника которого понравилась романистке.

Между исполнением двух гамм и прелюдии он становится ее любовником... Эта связь продлилась восемь лет и была прервана кокетством дочери Жорж Санд Соланж. В итоге, разругавшись насмерть, любовники расстались.

Жорж Санд — автор «Индианы»—не умела спать в одиночку. После разрыва с Шопеном у нее было бесчисленное множество любовников, но уже не столь известных. Одно время в их числе был даже безногий калека, которого во время любовных утех ей приходилось практически держать на руках.

В это время ее жизнь была предельно насыщена: днем она писала, ночью любила. Сущность этой дамы, которая хотела, чтобы на литературном поприще ее считали мужчиной (она говорила о себе в мужском роде и курила трубку), прекрасно выражена в диалоге, опубликованном одним из журналистов того времени.

— Я еще не был представлен Жорж Санд, — говорит один молодой писатель.

— Это и понятно,— отвечает знакомый романистки,— днем же ОН занят.

— А вечером?..

— О! Вечером - другое дело, вечером занята ОНА.

В конце концов Жорж Санд встретила Александра Мансо, который прожил с ней тринадцать лет...

Из-за донжуанского темперамента Жорж Санд ее муж, как это ни смешно, стал испытывать своего рода гордость. Он дошел до того, что в 1869 году обратился к Наполеону III с просьбой наградить его орденом Почетного легиона... как рогоносца.

Привожу текст его письма к Наполеону III:

«На закате своих дней (ему было в ту пору 73 года) прошу Вас наградить меня орденом Почетного легиона. Тем самым Ваше Императорское Величество удостоило бы меня высочайшей милости. Я прошу Ваше Величество оказать мне такую честь не

только за мои заслуги перед Императором и Отечеством с 1815 года и безупречную службу, конечно, несравнимыми с выдающимися заслугами моего отца перед Императором с 1792 года вплоть до возвращения с острова Эльба. Осмелюсь также напомнить Вашему Величеству о несчастьях, постигших меня в супружестве, которые принадлежат истории. Взяв в жены Аврору Дюпэн, известную в литературном мире под псевдонимом Жорж Санд, я был жестоко обманут в своих чувствах отца и супруга. Мне кажется, я заслуживаю к себе доброго отношения со стороны тех, кто был свидетелем печальных событий, омрачивших этот период моей жизни».

Однако судьба Дюдевана ни в коей мере не заинтересовала императора, который сам был большим мастером наставлять рога мужьям...

ШУТКИ ПРОСПЕРА МЕРИМЕ

Мериме был не только автором «Коломбы», «Венеры Илльской» и восхитительной новеллы «Кармен», впоследствии послужившей основой для либретто одноименной оперы Жоржа Бизе. Помимо того, что Мериме был сенатором, академиком, реставратором исторических памятников и был допущен ко двору, где чувствовал себя как рыба в воде, он развернул бурную деятельность в спальнях самых красивых женщин своего времени.

Будучи человеком веселого нрава, никогда не признававшим в любви никаких правил, Мериме весьма фривольно описал свои бесчисленные романы и любовные интрижки с артистками кордебалета, за которыми охотился, как кот за мышами.

Однако этот дьявол в образе человека находил еще силы и время для разного рода мистификаций. Об этой черте писателя, видимо, мало кто знает.

Его первая шутка, благодаря которой молодой писатель получил известность, настолько удалась, что и по сей день от нее приходят в восторг авторы истории литературы.

Дело происходило в 1825 году. В то время литераторы стремились перенести описываемые ими события в чужую страну и придать им местный колорит. Однажды прошел слух, что вскоре будут переведены пьесы некоей испанской актрисы. Действительно, некоторое время спустя на прилавках книжных магазинов появилась книга упомянутой актрисы под названием «Театр Клары Газуль». В предисловии некий Жозеф Л'Эстранж рассказывал о том, как он познакомился в Испании с актрисой, воспитанницей священника, которая играла в театре Кадиса. В предисловии говорилось, что ей пришлось уехать из страны и поселиться в Англии из-за того, что ее пьесы были далеко не божественного содержания.

В книге был напечатан портрет Клары Газуль. На самом же деле это был портрет Мериме в женской одежде. Волосы его украшала мантилья, а грудь — маленький крестик...

Некоторое время весь Париж только и говорил об этой

загадочной Кларе Газуль, а Мериме, посвятивший в свой секрет лишь нескольких друзей, от души потешался над этим. Можно представить себе, как он однажды позабавился, когда один испанец сказал ему:

— Перевод, конечно, неплохой, но если бы вы прочитали эти пьесы в оригинале...

В конце концов стало известно, что Мериме просто выдумал Клару Газуль... Никто не осудил его за это. Наоборот, его поздравляли с необыкновенным талантом драматического писателя, а критики даже писали о том, что родился новый Шекспир.

Два года спустя Мериме проделал еще одну шутку, на сей раз вместе с Жан-Жаком Ампером. Приятели хотели совершить путешествие, но у них не было денег.

— Давай опишем наше путешествие, а на деньги, полученные от публикации книги, поедем посмотрим, похожа ли страна на наши описания,— предложил Мериме.

Поскольку со времени публикации «Народных песен современной Греции» в моду вошел фольклор, Мериме выпустил сборник народных песен Далмации, озаглавленный «Гузла», автором которого сделал некоего барда Гиацинта Маглановича. В него вошли баллады, якобы собранные в Далмации, Хорватии, Боснии и Герцеговине.

В предисловии вполне серьезно утверждалось, что Магланович сам исполнял эти баллады, аккомпанируя себе на гузле... И никто, как это ни странно, не заметил, что название сборника составлено из тех же букв, что и фамилия «испанской актрисы» Газуль... Пушкин, попавший в ту же ловушку, что и остальные, даже перевел на русский язык несколько баллад «как весьма любопытный образец иллирийского гения»...

Потом Мериме совершил путешествие в Испанию. Позднее рассказывали, что в Гренаде он стал автором весьма своеобразной мистификации... Обратимся к фактам. Если они верны, то следовало бы внести некоторые коррективы в историю Франции.

По пути в Мадрид Мериме познакомился в дилижансе с человеком, который откликался на замечательное имя — дон Киприано Гусман Палафокси Портокарреро, граф де Теба. Он был младшим братом графа де Монтихо. Супруга графа де Теба Мануэла была красивой, умной, образованной дамой вулканического темперамента. Вскоре Мериме стал другом графа и графини де Теба. Главным образом графини, как утверждают злые языки... Что вполне возможно, поскольку красавица Мануэла, о похождениях которой злословила вся Гренада, действительно могла пополнить список своих любовников

молодым и блестящим французским писателем (Мериме было в ту пору 27 лет).

Однако вы вправе спросить, что общего у истории Франции с этим делом? Не торопитесь делать выводы. После смерти своего старшего брата граф де Теба унаследовал титул графа де Монтихо. В один прекрасный день 1831 года под этим именем он прибыл в Париж с Мануэлой и двумя дочерьми Паккой и Эугенией, которой через 22 года суждено было стать императрицей Франции.

Когда семья устроилась в Париже, ее стал часто навещать Мериме, не только ради удовольствия встретиться с Мануэлой, но и для того, чтобы заняться с малышкой Эугенией, которую он окружил особой заботой. Он играл с ней, прилагал все усилия, чтобы развить ее интеллект, занимался с ней правописанием, исправлял ее сочинения на заданную тему, короче говоря, с истинно отцовским усердием занимался ее образованием. Такое отношение к девочке не ускользнуло от внимания знакомых Мериме, и за его спиной начали шушукаться о том, что Эугения де Монтихо — его дочь. Еще одно доказательство этому— милости, которыми Мериме осыпали при дворе, когда Эугения стала супругой Наполеона III.

Сегодня это может показаться невероятным, поскольку Эугения родилась в 1826 году, то есть за год до того, как Мериме впервые побывал в Испании. Однако историки, установив, что свидетельство о рождении будущей императрицы было подделано, обвинили Мериме в том, что это дело его рук и что таким образом он хотел скрыть свое отцовство.

На него стали вешать всех собак. В 1830 году, когда он еще был в Испании, ему приписали еще одну историю. Рассказывали, что во время осады Тюильри он подошел к юноше, стрелявшему наугад в направлении дворца.

— Ты не умеешь стрелять,— якобы сказал ему Мериме,— дай мне твое ружье, я покажу тебе, как это делается.

Юноша отдал ему ружье. Хорошо прицелившись, Мериме точным выстрелом сразил гвардейца, стоявшего у окна дворца. В восторге юноша вокликнул:

— Оставьте ружье себе, месье. Вы лучше меня обращаетесь с ним.

— Нет,— будто бы холодно ответил Мериме, возвращая ружье,— я так не думаю.

После чего спокойно удалился.

Эта история — чистейшей воды вымысел и была приписана Мериме исключительно из-за его репутации циника.

* * *

Будучи придворным, любившим насмешничать, — но все-таки придворным,— Мериме был своим человеком в Тюильри и в Компьене. Он участвовал во всех торжествах и развлечениях узкого круга высокопоставленных особ и был неистощимым выдумщиком разнообразных игр, шарад и буриме. Однажды в дождливый день он нашел развлечение в том, что устроил диктант для членов императорской семьи и приглашенных ко двору лиц. Этот случай получил огласку. И даже самым отстающим ученикам в школе, к превеликому их удовольствию, стало известно, что сам император сделал 45 орфографических ошибок, императрица — 62, принцесса де Миттерних — 42, Александр Дюма — 24, Октав Фейе—19, а принц де Миттерних — 3!

В другой раз Мериме организовал танцульки под механическое пианино, ручку которого крутил Наполеон III. Делал он это рывками, в результате чего танцоры сбивались с ритма...

Мериме был немногословен. С несколько презрительной улыбкой он слушал лицемерных и глупых придворных, которых было в избытке, в императорских дворцах. За ним утвердилась репутация жестокого острослова, его высказывания зачастую были неслыханно дерзкими, он не щадил никого и ничего.

Вот некоторые из них:

«К принцессе Матильде можно войти в халате. Правда, есть риск, что вам не удастся выйти...»

«Двору не нужны гении. Здесь все зависит от императрицы. У нее есть выбор между дюжиной глупцов и одним умным человеком. В конце концов она допускает ко двору всех. Правда, через какое-то время умный непременно попадает в немилость...»

«Вам, конечно, известно, что, когда в кругу семьи рассказывают фривольные анекдоты, молоденьких девушек просят выйти. В Компьене же за дверь выставляют меня, когда я собираюсь рассказать что-нибудь подобное. После чего все умирают от скуки!»

«Королям весьма опасно обнажать свою суть. Когда я бываю невольным свидетелем этого, я стараюсь сразу же забыть о случившемся, чтобы сохранить уважение к ним».

«Если бы военные не были такими красавцами, их глупость сразу же бросалась бы в глаза. Умные не бывают настоящими военными».

«Вас не пугает, что слугами правосудия зачастую становятся те, чьи достоинства измеряются главным образом успехами на экзаменах?»

«Когда бы кто ни просил аудиенции у императора, он всегда

«отсутствует». Для него это способ существования. Он неплохо устроился с этим вечным «отсутствием»!»

В ответ на вопрос, что могло бы выйти из брака Оффенбаха с мадам де Кастилионе, Мериме заявил:

— Над этим должны задуматься ученые-натуралисты.

И вот, наконец, высказывание, характеризующее Мериме как непочтительного придворного и талантливого мистификатора:

«Для меня нет большего удовольствия, чем в беседе с людьми, считающими себя всезнайками, с воодушевлением говорить о знаменитости, которая никогда не существовала».

РАБЛЕ БЫЛ СОВСЕМ НЕ ПОХОЖ НА СВОИХ ГЕРОЕВ

Однажды, когда я поднимался по сплошь покрытому виноградниками холму Шинона, зеленеющему под ярким апрельским солнцем, мне в голову пришла безумная идея, которая, может быть, вызвала бы удивление у благочестивых обывателей, но наверняка пришлась бы по душе беззаботным весельчакам и прожигателям жизни, любителям хорошо поесть и пропустить стаканчик-другой, то есть тем, которые меня обычно и читают.

В связи с 400-летием со дня смерти создателя незабываемых образов Гаргантюа и Пантагрюэля мне захотелось взять у него интервью и расспросить поподробнее о его «раблезианской» жизни монаха-расстриги, врача—последователя Гиппократа, обжоры, любителя выпить и поволочиться за юбками...

Вот почему с блокнотом в руке я приехал в Девиньер — в обветшалый от времени небольшой домик, в котором почти пять столетий назад появился на свет и зашелся в крике метр Франсуа Рабле.

Для общения с этим безудержным весельчаком не нужны ни вертящиеся столы, ни вызывание духов, ни другие оккультные приемы. Достаточно зайти к нему в дом.

... Я поднимаюсь по каменной лестнице его дома, и вот великий метр передо мной. Подпоясанный веревкой, в одежде францисканского монаха он сидит за столом, перед ним два кубка и кувшин с вином.

— Кто там? спрашивает он.

Я представляюсь, и он впадает в безудержное веселье.

— Газетчики, фельетонисты и другие писаки могут чувствовать себя в Девиньере, как у себя дома. Выбирайте табуретку по своей заднице, садитесь и отведайте этого божественного молодого вина.

Он наливает мне полный кубок, мы чокаемся и пьем... При этом Рабле причмокивает от удовольствия.

— Неплохое мочегонное! Да? Что вы скажете?

Похвалив вино, я осторожно сообщаю ему о том, что приехал расспросить его о житье-бытье.

— Сгораю от нетерпения,— захохотав, сказал он,— как девка в ожидании любовных утех...

И тогда я сообщил метру, что собираюсь написать статью о его жизни.

— Наверное, вы живете очень весело, метр Франсуа?— спросил я.— Был бы рад услышать от вас несколько занятных историй.

— Тра-та-та-та-та,— внезапно рассвирепев, заорал он.— Только безмозглому ослу могло прийти такое в голову. Я и так сыт по горло россказнями о моей веселой жизни. Легенды о ней — бред сивой кобылы. Оставьте это для кумушек и сплетниц, тех, кто ничего не знает обо мне и судит по Гаргантюа, Грангузье и Пантагрюэлю. Они думают, что метр Рабле только и знает, что пить, жрать и забавляться с девками. К тому же, по их мнению, он еще жулик, неотесанный коновал и вообще шут гороховый...

— Если это не так, то буду рад услышать от вас истину, метр.

Рабле вновь наполнил кубки, залпом осушил свой, вытер рот рукавом и начал рассказ:

— Именно здесь, в этой самой комнате я и родился в одно прекрасное утро 1494 года. Это был загородный домик моего отца, известного в Шиноне адвоката Антуана Рабле, который приезжал сюда отдохнуть от городской суеты, проветрить мозги, забитые разной судебной глупостью, и проследить, чтобы крестьяне, арендовавшие у него виноградники, не надули его.

Подмигнув, он опять налил себе вина и продолжал:

— Мое детство прошло в Шиноне, где я, как и другие дети, чувствовал себя свободным, словно птица. Но в возрасте, когда другие разгуливали с девицами по полям и лесам, находя себе приют под каждым кустом, отец отправил меня в францисканский монастырь Сеюй, недалеко отсюда, где монахи бражничали, вместо того чтобы постигать цицероновскую латынь, и преуспели в этом куда больше, чем в молитвах. Чудом мне удалось усвоить азы латыни и начать калякать на ней. Но делал я это, как желторотый юнец, впервые дорвавшийся до бабы, то есть плохо. Потом я ушел в монастырь де ла Бомет, неподалеку от доброго города Анжера.

— Вы мечтали стать монахом?

— Безусловно, меня влекло к теологии так же сильно, как к

хорошему вину,— сказал Рабле, вновь наполнив кубок и осушив его.— Пришло время, и я принял духовный сан. Вскоре перешел в кордельерское аббатство Фонтене-ля-Конт. Там стал изучать греческий язык, звучавший для меня, как лютня.

— В это время вы, конечно, были веселым, беззаботным учеником, любившим пошутить над своими учителями и пропустить стаканчик-другой в компании красоток?

— Ничего подобного! С чего вы это взяли? Такую жизнь вели балбесы-монахи, путавшиеся с девками и таскавшиеся по кабакам. В отличие от меня, без устали корпевшего над переводами Гомера и Пифагора, их не влекло в храм науки. Эти невежды, совсем не утруждавшие себя работой и помышлявшие лишь о том, как бы набить свою утробу, болваны и тупицы, всячески потешались над моей страстью к изучению трудов великих ученых. Когда вечерами, горланя похабные песни, они шли пьянствовать и развратничать в ригу, я оставался в своей келье и при мерцающем тусклом свете свечей переводил «Илиаду».

— Тем не менее, метр Франсуа, несмотря на ваши усердные занятия, вы все-таки, наверное, находили время, чтобы немножко развеяться? И вам приходилось где-нибудь повеселиться от души?

— Конечно, я просто был вне себя от счастья, узнав, что епископ Малезе Жоффруа д'Эстисак пригласил меня наставником к своему племяннику...

— Да, мне понятна ваша радость. Вас привлекла мысль о свободе и о том, что вы сможете посещать все злачные места Пуату в компании этого молодого человека...

— Вовсе нет! Вы что же, принимаете меня за какого-то бездельника и бабника, который не может спокойно пройти мимо юбки? Так знайте же, невежда, я радовался тому, что отныне в моем распоряжении была библиотека Малезе, одна из самых богатых во Франции, и что теперь я смогу работать там над переводами Платона, Плутарха...

— Так протекали годы моей юности, я постигал науки, поступив на факультет права в Пуатье. Шел мне в ту пору 28-й год. В это время я решил, что пришла пора заняться всерьез теологией, каноническим правом и другими богословскими дисциплинами в каком-нибудь университете, к которым я имел пристрастие. Я учился в Бордо, где течет Гаронна, в Тулузе, в Бурже и в Орлеане. Там я свел знакомство с изможденным студентом по имени Жан Ковен, который впоследствии будет подписывать свои произведения Жан Кальвинус и которого потом ошибочно будут называть Кальвином...

Наконец, я очутился в Париже, где народу было как червей в

навозе. Кого там только не было: и студентишки из Сорбонны, и педантичные профессора, и праздно шатавшиеся по городу бездельники, и безмозглые ослы, вышагивавшие так горделиво, что я помирал со смеху. Вскоре я был сыт по горло парижской жизнью, решил уехать в Монпелье и заняться изучением медицины.

— В то время вы были еще монахом?

— С серединки на половинку. Я еще не снял схиму, но уже выбросил свое монашеское одеяние на свалку, чтобы свободнее чувствовать себя в кругу литераторов, зачастую ведших весьма беспорядочный образ жизни, как это принято в их среде... Однако вернемся к медицине. В Монпелье душа моя возликовала. Почему, спросите вы. Да потому, что меня всегда влекло к непостижимым и неизученным сторонам человеческого бытия. И у меня просто голова шла кругом от предвкушения их разгадки...

Я весь погрузился в труды великого Гиппократа, перевел его восхитительные «Афоризмы», которые высокомерные и чванливые медицинские «светила» в напудренных париках буквально смешивали с дерьмом. Я был одним из первых студентов, кто постигал анатомию на трупах, разделывая их хорошо заточенным ножом. Увы! Церковь запрещала подобные занятия. И по ночам мне приходилось выкапывать свеженькие трупы из могил и в темных подвалах анатомировать их.

Проучившись несколько лет в компании таких друзей, как Мишель де Нотр-Дам, которого вы называете Нострадамусом, я уехал из Монпелье, не пытаясь добиться ученого звания, настолько я торопился в Лион, чтобы опубликовать там переведенные мною труды Гиппократа. В Лионе я зарабатывал на жизнь лечением бедняков...

— Вас, конечно, преследовали за незаконную медицинскую практику?

— Вовсе нет. Наоборот, церковники назначили меня в больницу Отель-Дье, где я начал практиковать с 1 ноября 1532 года. Тогда мне было 38 лет. В больнице люди мерли, как мухи. Иногда на одну койку клали по три умирающих, и они лежали там, прижавшись друг к другу, на боку. Когда одному несчастному нужно было повернуться на другой бок, приходилось поворачиваться всем троим. Несколько лет пришлось работать в Лионе до изнеможения. Но я старался изо всех сил, и поэтому меня любили.

— Когда же вы написали «Гаргантюа»?

— О, это особая история, сейчас я вам ее расскажу. Однажды мой приятель принес мне книжонку с таким названием «Великие и бесподобные хроники огромного великана

Гаргантюа». Кто ее накропал, одному богу было известно. О легендарных подвигах этого горластого балагура, любившего повалять дурака, испокон веку рассказывали во Франции няньки чумазой ребятне.

— Позвольте, разве не вы создали этот образ?

— Да что вы! Просто приложив все свое усердие и пустив в ход фантазию, безудержную, насколько вам известно, я сплел судьбы Гаргантюа и Пантагрюэля, старинного персонажа французского эпоса, воедино... Поскольку книжонку о Гаргантюа в Лионе зачитали до дыр, мне в голову пришла мысль подзаработать на ней, так как тогда у меня не было ни гроша за душой. Что я и сделал к великой радости людей, не считая сорбоннских зануд и прочих бродяг, которых ничем не проймешь...

Потом я стал врачом одного епископа и добрался с оным до самого Рима.

— Об этом я знаю. Рассказывают даже, что вы, считая себя недостойным чести поцеловать ноги папы римского, по примеру вашего хозяина, попросили у папы позволения поцеловать его в задницу.

В сердцах метр Франсуа стукнул кулаком по столу.

— Гнусная ложь, сочиненная жалкими студентишками из Сорбонны в бреду, и университетскими сопляками, которые принимали меня за грубияна и шута,—заорал он.— Все было совсем не так. Я испросил прощения у Его Святейшества за то, что сошел с пути истинного, уйдя из монастыря. Он отпустил мне грехи, и я с чистой совестью стал заниматься медициной, возвратившись в лионскую больницу. В итоге я все-таки был удостоен высшего ученого звания доктора медицины в Монпелье. В Лионе у меня был сын от одной аппетитной бабенки. Его звали Теодул. Я доверил его воспитание одному прелату. Но однажды, когда я был в отъезде, мой мальчуган заболел, а священник, положившись на волю божью, дал ему спокойненько отойти в мир иной. И тогда я, не помня себя от горя, уехал в Париж, где был назначен придворным лекарем.

— Об этом периоде вашей жизни рассказывают любопытные истории.

— Интересно знать, какие?

— Говорят, что у вас не было ни гроша в кармане и вы не могли добраться до Парижа. Вы остановились в каком-то постоялом дворе и попросили мальчишку написать на обрывках бумаги: «Яд для умерщвления короля», «Яд для умерщвления королевы», «Яд для умерщвления герцога Орлеанского» и тому подобное. Потом, наклеив этикетки на конвертики, вы отослали

мальчика прочь, а он, конечно, побежал и рассказал все своей матери. Буквально через несколько минут за вами пришел судейский чиновник и отправил вас под охраной в Париж. В Париже вы развернули эти конвертики, в которых была зола, и весь двор потешался над тем, как вам ловко удалось обвести вокруг пальца судейские власти, чтобы бесплатно добраться до столицы...

— И это все, что вы знаете об мне?.. Это ложь и выдумки пустомель. Чем сочинять небылицы, шли бы они лучше щупать девок в кустах.

Чтобы успокоиться, он допил вино и сказал:

— Моя история подходит к концу. В итоге я все-таки стал священником, получил приходы сразу в церкви Св. Мартина в Медоне и в церкви Св. Христофора в Ле Мане.

Так прожил я два года. Я лечил там больных, поскольку именно это все же являлось моим истинным призванием, и писал пятую книгу о Гаргантюа и Пантагрюэле, не слишком утруждая себя на поприще кюре. Из-за этого у меня отобрали приход, обвинив в нерадивости... А вскоре 4 апреля 1553 годя я умер в Париже, в доме как раз за церковью Святого Павла, что неподалеку от Сены. И было мне 59 лет от роду...

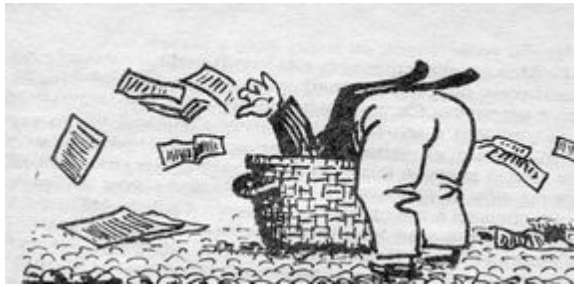
Теперь вы знаете об мне все, за исключением тех женщин, которых я любил, и тайн, о которых я все-таки поведал в моей книге, более серьезной, чем думаете о ней вы и эти безмозглые ослы из Сорбонны. Но надеюсь, что в один прекрасный день читатель неожиданно для себя самого поймет все то, о чем я хотел сказать в ней.

Он встал, давая понять, что разговор закончен.

Я возвратился в Париж весьма озадаченный. И прежде, чем поведать вам о метре Франсуа, мне захотелось полистать книги о его жизни...

Создатель Панурга не солгал мне... Вопреки существующему о нем мнению, он никогда не был шутом и не терпел вульгарщины. Он был дотошным ученым, одним из самых больших эрудитов и медицинских светил своего времени.

СТРАННЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ ЗОЛЯ



Если бы г-ну Мориаку (Франсуа для особ из благотворительного общества) пришла в голову мысль написать роман о куртизанке —естественно, терзающейся мыслью о своем грехе,— и никто из членов семьи не смог, как обычно, послужить ему прообразом, он сделал бы его героиней такую великую актрису, что многие читатели были бы поражены его беззастенчивостью.

Если бы г-н Мориак (месье Франсуа для неприступных дам) поместил свою куртизанку в обстановку, настолько детально выписанную, что посвященные смогли бы узнать в ней квартиру одного из министров, то читатели, конечно же, сочли бы, что это чересчур.

И, наконец, если бы г-н Мориак (Святой Франсуа для патронесс), описывая роскошный и несколько легкомысленный ужин, заставил своих героев есть те же блюда, что были на последнем обеде у монсеньера архиепископа, не один читатель был бы глубоко разочарован.

Между тем г-н Мориак (красавчик Франсуа для девиц из Себасто) лишь последовал бы примеру Золя...

У последнего, в сущности, не было ни глубокого знания человеческих душ, ни воображения, и, чтобы писать свои романы, он был вынужден скрупулезно фиксировать все, что видел у людей, несколько неосторожно пригласивших его в свой дом.

Возьмем, к примеру, его роман «Нана»: рассмотрение событий и персонажей, послуживших источниками для романа, раскроет нам секрет того, что в шутку называли «натурализмом», и продемонстрирует методы работы автора «Человека-зверя».

Однажды в 1877 году Золя зашел навестить своего друга Мане. Тот рисовал портрет актрисы Генриетты Озе, ставшей знаменитой из-за своей связи с принцем Оранжским.

Золя, увидевший краешек очаровательного нижнего белья этой соблазнительной особы, пришел в сильное волнение. Сев в углу мастерской, писатель, никогда не встречавшийся с

«дорогими кокотками», с удивлением слушал весьма фривольные рассказы актрисы о жизни содержанки. Несколько минут спустя он вынул из кармана записную книжку, с которой никогда не расставался, и, спрятавшись за одну из картин, стал лихорадочно делать записи, краснея при этом, как юнец, которого застали за тем, что он подглядывал в замочную скважину.

В 7 часов, не обмолвившись ни словом с моделью Мане, он откланялся и вернулся домой, решив написать роман о гнусности мира, который он только что для себя открыл.

Он встал около стола и начал протирать стекла своего пенсне большим клетчатым носовым платком, который мадам Золя выдавала ему каждую неделю на следующий день после того, как белье было выглажено. Внезапно им овладело беспокойство.

Сумеет ли он описать жизнь куртизанки, он, не знавший ничего иного, кроме серой и однообразной жизни мелких буржуа, вышедших из среды лавочников?

Бывший служащий издательства Ашетт, в сущности, никогда не бывал ни в ложе актрисы, ни в салоне светской женщины, ни в отдельном кабинете, ни, разумеется, в спальне одной из этих сладострастных женщин, которыми владели короли Парижа и даже Европы.

Имея, таким образом, весьма смутное представление об обществе, в котором царил разврат и которое он намеревался описать, Золя вооружился записными книжками, водрузил на свой мясистый нос пенсне и отправился «на охоту»...

Сначала он обратился к тем из своих друзей, у кого был опыт в любовных делах: Мопассан поведал ему о своих последних победах, у Анри Сеара он смог прочитать его личный дневник, полный рассказов об изысканных ужинах и оргиях у женщин легкого поведения, а от Людовика Алеви, завсегдатая театральных кулис, он узнал о жизни актрис. Благодаря Алеви он познакомился с Дельфиной де Лизи, Анной Делион и Бланш д'Антини. Последняя стала во многом прообразом героини его романа. Бланш буквально поразила Золя той роскошью, в которой жила. Наблюдая за ее жизнью, Золя исписал не одну записную книжку. Бланш выливала в ванну 200 бутылок шампанского, чтобы, как она говорила, «окунуться в нем». Ее ночная ваза была из массивного серебра с выгравированной на ней монограммой...Следует отметить, что Бланш была незаурядным созданием. В отличие от любой уважающей себя куртизанки, она делила ложе не только с богатыми любовниками. У нее были «свои нищие» — молодые люди на одну ночь, которые приглянулись ей по той или иной причине (по какой именно, она тщательно записывала в своем дневнике).

Вот отрывок из него:

«Пилотель: за свою шевелюру.

Эрве: за свой талант.

Миллер: за то, что он бакалавр.

Джейм: за свое простодушие.

Люс: за утонченность.

Гамбургер: за шикарность.

Против многих фамилий стояла фраза, свидетельствовавшая о добром сердце мадемуазель: «... потому что он меня об этом просил».

Столь необузданный темперамент не мешал Бланш «быть религиозной». В ее будуаре висело даже послание папы Пия XI, в котором он благодарил ее за щедрые пожертвования в пользу церкви. Письмо начиналось следующими словами:

«Моей дочери, добрейшей Бланш д'Антини...».

Как же легко было удовлетворить всех, и Его Святейшество в том числе...

Найдя свой персонаж, Золя отправился на поиски обрамления... Ему был необходим особняк кокотки. Леон Энник ввел его в дом мадам Вальтесс де ля Бинь, жившей на бульваре Малерб, в доме № 98.

Подруга художника Жервекса встретила писателя без всякого предубеждения и недоверия. Он мог сколько угодно прохаживаться по салонам, будуарам, столовой. Ему было разрешено даже заглядывать в спальню... В своей записной книжке он подробнейшим образом описал ее обстановку: кровать, вызывающая и великолепная, задрапированная атласом, по углам ее украшали вырезанные из дерева амуры, на панно была изображена Венера, поочередно улыбающаяся Вулкану и Парису, ниша украшена множеством зеленых растений...

В романе Золя кровать Бланш превращается в кровать Нана.

Но, чтобы написать роман, Золя еще многого не хватало. Он не был знаком ни с нравами, ни с языком, ни с ужасающим скотством этого порочного мира, с которым он соприкоснулся из любопытства.

Будучи не в состоянии делать то, к чему у него не было склонности, Золя использовал опыт некоторых своих собратьев по перу, в частности Томаса Отуэя, который в своем романе «Спасенная Венеция» описал сцену между сенатором Антонио и куртизанкой Акилиной:

«Она его гонит, называет идиотом, скотиной, говорит, что в нем нет ничего хорошего, кроме денег.

— Тогда я буду собакой!

Он лезет под стол и лает.

— Ах! Так вы кусаться! Ну, хорошо. Вы получите пинок.

— Дай пинка от всего сердца! Еще ударь! У! У! Сильнее! Еще сильнее!»

Эта сцена подсказала Золя написать следующее в «Нана»:

«Иногда он был собакой. Она бросала свой надушенный платок в угол комнаты, и он должен был, ползя на четвереньках, принести ей его в зубах.

— Апорт, Цезарь! Я тебя накажу, если будешь отлынивать. Очень хорошо! Послушный Цезарь! Славный! Служи!

Ему нравилось чувство униженности, он испытывал наслаждение от того, что был животным, которого были готовы убить.

— Бей сильнее! У! У! У! Я в ярости. Бей же! — кричал он».

Но когда в романе Нана должна была устроить званый обед, Золя оказался в большом затруднении: никогда он не присутствовал на обеде, похожем на тот, который собирался описать.

Правда, он выпутался... использовав отчет об обеде, устроенном министром Шарлем-Луи де Фрейсине, опубликованный в газетах за 6 ноября 1878 года. Он полностью заимствовал список блюд, подававшихся на этом обеде...

* * *

Что касается других его книг, Золя действовал так же. Зачастую он прибегал к помощи друзей. Когда в одном из своих романов Золя должен был вывести на сцену Наполеона III, которого он не видел ни разу в жизни, он обратился к Флоберу. Тот изобразил несколько шаркающую походку Луи Бонапарта, прогуливающегося в домашних туфлях в Компьене...

Перед Золя, который был сильно близорук, вставала еще одна проблема: описание улиц, парков, набережных и т. д. Он справлялся с этой задачей следующим образом: использовал фотографии или картины, которые мог хорошо рассмотреть сквозь пенсне. Так, в «Человеке-звере» описан не сам вокзал Сен-Лазар, а картина Клода Моне, изображающая его.

Из-за этого несколько наивного метода работы, состоявшего в копировании жизни (героев Золя следовало бы назвать не Ругон-Маккарами, а Ругон-Макаками), Золя придавал большое значение деталям — как, впрочем, и все близорукие люди, — и упускал главное. Альбер Тибоде писал о «Дамском счастье» (создавая этот роман, Золя выписывал каталоги крупных магазинов, проспекты и даже образцы товаров): «Что мы видим в «Дамском счастье»? Магазин и торговлю. Продавец же, то есть основное, отсутствует».

Клебер Хеденс еще более категоричен: «Золя считал, что пишет правдоподобно, но постоянно фальшивил.» И добавлял:

«Золя ждет очень жестокое будущее».

Увы! Настоящее уже было жестоко к нему...

РИВАРОЛЬ И ЕГО АФОРИЗМЫ

Английский юморист сказал однажды: «Во Франции легче прославиться метким словом, нежели хорошей книгой»...

И это верно.

Если у кого-то и возникают сомнения, то достаточно вспомнить об Антуане де Ривароле.

Этот интересный человек, который в учебниках по литературе представлен как «философ», является автором одного из замечательных трудов о французском языке. Газетные статьи, вышедшие из-под его пера в период революции, достойны великого историка. Несмотря на это, о нем сейчас никто, возможно, и не вспомнил бы, если бы не его «афоризмы».

Изобиловавшая парадоксами речь Ривароля приводила в восхищение его современников, побаивавшихся, однако, его острого языка. Как известно, он мог — как и Вольтер — жестоко высмеять не только своих недругов, но и близких друзей.

Он не щадил никого и ничего, когда представлялась возможность отпустить меткое словцо.

Как-то в одном из парижских салонов дама с излишне заметным пушком над верхней губой, рассказывала нескончаемые истории, навевавшие смертельную скуку на окружающих.

— Эта мужественная дама,— сказал Ривароль нарочито громко,— может занимать своими историями до утра.

В другой раз он встретил известного баснописца Флориана, которого считал бездарностью. Из кармана поэта торчала рукопись. Ривароль, похлопав его по плечу, сказал:

— Будьте осторожны, месье Флориан, если вас не узнают, то могут обокрасть.

В 1790 году баливьерский аббат, намекая на несколько фривольные контрреволюционные памфлеты Ривароля, сказал ему:

— Разум нас погубит.

— Избавьте нас от него,— ответил Ривароль.

Он не давал пощады никому, даже своим доброжелателям. Не

успев закрыть за собой дверь дома, куда его пригласили на обед, зная, что он на мели, Ривароль тут же начинал злословить о хозяевах.

Однажды вечером, выходя из гостей, приятель Риваролля заметил:

— Вы расточали свое красноречие перед весьма посредственными людьми.

— Меня толкнула на это боязнь стать слушателем.

Французский естествоиспытатель Бюффон помог Риваролю стать известной личностью в кругах парижских литераторов. Однажды при встрече с Риваролем он спросил его:

— Что вы думаете о моем сыне?

— Ваш сын — самая неудачная глава в вашей книге «Естественная история»,—ответил он.

Однажды не блиставший умом писатель похвалялся тем, что знает четыре языка.

— Браво, месье,— сказал Ривароль,— в вашем распоряжении целых четыре слова для выражения одной мысли.

Автор весьма скучного философского трактата как-то сказал Риваролю:

— До чего люди злопамятны!

— Да что вы! — заметил Ривароль.— Вы потратили 20 лет, чтобы написать плохую книгу, а они забыли о ней в одно мгновение...

Однажды на приеме его неудачная острота вызвала смех окружающих. Бросив на них свирепый взгляд, Ривароль сказал:

— В чем дело? Стоит раз в жизни совершить оплошность, как сразу же все начинают кричать:«Караул!»

Понятно, что у Риваролля было много врагов. Как будто для того, чтобы увеличить их число, он, забавляясь, написал вместе со своим приятелем книгу «Маленький альманах великих людей», в которой высмеял всех известных писателей своего времени, не пощадив даже Бомарше. После чего они все его и возненавидели.

Иногда Ривароль сочинял эпиграммы на модных поэтов, которых он не без основания считал бездарными, очень остроумные, но очень язвительные.

Жертвы его эпиграмм порой не догадывались о том, кто их обидчик, поскольку Ривароль, проявляя «осторожность», не подписывался под ними. Более того, иногда с присущим ему коварством он подписывал свои памфлеты именами друзей...

Писатели стремились отомстить за себя. И они легко могли сделать это, поскольку у Риваролля, несмотря на весь его ум, были свои маленькие слабости.

Он питал пристрастие к дворянским фамилиям и сам

присвоил себе дворянский титул, добавив к своей фамилии частицу «де», как это сделал в свое время Вольтер, с которым у него было много общих черт.

Его отец содержал постоялый двор в провинции Лангедок. Он был итальянцем и носил фамилию Ривароли. Вскоре он стал именовать себя на французский манер Ривароль, решив, что больше никогда не возвратится на родину.

Антуан, блестяще закончивший семинарию в Авиньоне, стыдился своего плебейского происхождения. Вспомнив о своем отдаленном родстве с математиком Депарсье, он стал называть себя шевалье де Парсье. Увы! У математика был настоящий племянник, который, обратившись в суд и угрожая Риваролю скандалом, добился, чтобы тот отказался от имени, носить которое не имел права.

Желая любой ценой стать аристократом, Антуан тогда стал называть себя шевалье де Ривароль, а для этого выдумал несуществующее родство с аристократическим итальянским родом.

Естественно, вся хитрость была шита белыми нитками, и писателям, осмеянным Риваролем. не составило труда узнать, что псевдошевалье — сын трактирщика.

В адрес новоявленного дворянина со всех сторон посыпались язвительные эпиграммы.

Ривароль не обращал на это внимания и с высокомерием продолжал носить свой титул.

Вскоре с этим остряком произошел весьма неприятный случай, выставивший его в неприглядном свете. Как писал Жак Буше, один из биографов Риваролля. «этот случай показал парижанам. что этот сверкающий бриллиант не без изъяна».

Обратимся к фактам:

Ривароль был женат на молодой очаровательной англичанке, мисс Мазе-Флинт, от которой у него был сын Рафаэль. Через некоторое время, сочтя супружескую жизнь излишне монотонной для человека его ума, Ривароль бросил жену, которая, оставшись без средств к существованию, была вынуждена просить милостыню, чтобы прокормить себя и ребенка.

Следует заметить, что рождение ребенка отнюдь не пробудило отцовских чувств в Риваролле. Наблюдая за младенцем, он как-то с презрением заметил:

— Ребенок —это просто сосуд для молока!

Да, наш великий остряк умел сохранять хладнокровие.

В то время, как Ривароль блистал в лучших парижских салонах, его жена влачила жалкое существование в убогой комнатенке. К счастью, вскоре она встретила мадам Леспанье,

добрую женщину, служившую в богатом доме, которая, сжалившись над ней, взяла ее с ребенком под свою опеку.

Но эта добрая душа часто сама была без гроша в кармане и вскоре вынуждена была брать деньги в долг и наняться сиделкой, чтобы продолжать помогать мадам Ривароль.

О бескорыстии мадам Леспанье стало известно молодому писателю Луве, которому пришла в голову мысль добиться для нее премии за добродетель, учрежденной незадолго до того бароном де Мотийоном во Французской Академии. Этим, как считал Луве, он одним выстрелом убьет двух зайцев: сделает доброе дело и унизит Риваролля, который в это время тратил немало сил на то, чтобы добиться кресла в Академии.

Узнав об этом намерении, Ривароль приложил все усилия к тому, чтобы мадам Леспанье не получила этой премии. Проявив необыкновенную изобретательность, он всячески старался доказать, что его жена ни в чем не нуждается. Однако его ухищрения ни к чему не привели, и премия—1080 ливров — была вручена мадам Леспанье.

Однако в последний момент Риваролю удалось добиться от Академии, чтобы имя его жены не было названо.

Это была совершенно ненужная предосторожность, поскольку весь Париж был в курсе дела и презирал этого острослова, который, перестав в какой-то момент походить на Вольтера, стал в своих отцовских чувствах напоминать Руссо...

Ривароль, оскорбленный до глубины души, возненавидел все человечество. Именно тогда он писал: «Из двадцати человек, судачащих о нас, девятнадцать говорят о наших пороках, двадцатый же восхваляет нашу добродетель, но делает это так, что она превращается в порок».

Потом он уединился и сделал довольно вольный перевод дантевского «Ада».

Едва он завершил работу над переводом, как ему стало известно, что Берлинская Академия объявила конкурс на следующую тему: «Что сделало Французский язык универсальным?»

Ривароль подпрыгнул от радости. Поскольку его шансы на то, чтобы стать членом французской Академии, были ничтожны, он решил попытаться стать членом Берлинской Академии...

Его великолепная конкурсная работа, занявшая 44 страницы (знаменитое «Рассуждение об универсальности французского языка»), была признана лучшей. Ривароль получил премию и стал членом Берлинской Академии.

Другой продолжал бы писать. Ривароль же был слишком ленив. У него было намерение составить словарь, но оно так и

осталось неосуществленным. Ему не хватало времени... Когда он мог писать? Он же не замолкал ни на минуту... Язвительные замечания сыпались из него, как из рога изобилия.

Он говорил:

— Месье де Мирабо—единственный в мире, кто полностью оправдывает свою репутацию. Это ужасный человек. И добавлял: «Ради денег он готов на все, даже на добрые дела.»

О шевалье Понсе, не отличавшемся аккуратностью, Ривароль сказал:

— Он способен испачкать даже грязь.

О своем друге Шамсенеце Ривароль говорил:

— Я нашпиговал этого толстяка мозгами.

О своем собственном брате, который часто заимствовал его высказывания, Ривароль говорил:

— Мой брат напоминает мне карманные часы с боем, но хорошо звонят они только тогда, когда он выходит от меня.

О своем друге Лораге:

— Его идеи напоминают оконное стекло: каждое в отдельности светлое и прозрачное, а если соединить несколько штук вместе, то сквозь них ничего невозможно увидеть.

О маршале де Сегюре, который был одноруким и ходатайствовал перед Учредительным собранием о назначении ему пенсии:

— Он надоел уже Учредительному собранию своей вечно протянутой несуществующей рукой.

И, наконец, о себе самом:

— Огромное преимущество никогда ничего не предпринимать, правда, не следует злоупотреблять этим.

* * *

Революция сделала из Риваролля рьяного защитника Людовика XVI. До того, как сбежать в Гамбург со своей любовницей, красоткой Манеттой, у которой, как он говорил, «ума не больше, чем у розы», он был издателем газеты «Журналь политик э насьональ».

В Гамбурге Ривароль по-прежнему острословит. Он запиывает свои изречения. Некоторые из них восхитительны:

«Горе тем, кто поколеблет основы нации»;

«Чтобы не допускать ужасов, которые несет с собой революция, нужно ее делать самому»;

«Философы спутали равенство со сходством. Люди действительно рождаются похожими друг на друга, но отнюдь не равными»;

«Нужно атаковать мнение его же оружием: по идеям не стреляют»;

«Вольтер сказал: «Чем просвещеннее люди, тем они свободнее». Его последователи сказали: «Чем свободнее народ, тем он просвещеннее». Это все и погубило».

Порой его высказывания были менее серьезными:

«Кошка нас не ласкает: она ласкается к нам»; «Почему предпочитают выдать замуж дочь за глупца, имеющего имя и состояние, а не за умного человека? Потому, что состояние и привилегии глупца можно поделить на двоих, а ум — не делится: женщина, вышедшая замуж за герцога, становится герцогиней, женщина же, вышедшая замуж за умного человека, не становится умнее».

Во времена Директории Риваролю было запрещено возвращаться во Францию, и он прожил в изгнании до 1801 года. Он собирается написать памфлет против Бонапарта и в поддержку будущего Людовика XVIII, но заболевает воспалением легких, и за неделю болезнь уносит его в могилу. Он умирает в возрасте 48 лет.

Незадолго до смерти он высказал свое мнение о мадам де Сталь, ставшее последним его изречением:

«Я предпочитаю людей с четко выраженной принадлежностью к мужскому или женскому полу».

Таких же, согласитесь, всегда было немного в среде литераторов.

ЛЮБОВЬ В ЖИЗНИ ВИКТОРА ГЮГО

Отвечая собеседнику, В. Гюго часто прибегал к александрийскому стиху, рифмуя с последним услышанным словом...

Т.Готье

(Представлено в виде сценария)

Июнь 1810 года. Действие происходит в саду бывшего монастыря фельянтинок на улице Фобур-Сен-Жак. где живет мадам Гюго со своими детьми. Вдалеке виден купол собора Валь-де-Грас. Генеральша принимает друзей — месье и мадам Фуше. Под деревьями восьмилетний Виктор и его братья Абель и Эжен играют с семилетней темноволосой Аделью Фуше, похожей на испанку.

Адель: Какая у тебя красивая юла!..

Виктор (с гордостью, проявляя свои первые поэтические способности): От молодого скворца — это не похвала...

Прошло девять лет. Улица Шерш-Миди, квартира Фуше. Виктору—17, Адели—16. Она очень хороша собой. Они залезли в кладовку и нежно обнимаются.

Адель: Ты думал обо мне со вчерашнего дня, Виктор?

Его глубокий вздох столь же долог, как александрийский стих.

Адель: Ах! Когда же наступит счастливый день и мы, наконец, поженимся?

Виктор: Скоро... Прочти без промедленья, моя возлюбленная, что начертала моя рука, которой водил мой помутившийся разум.

Он протягивает ей лист бумаги. Она читает.

Адель: О! Виктор! Как это прекрасно!

Виктор, пользуясь волнением, охватившим Адель, пытается поцеловать ей руку.

Адель: Нет, нет, Виктор. Отпусти мою руку, иначе я

рассержусь на тебя.

Виктор (пылко): Я сейчас же пойду к твоему отцу просить твоей руки.

В этот момент открывается дверь и появляется месье Фуше.

Отец: А, негодники, вот я и поймал вас! Виктор! Что вы делаете с моей горячо любимой дочерью в кладовой?

Виктор (гордо): Ах! Для меня эта кладовка прекраснее дворца!

Отец: Я спрашиваю тебя не об этом. Чем вы здесь занимаетесь?

Адель: Отец! Пощади! (Она бросается на колени и заливается слезами.) Я люблю его, папа, и он тоже любит меня!

Отец (Виктору): Вон отсюда! И никогда больше не показывайся мне на глаза в доме, где ты воспользовался доверчивостью неиспорченной девушки!

Виктор (гордо и с презрением): Ничто нельзя осквернить, щекоча указательным пальцем.

* * *

12 октября 1822 года. Утром Виктор обвенчался с Аделью Фуше. Несмотря на то, что до Адели Виктор не знал женщин, их брачная ночь была бурной. Адель и Виктор в постели. Новобрачная смотрит на своего супруга. Она выглядит утомленной, но сияет от счастья.

Адель: Как? Опять? Девятый раз? Ты делаешь свое дело добросовестно!

Виктор: Мужчина получил от богов, мадам, этот ключ, которым у себя дома он должен 24 часа в сутки заводить свою половину.

И он с новым приливом сил принимается за дело.

Занавес опускается.

Кабинет поэта, улица Нотр-Дам-де-Шан. Оп пишет «Кромвеля». Рядом с ним вышивает Адель. У нее озабоченный вид. Иногда она вздыхает. Виктор Гюго смотрит на нее. И поскольку он не может подобрать рифму к ее вздоху, расстроенный этим, молчит, ожидая, пока она заговорит.

Адель (после очередного вздоха): Виктор, я думаю, что опять беременна... (опять вздыхает). Постоянно рожать, постоянно кормить грудью... Неужели счастье в этом...

Виктор (нежно): Ни слова больше, я хочу шестерых детей! Шестерых, слышишь, сердце мое? 12 босых ножек будут бегать по лужайке, их будет столько же, сколько слогов в александрийском стихе.

Довольный собой, он опять принимается за работу, Адель же, разозлившись, вновь склоняется над вышиванием.

Взгляд ее полон ненависти. (Крупный план.)

Спустя несколько месяцев. Виктор с головой в работе. На его столе кипы рукописей. Он неистово пишет. Адель сидит в уголке. Вид у нее несколько утомленный. Она вздыхает. В комнату входит мужчина небольшого роста, довольно уродливый. Судя по его неискреннему виду, в этой драме он играет роль предателя. Это — Сент-Бев. Виктор Гюго весьма любезно приветствует его.

Сент-Бев, бросив сладострастный взгляд на Адель, льстиво обращается к Виктору:

— Как ты талантлив! Ты — гений! Слава Виктору Гюго и красавице Адели!

Виктор: Это потому, что у меня есть такой преданный друг...Впрочем, извини меня, друг мой, это же из Расина! (*Он вновь берется за перо).*Сейчас только напишу элегию и полностью буду в вашем распоряжении.

Пока Гюго пишет, Сент-Бев незаметно делает знак очаровательной Адели.

Адель: Ох!..

Сент-Бев (тихо, саркастически улыбаясь): Душечка, а не встретиться ли нам? Что вы делаете завтра?

Адель (высокомерно, хочет избавиться от него): Как, вы уже уходите? Не смею вас задерживать, месье Сент-Бев...

Виктор (Сент-Беву): Не забывайте нас и возвращайтесь поскорее.

Адель (возвращаясь в слезах): Виктор, любовь моя, не оставляй меня больше наедине с этим предателем! Он тебе не друг... Он смотрит на меня.

Однако поэт, погруженный в работу, делает вид, что не слышит. К этому он прибегает, когда хочет уйти от неприятного разговора.

Большое торжество в семье Гюго. Родилась девочка, которую поэт — его воображение хорошо известно — назвал... Аделью. Семья собралась вокруг колыбельки. Согнувшись, входит Сент-Бев.

Сент-Бев (с горечью): У меня разыгралось люмбаго...

Виктор (счастливый, представляет его своей семье): А вот и мой верный друг. Он — это второе я.

Сент-Бев (в сторону, чтобы никто не слышал): Долго я буду еще целоваться только с мужем? (Громко): Малышка щебечет, как канарейка...

Виктор: Хочу, чтобы ты стал крестным отцом малышки.

Сент-Бев: Любить одну Адель и быть крестным другой Адели... дочки первой! Ирония судьбы!

* * *

Адель стала любовницей Сент-Бева, и они встречаются в доме Виктора Гюго, когда того нет дома.

Лестница. Входит пожилая дама со странной походкой. В руках у нее сумка. Это — переодетый Сент-Бев. Он затеял этот маскарад, чтобы незаметно пройти к своему «другу».

Сент-Бев (поднимается по лестнице): Какое счастье! Она ждет меня. Каждый понедельник она принадлежит мне. Ах! Адель! Твой дар бесценен!..

Время от времени он останавливается, как старик, чтобы перевести дыхание. Внезапно появляется консьержка.

Консьержка: К кому вы идете, мадам?

Сент-Бев, потеряв голову от страха, начинает быстро карабкаться по лестнице. Он оступается, и из-под юбок у него выглядывают мужские панталоны.

Консьержка: Мужчина! Так я и думала!

Она начинает хохотать во все горло вместе с жильцами, вышедшими поглазеть из своих квартир. Сент-Бев, уязвленный, звонит в дверь Гюго.

Голос за дверью: Кто там?

Сент-Бев: Это я, как всегда по понедельникам пришла поболтать с вами…

Дверь открывается, и он поспешно входит.

* * *

Февраль 1833 года. Гюго в ложе актрисы. Он пришел поздравить с успехом молодую Жюльетту Друэ, исполняющую роль княгини Негрони в пьесе «Лукреция Борджа». Она прекрасна, и Виктор смотрит на нее с нескрываемым вожделением. После некоторых колебаний:

Виктор: Смелее, старина Виктор, не будь смешным. Отбрось щепетильность, поскольку тебе наставляют рога!

Он обнимает ее за талию.

Жюльетта: О! Месье Гюго! Будьте благоразумны.

Он целует ее в губы.

Жюльетта (отстраняясь): Это не очень-то вежливо, когда люди так мало знают друг друга!

Виктор (обретя спокойствие, в сторону): Еще до карнавала она будет моей!

Виктор стал любовником Жюльетты в день карнавала 1833 года. Они провели несколько недель в деревне Жуи-ан-Жоза в небольшой комнатенке в мансарде. Теперь они разговаривают друг с другом, как близкие люди.

Жюльетта: Мой маленький Тото! Ты съешь немного лапши с подливкой?

Она нежно целует его.

Виктор: Макароны? Конечно, моя любимая Жужу.

И он в ответ целует ее.

Жюльетта: Сядем за стол или ляжем в постельку?

Птичка на окне: Фюить!

Виктор (смотря на плиту): Жаркое еще не совсем готово.

И они ложатся в постель.

8 августа 1838 года. Маленькая квартирка на улице Сент-Анастаз, где затворницей живет Жюльетта Друэ, которой Виктор Гюго из ревности не разрешает выходить одной. Он не разрешает ей также принимать гостей, а получаемые письма она должна распечатывать только в его присутствии. Уже шесть дней Гюго, работающий над «Рюи Блазом», не появляется у нее, чтобы приголубить бедняжку, тоскующую и пылающую от страсти.

Жюльетта (пишет Гюго): «Тото, вы не очень-то любезны со мной. Вы же знаете, что вы для меня, как кусок хлеба для голодающего. А я уже так долго голодаю! Нашей религией отменен 40-дневный пост. Мой бедненький дружок, раз вы уже закончили вашу пьесу, приготовьтесь уделить по праву принадлежащее мне время, чтобы уж я могла разговеться... Я жажду ваших поцелуев и вашей любии. Не дайте мне умереть с голоду, мой Тото, ведь вы же можете сделать так, чтобы я не испытывала голода всю оставшуюся жизнь...»

Последняя фраза погружает ее в мечты. Окунув перо в чернильницу, она грезит наяву.

Свет на сцене гаснет. Занавес закрывается.

12 августа 1838 года. Виктор Гюго, наконец, появляется в квартире Жюльетты. Они в постели и полностью заняты друг другом. Собака спит в кресле. Достигнув вершины любви, для чего ему пришлось немало потрудиться, Гюго восклицает:

— Как прекрасно сознавать, моя обожаемая Жюльетта, что уже три года мы вместе.

Собака Виктора Гюго (внезапно проснувшись):Гав, гав, гав!

* * *

5 июля 1845 года. Виктор Гюго изменяет Жюльетте с очаровательной женой художника Биара. Действие происходит в бедно обставленной квартирке в проезде Сен-Рош. Виктор Гюго и Леони Биар предаются любовным утехам. Раздается стук в дверь. Гюго прислушивается.

Голос за дверью: Именем закона, откройте!

Мадам Биар (натягивая на себя одеяло): Боже мой! Полиция!

Голос: Откройте немедленно!

Дверь с шумом распахивается, и на пороге появляются комиссар полиции и месье Биар.

В полной растерянности любовники замирают в постели.

Месье Биар: Негодяи! Я посажу вас в тюрьму!

Виктор Гюго в чем мать родила встает с постели, не говоря ни слова. И комиссар вдруг замечает, что тот «в полной боевой готовности», и его желание еще не угасло.

Комиссар: И вам не стыдно, месье, представать перед нами в образе похотливого фавна в парке.

Виктор Гюго: Мне нужны совсем не вы, чтобы упала моя «арка».

Гюго лезет в карман своего сюртука, достает оттуда медаль пэра Франции и демонстрирует ее комиссару. Тот извиняется.

Биар (ухмыляясь): В этом наряде, месье Гюго, у вас отнюдь не респектабельный вид...

Виктор (не утративший желания пустить в ход каламбур): Даже в таком наряде мне удается оставаться великим пэром.

Мадам Биар плачет, встает с постели.

Месье Биар: Следуйте за нами, мадам.

Мадам Биар: Куда вы хотите отвести меня?

Комиссар: Туда, где место женщинам, совершившим прелюбодеяние,— в тюрьму Сен-Лазар.

Они выходят. Виктор Гюго одевается.

Виктор: Вернемся к Жюльетте и к стойкой Адели...Боже мой, как же сложно быть неверным...

Мадам Гюго простила мужу это приключение, над которым потешался весь Париж. Проявив великодушие, она даже способствовала тому, чтобы мадам Биар освободили из тюрьмы и поместили (временно) в монастырь.

Она простила Виктору и его связь с Жюльеттой Друэ, о которой стали говорить в семье Гюго как о члене семьи.

Действие происходит в гостиной дома Гюго.

Дети: Папа будет вечером дома?

Адель: Ваш отец обедает у мадемуазель Жюльетты...

Малыш Франсуа: Когда мы вырастем, он возьмет нас с собой...

Квартира Жюльетты Друэ. В ожидании своего друга она пишет ему письмо. Жюльетта пишет по два-три письма в день; она произносит вслух то, что пишет: «Я люблю тебя больше, чем женщина. Я люблю тебя, как бога! Я припадаю к твоим ногам... Я хочу, чтобы ты спокойно заснул! Пусть моя любовь будет тебе подушкой, а поцелуи — периной... Хотелось бы, чтобы моя любовь была для тебя больше, чем любовь простой женщины, хотелось бы быть твоей собакой и лежать у твоих ног, свернувшись калачиком...»

Она поднимает голову. Кажется, она немного взволнована...

Звонят в дверь. Она идет открывать и возвращается с пакетом.

Жюльетта: Что бы это могло быть?

Она вскрывает пакет. На пол падают письма. Она читает их и бледнеет.

Жюльетта: Что это! Что! Я схожу с ума.

(Она читает): Мадам! Вот письма, которые Виктор Гюго посылал мне в течение 7 лет. Он любит меня, а вы для него обуза... Поймите же это, наконец, и верните ему свободу...

Подпись: ***Леони Биар***.

Жюльетта: Кто эта женщина? О, боже мой, я умираю!..

Она падает без чувств.

* * *

После государственного переворота 1851 года Гюго был вынужден бежать из Франции. Сначала он скрывается в Брюсселе, затем на острове Джерси и, наконец, на острове Гернси. Здесь в «Отвиль-Хаузе» он живет вместе с Аделью. Но Жюльетта, последовавшая за ним в ссылку, находится в домике по соседству.

Виктор Гюго работает над поэмой. Слышен бой часов:

Динь! Динь! Динь! Динь! Динь!

Виктор (положив перо): Настало время пить чай с кексом и сливовым пудингом.

Адель приносит ему полдник. Он с аппетитом ест, потом отодвигает тарелку.

Адель: Ты должен немного прогуляться. Ты слишком много просиживаешь за столом.

Виктор (вставая): Пойду разомну-ка немного конечности (в сторону), займусь любовью.

Он целует Адель и выходит из дома. Он направляется на виллу «Отвиль-Феери», где Жюльетта, завидев его из окна, начинает быстро раздеваться.

Август 1868 года. В Брюсселе скончалась Адель. Она похоронена рядом с дочерью Леопольдиной на кладбище Вилькье.

На могильной плите Виктор Гюго приказал выгравировать следующую надпись:

АДЕЛЬ
ЖЕНА ВИКТОРА ГЮГО

1869 год. Поэт возвращается на остров Гернси. Старый сатир требует от нанимаемых им служанок «мелких услуг». Кабинет Гюго. Он звонит в колокольчик. С испуганным видом на пороге появляется 18-летняя служанка Сюзон.

Сюзон: Месье, вам что-то нужно?

Виктор: Да, Сюзон, мне действительно нужна от тебя

небольшая услуга. Представь себе, что я медная ручка и ее надо надраить...Сюзон улыбается. Она все поняла и подходит к нему, чтобы исполнить просьбу великого поэта-романтика.

Смена декораций... Через открытое окно виден деревенский пейзаж. Цветут одуванчики, над ними роятся пчелы. Внезапно налетевший порыв ветра разносит в разные стороны парашютики их семян.

Снова кабинет Гюго. Он на вершине блаженства...

Сюзон: Могу я теперь идти дожаривать жаркое?

Виктор (умиротворенный): Вот благоразумный и трезвый подход к делу у простого люда: не успев остыть от любовных ласк, они, не теряя ни минуты, возвращаются к делам насущным. Достойный пример для подражания! Ну что же! И мне пора идти писать стихи.

Он дает два франка Сюзон и принимается за работу. Служанка, счастливая и довольная, вприпрыжку убегает на кухню.

1885 год. Жюльетта Друэ скончалась в Париже в 1883 году За 50-летнюю связь с Гюго она написала ему 17 тысяч писем полных страсти.

Действие происходит в комнате Виктора Гюго в Париже. Он на смертном одре. На комоде стоит портрет Жюльетты Друэ. Он смотрит на него. С улицы доносится голос старьевщика.

Старьевщик: Старье берем! Старье берем!

Виктор (обращаясь к портрету): Скоро мы встретимся с тобой, моя нежно любимая подруга.

Он спокойно отходит в мир иной...

На сцене высвечивается календарь, на котором указана дата — 22 мая 1885 года.Это день Святой Жюльетты.

КАК АЛЕКСАНДР ДЮМА ПРИНИМАЛ В ВАННОЙ СВОИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

В один прекрасный день 1761 года дворянин из свиты принца Конти маркиз Дави де ля Пайетри, уехавший на Гаити, разочаровавшись в любви, привел к себе в дом красивую маленькую черную рабыню и, поцеловав ее, спросил:

— Как тебя зовут, малышка?

— Луиза-Сезетта Дюма,— ответила она на ломаном французском языке.

Девять месяцев спустя молодая негритянка произвела на свет мальчика, которого нарекли Томас-Александр.

В 1780 году Луиза-Сезетта умерла, и маркиз возвратился во Францию вместе с сыном-мулатом, у которого были курчавые волосы и единственная мечта — стать солдатом.

— Поступай, как знаешь,— сказал ему отец,— но человек, носящий имя Дави де ля Пайетри, не может быть простым солдатом. Возьми себе другое имя.

— Я возьму фамилию матери и буду отныне Томасом-Александром Дюма,— ответил молодой человек.

Сын Луизы-Сезетты быстро продвинулся по службе и в 1793 году стал дивизионным генералом. Он был незаурядной личностью. Всех поражала его физическая сила. Он с легкостью удерживал на вытянутой руке ружье, вставив в дуло палец. Обхватив ногами лошадь, он подтягивался вместе с ней на перекладине на учебном плацу.

Устав от тягот походной жизни, Дюма — успевший жениться между двумя сражениями — обосновался вместе с женой в Вилле-Котре. В 1802 году мадам Дюма подарила ему сына, которого, естественно, назвали Александром.

С первых же дней стало ясно, что сын достоин своего отца. На второй день после рождения он совершил мало кому доступный подвиг, пустив струю над головой.

Прошли годы. Генерал почил в бозе, а мадам Дюма,

оставшись без средств к существованию и волнуясь о будущем сына, сказала ему:

— Александр, Бурбоны вновь пришли к власти, ты можешь взять по праву принадлежащее тебе имя Дави де ля Пайетри и занять достойное место при дворе. Ты можешь, конечно, и дальше носить фамилию Дюма, как и твой отец, бывший республиканцем, но учти, что в таком случае у тебя не будет никакого положения в обществе.

Молодой человек ни минуты не колебался.

— Я буду носить имя Александр Дюма и сделаю его великим,— заявил он.

* * *

Ему пришлось зарабатывать на жизнь. Он стал клерком в нотариальной конторе в Вилле-Котре, затем уехал в Париж, где также поступил на службу в контору. Он снял комнату на пятом этаже в доме напротив театра Опера-Комик. Рядом с ним занимала две комнаты белошвейка Мари-Катрин Лебэй, молодая очаровательная блондинка. Она приглянулась Дюма, и молодые люди решили жить вместе.

Таким образом у будущего писателя появилась трехкомнатная квартира с привлекательной хозяйкой впридачу, которая готовила ему еду, штопала белье и, кроме того, родила сына, крики которого мешали Дюма писать. Ибо в то время он уже ушел со службы, поскольку вбил себе в голову, что должен стать драматургом.

Вскоре его первая пьеса была поставлена на сцене. Дюма отметил это событие тем, что ... завел полдюжины любовниц. В этом угадывается бешеный темперамент его отца.

Драма «Генрих III» приносит ему известность. Забыв про свою белошвейку и сына, Дюма поочередно становится любовником всех знаменитых актрис того времени. Это отнюдь не отвращает его от женщин, как можно было бы предположить, а позволяет приобрести опыт в любви, что становится предметом его гордости.

Став богом Парижа и королем бульваров, Дюма ведет жизнь богемы. Он работает день и ночь. Однако, чтобы попасть в салоны, ему не хватает «хороших манер», но он не придает этому никакого значения.

Позднее, когда Дюма был принят в свете, он развлекался тем, что отпускал грубоватые шуточки. Однажды хозяйка дома, с легкостью наставлявшая рога своему мужу, попросила Дюма написать ей несколько строк в альбом.

— Вы так красиво пишете,—сказала она.

Дюма, сделав вид, что речь идет о каллиграфии, старательно,

как школьник, стал выводить различные слоги: «Ба, бе, би, бо, бю, ка, се, си...» *(Следующие два слога согласно французскому алфавиту были бы «со» и «сю», а «сосю» по-французски значит «рогоносец» (прим. ред.)*

Внезапно остановившись, он с притворством воскликнул:

— Нет! Довольно! В доме повешенного не говорят о веревке!

И положил перо, не дописав строки...

Порой «богемные» манеры Дюма шокировали окружающих. Однажды к нему пришел художник Курбе, до того Дюма не знавший.

— Г-н Дюма не принимает,— сказал ему лакей.

— Передайте ему мою визитную карточку.

Лакей исполнил просьбу художника и, вернувшись, сказал:

— Вас просят войти.

Когда Курбе зашел в ванную комнату, лукаво улыбающийся Дюма встретил его следующими словами:

— Рад с вами познакомиться. Раздевайтесь и залезайте в ванну, здесь нам будет гораздо удобнее беседовать!

* * *

5 июня 1840 года Дюма женился на весьма легкомысленной актрисе Иде Феррье. Их свидетелями были Роже де Бовуар и Шатобриан. Последний, привыкший благословлять низложенных королей, благословляя новобрачную, платье которой было достаточно смело декольтировано, шепнул Бовуару:

— Мой удел, как видите, остается неизменным: благословлять падших...

Сразу же после свадьбы Александр Дюма поселяется с Идой на улице Риволи: она на втором этаже, он — в трехкомнатной квартире на пятом. Именно здесь он увлеченно работает сутками напролет, от чего получает большое удовольствие. Это подтверждает ходивший о нем в то время анекдот.

Однажды утром к Дюма приходит англичанин. Лакей впускает его в переднюю и говорит:

— Я доложу хозяину о вашем приходе.

В этот момент из комнаты раздается оглушительный взрыв хохота.

— О! Не беспокойте г-на Дюма. Я подожду, пока он останется один...

— Но хозяин один, — отвечает лакей. — Он часто смеется за работой...

Да, Дюма часто смеялся, когда писал, радуясь своим находкам. Он смеялся и над кознями, чинимыми его же собратьями по перу. С подачи Виктора Гюго, ревниво относившегося к драматическим успехам Дюма, в «Журналь де

деба» появлялись разгромные критические статьи. Дюма же лишь пожимал плечами и беззлобно отшучивался. Однажды по окончании пьесы Гюго «Эрнани» Дюма сказал на весь зал:

— Надо бежать отсюда скорее! Вдруг актерам придет в голову начать все сначала...

И расхохотался, довольный своей местью.

* * *

Дюма писал без устали. Может быть, его стиль и не отличался совершенством, как отмечали некоторые критики, но плодовитость его была необычайна.

Однако он достигал этого не без помощи «подручных». Недруги Дюма без стеснения говорили:

— У этого мулата есть свои «негры»...

Одним из самых известных и незаменимых его помощников был Огюст Макэ. Именно он подал Дюма идею написать и сам сделал первые наброски книг «Три мушкетера», «Граф Монте-Кристо» и ряд других произведений.

Имея в своем распоряжении сюжетную канву, Дюма давал волю воображению, практически переписывая все. Он добавлял различные диалоги и эпизоды, вводил новых действующих лиц и превращал 200-страничную заготовку в увесистый том.

Правда, он соглашался на то, чтобы подпись Макэ стояла рядом с его подписью под большинством пьес.

Будучи хорошим рассказчиком, он требовал от слушателей полного внимания. Он делал все, чтобы пленить и очаровать их. Если кто-либо отвлекался, это доставляло ему огромные страдания. Он готов был переписать целую главу или акт, лишь бы его произведение слушали увлеченно.

Во время первой репетиции «Трех мушкетеров» Дюма стоял за кулисами и наблюдал, какое впечатление производила каждая реплика актеров. Когда репетировали седьмую картину, он заметил, что дежурный пожарный ушел со своего привычного места. Дюма подозвал его и спросил:

— Почему вы куда-то исчезли во время репетиции?

— Эта сцена понравилась мне меньше других.

Ничего не сказав, Дюма бросился в кабинет директора театра Амбигю, снял сюртук и галстук, расстегнул воротничок рубашки и попросил принести ему текст седьмой картины.

— Пожалуйста, — сказал директор театра, протянув Дюма рукопись, которую тот сразу же бросил в огонь.

— Что вы делаете?—воскликнул директор.

— Пожарному эта сцена не понравилась, и теперь я понимаю, почему! — ответил Дюма. Через час был готов новый вариант седьмой картины.

* * *

Увы! После 30-легнего успеха в театре фортуна отвернулась от Дюма. Это было для него настоящим потрясением. Оставшись без средств к существованию (хотя сквозь пальцы у него утекло 20 миллионов), Дюма становится искателем приключений: он путешествует по России, Северной Африке, Италии, где вступает в ряды гарибальдийцев. Наконец, с множеством новых замыслов он возвращается в Париж.

Но его время, похоже, прошло. Его произведения перестали пользоваться популярностью. Тогда Дюма заточил себя в большой квартире на бульваре Малесерб, правда, окружив себя самым настоящим гаремом. Его одиночество скрашивали легкомысленные молодые создания, как правило, разгуливавшие по квартире в неглиже, которых он любовно называл «мои забавницы».

Все отвернулись от него. Единственным предметом его гордости остается сын, которого подарила ему белошвейка. После появления романа «Дама с камелиями» он стал кумиром всего Парижа.

Умер Дюма в 1870 году в предместье Дьепа. Из жизни ушел незаурядный человек, о котором Дюма-сын так метко сказал: «Мой отец — это большое дитя, которым я обзавелся, когда был еще совсем маленьким».

КАК МАРКА ТВЕНА СПРАШИВАЛИ, НЕ СЧИТАЕТ ЛИ ОН СЕБЯ СВОИМ БРАТОМ

«Вчера в четыре часа пополудни мы пересекли экватор. Клара сфотографировала его...» Такого рода высказывания молодого американца, с которым читатели познакомились в 1870 году, просто ставили в тупик своей экстравагантностью поклонников французского комедиографа Эжена Лабиша. Этот гениальный сумасброд говорил также: «Не лгите без нужды, в один прекрасный день ложь может вам пригодиться». Его звали Сэмюэл Клеменс. Но он более известен под литературным именем Марк Твен.

Он сменил множество профессий: был лоточником, лоцманом на Миссисипи, золотоискателем, издателем, предпринимателем, лектором. О его жизни, полной разных приключений, рассказывают много забавных историй.

Он родился в 1835 году во Флориде и был пятым ребенком в семье. Это был очень способный мальчик, мечтатель и фантазер, неистощимый на выдумки и шалости.

Рождение Сэма, если верить его словам, было отмечено одним драматическим событием:

«Нас было двое близнецов - Марк и Уильям, и мы походили друг на друга как две капли воды. Когда мы появились на свет, акушерка, купавшая нас, на минуту отвлеклась, и один из нас, воспользовавшись этим, утонул. Родители так и не смогли понять, кто же остался в живых. И я до сих пор не знаю, кто я — Марк или Уильям. Это трагедия всей моей жизни!»

У отца Сэма, бывшего одновременно и судьей, и бакалейщиком, не хватало времени для занятий с детьми. Определив наказание преступнику и продав кусок колбасы, он запирался у себя в комнате и обдумывал грандиозный проект углубления русла реки Сале, которую он непременно хотел

сделать судоходной.

В отличие от своего мужа, миссис Клеменс была не столь оригинальна. Она была пуританских нравов и верила в то, что бог непременно покарает грешников. Если вдруг ей казалось, что она произнесла двусмысленность или бранное слово, она сразу же на всякий случай ложилась в постель, ожидая, что господь ниспошлет ей болезнь в качестве наказания.

По чистому совпадению случалось и так, что после крепкого словца кто-то в семье умирал. Дрожа от страха, эта храбрая женщина удваивала свое рвение и строго-настрого запрещала детям даже малейший намек на шутку.

В такой несколько нервозной атмосфере и прошла юность одного из самых великих юмористов мира.

Миссисипи была его самым большим, правда, порой опасным товарищем по играм.

Клеменсы жили в небольшом американском городке Ганнибале, в дне ходьбы от тех мест, где жили еще не покоренные индейцы. Граница между цивилизованным миром и их территорией проходила как раз по реке. Соорудив плот, Сэм с друзьями уплывал на островок, где они жили несколько дней, добывая себе пищу охотой и рыбалкой и укрываясь на ночь в шалашах.

Позднее, вспоминая собственное детство, Марк Твен описал все это в книге «Приключения Тома Сойера», который как две капли воды походил на маленького Сэма.

В 22 года он стал лоцманом на Миссисипи. Это было нелегким ремеслом: надо было провести судно так, чтобы оно миновало все препятствия и не село на мель.

В команде был один чернокожий, обязанностью которого было измерение глубины реки. Убедившись, что глубина достаточна для прохождения судна, он вытаскивал из воды лот и кричал: «Марк твен» (мерка—два). Эти слова показались Сэму благозвучными, и он взял их в качестве псевдонима, которым подписывал свои первые юмористические рассказы.

Когда началась война между Севером и Югом, он, непонятно из каких соображений, встал на сторону южан. Однако несколько недель спустя он дезертировал из армии и в дальнейшем отзывался о ней весьма нелестно. «Казалось, у всего этого детского сада не хватало ума, чтобы насадить наживку на крючок. Но от отсутствия ума, похоже, никто и не страдал, потому что в такой среде он им был просто не нужен: это сделало бы их существование невыносимым».

Опубликовав в 1867 году свою первую книгу «Прыгающая лягушка», Марк Твен отправился в путешествие. На пароходе он

познакомился с девушкой, путешествовавшей вместе с отцом, который, однажды пригласив его в свою каюту, сказал: «Молодой человек, у меня сложилось такое впечатление, что вскоре вы попросите руки моей дочери. Поэтому мне хотелось бы узнать подробнее о вашей жизни, вашем состоянии и многом другом. Прошу вас назвать мне имена ваших калифорнийских друзей, чтобы я мог написать им и задать вопросы, которые сочту необходимыми».

Вежливо поклонившись, Марк Твен ответил:

«Вы совершенно правы. Вы не ошиблись в моих чувствах к вашей дочери. Что же касается моих друзей, я назову вам их имена. В их числе генерал Макком, президент Ледек, полковник Барнес. Этого достаточно? Эти господа с превеликим удовольствием наговорят вам обо мне с три короба, как сделал бы и я в подобных обстоятельствах».

Некоторое время спустя Марк Твен женился на его дочери.

Жена оказывала на Марка Твена огромное влияние. Он всегда давал ей первой прочитывать свои рукописи, прилагая к ним письмо, и она сообщала ему свое мнение тоже в письменном виде. К несчастью, ей не всегда нравился юмор мужа. Она вычеркивала, например, такие словосочетания, как «зеленый рубин», о котором Марк Твен упоминал в одном из своих рассказов. Соглашаясь, он говорил: «Я вычеркну из текста упоминание о зеленом рубине, но ведь рассказ сильно проиграет от этого. Зеленые рубины ведь это что-то новенькое...»

В нем, как и в отце, всегда была тяга к каким-то немыслимым проектам. Однажды, спускаясь вниз по Роне, он заметил вдалеке горную цепь. В ее очертаниях он усмотрел «благородный лик, обращенный к небу». Он окрестил его: «Наполеон, мечтающий о мировой империи». Воодушевленный, он подумал о том, что из своего открытия он мог бы извлечь выгоду и что это зрелище могло бы привлечь сюда не меньше туристов, чем на Ниагару.

К счастью, ему не удалось реализовать этот проект, что позволило ему сохранить свое состояние...

После публикаций «Похищение черного слона», «Приключения Гекльберри Финна», «Вильсон-дурак» (что отнюдь не было политическим памфлетом) его имя стало известным во всем мире.

Однажды один из его почитателей, считавший, что внешне похож на писателя, прислал ему свою фотографию. «Что вы думаете насчет столь поразительного сходства?»—спрашивал он в письме. Марк Твен ответил: «Ваша фотография похожа на меня больше, чем я сам. Поэтому я вставил ее в рамку и повесил в ванной комнате вместо зеркала, чтобы, смотрясь в нее, бриться по

утрам».

Марк Твен не мог укротить свой юмор. Однажды на банкете в честь генерала Гранта его попросили выступить. С воодушевлением он заявил, что будущее Соединенных Штатов лежит пока в трех или четырех миллионах колыбелей. В одной из них находится младенец, который в один прекрасный день станет генералом-аншефом. «Сейчас, возможно, он предпринимает стратегические усилия, пытаясь запихнуть себе в рот большой палец ноги».

Публика в смущении умолкла, не осмеливаясь взглянуть на генерала Гранта, известного своей суровостью. Потом Марк Твен заговорил о самом старом солдате: «56 лет назад генерал Грант пытался предпринять такую же операцию...»

Гости были совершенно шокированы. Но Марк Твен закончил фразу следующими словами: «Ребенок обещал стать личностью, и вряд ли кто из присутствующих усомнится в том, что ему это прекрасно удалось». Ему аплодировали...

* * *

Однажды Марка Твена ограбили. Воры унесли столового серебра на несколько сотен долларов. На следующий день Твен прикрепил на дверь своего дома следующее объявление: «Уведомление для будущих воров. С сегодняшнего дня столовое серебро заменено мельхиоровыми приборами. Столовые приборы и прочую домашнюю утварь вы найдете справа от входа, рядом с корзинкой, в которой спят черно-белые котята. Если вам понадобится корзинка, положите котят на коврик, он лежит немного левее. Постарайтесь сделать это осторожно, чтобы не разбудить их. Не шумите. У меня очень чуткий сон. Тапочки стоят в прихожей рядом со штуковиной, в которую кладут зонты».

Однажды, зайдя к художнику Уистлеру, Марк Твен подошел к только что законченной им картине и сказал:

— На вашем месте, г-н Уистлер, я бы убрал вот это.

И сделал вид, что стирает облако.

Взволнованный художник воскликнул:

— Осторожно, картина еще не высохла.

— Ничего,—спокойно ответил Марк Твен.— Я в перчатках.

Но однажды Марку Твену пришлось встретиться с еще большим насмешником, чем он сам. В книжной лавке ему приглянулся четырехдолларовый томик, и он решил купить его. Прежде чем заплатить, он сказал продавцу:

— Как журналист, я, конечно, имею право на скидку, не правда ли?

— Безусловно, — ответил тот.

— Позвольте заметить, что я являюсь также автором

нескольких романов, и поэтому цена для меня должна быть тоже снижена.

— Хорошо, согласен.

— Кроме того, я являюсь акционером вашего торгового дома и поэтому в соответствии с уставом пользуюсь 20-процентной скидкой.

— Договорились.

— Наконец, разрешите мне представиться... Когда вы узнаете мое имя, то, конечно, сделаете мне дополнительную скидку. Меня зовут Марк Твен. Итак, сколько я вам должен?

— Вы ничего не должны, мой дорогой метр. Пройдите в кассу, вам сделают отметку в кредитной карточке: это я вам должен целый доллар.

В 1908 году, когда Марк Твен был избран доктором Оксфордского университета, одна газета сообщила о его кончине. Марк Твен направил главному редактору этой газеты письмо, состоящее из одной-единственной фразы: «Слухи о моей смерти кажутся мне сильно преувеличенными»...

Незадолго до своей смерти в 1910 году на своей вилле в Рединге (штат Коннектикут) Марк Твен говорил друзьям: «Мне понадобилось 15 лет для того, чтобы понять, что у меня нет никакого литературного таланта. Но было слишком поздно. Я уже не мог отказаться писать, мои книги сделали меня знаменитым».

Это не просто смешное высказывание. Как известно, у Марка Твена в общем-то совсем не было художественного вкуса и он не мог оценить произведение искусства. Он предпочитал лубочные картинки полотнам Рафаэля, а Тинторетто и Тициана считал мазилами. Самые тонкие романы заставляли его лишь недоуменно пожимать плечами. Признанные во всей Европе произведения, по его мнению, мало чем отличались от рассказов краснокожих. Тристана, например, он считал не умнее бизона, а Изольду сравнивал с «индианкой, готовой следовать за самцом, на поясе которого болтается больше всего скальпов».

Как вы думаете, мог ли бедняга при таких условиях оценить свой собственный талант по достоинству?

ТАЙНА СИМЕНОНА

Уже три месяца шел дождь. Из водосточных труб с шумом лилась вода, затопив мостовые и превратив улицы в настоящие реки. Небо сплошь было обложено свинцовыми тучами.

Я зашел в маленькое кафе на улице Берри.

— Вот это потоп! — сказал, завидев меня, хозяин кафе и предложил стаканчик вина.

Чихнув, я снял промокшее насквозь пальто и повесил его на вешалку.

За одним из столиков я заметил грузного мужчину, потягивавшего пиво и курившего трубку. Удобно устроившись на стуле, он внимательно следил за струйкой дыма, поднимавшейся к потолку, заложив большой палец левой руки за борт жилета. Казалось, он был в глубокой задумчивости.

Я подошел к стойке и попросил стаканчик грога. При этом я не мог оторвать взгляда от сидевшего за столиком человека, пиджак которого выглядел несколько поношенным. Внезапно он вытащил из кармана спичку и принялся ковырять ею в ухе. Он повернулся ко мне, и тут я узнал его. Конечно же, это был комиссар Мегрэ.

Я подошел к его столику:

— Добрый день, г-н комиссар, позвольте представиться, я — журналист...

С отсутствующим видом он кивнул головой. Показав на гору пустых тарелок, стоявших перед ним, я спросил:

— Дело, которым вы занимаетесь, очевидно, очень серьезное, судя по...

— Садитесь,— предложил он мне, оборвав на полуслове.

— Шесть убийств!... Точнее — шесть исчезновений... И что любопытно — все писатели: Кристиан Брюль, Жан дю Перри, Жорж Мартен-Жорж, Жорж д'Исли, Жак Дерсон, Люк Дорсан. Все они подавали большие надежды и все, обратите внимание, были чрезвычайно плодовиты,— пробормотал он себе под нос.

— Их имена мне ни о чем не говорят, — заметил я.

— Они умерли 37 лет назад!

— При каких обстоятельствах?

— Вот в этом-то и загадка,— сказал Мегрэ, выбив трубку о каблук ботинка. - Они были незнакомы друг с другом, по крайней мере, никто не видел их никогда вместе.

— Вы, конечно, подумали, что произошло убийство?

— Разумеется...

Мегрэ достал кисет и стал медленно набивать трубку. Закончив, он отхлебнул глоток пива и опять полез за спичками.

— Все они исчезли в 1930 году...

— Что же было дальше?

Мегрэ раскурил трубку.

— А некоторое время спустя появился никому не известный писатель. Вы-то, может, о нем слышали, ведь вы журналист. Его зовут Жорж Сименон. Никто никогда о нем не слышал, и вдруг он стал публиковать по роману в месяц... Можете представить себе такое?

— Я не осмеливаюсь даже...

Мегрэ вновь раскурил погасшую было трубку и, лукаво взглянув на меня, сказал:

— А вы осмельтесь!

— Как! Вы хотите сказать, что Жорж Сименон убил шестерых писателей, чтобы завладеть их неизданными рукописями?

Мегрэ на минуту задумался:

— По крайней мере это вполне объясняет такую плодовитость Сименона и многое другое...

— Вы встречались с ним когда-нибудь?

— Насколько мне известно, он уже две недели в Париже и живет в двух шагах отсюда. Вот поэтому-то я и сижу здесь вместо того, чтобы у себя дома наслаждаться грогом, который прекрасно готовит мадам Мегрэ.

— Что еще могли бы вы рассказать мне об этом деле?

Мегрэ достал из кармана потрепанный черный блокнот.

— Мне известен образ жизни, который он ведет в Швейцарии: занимается спортом, не ходит в гости к своим собратьям по перу, любит проводить время в кругу семьи и вообще ведет здоровый образ жизни, ненормальный для настоящего писателя. Хотите послушать рапорт моего женевского коллеги? Вот что он мне сообщил:

«Жорж Сименон — бельгиец, родился в 1903 году в Льеже. Его распорядок дня: каждое утро он встает в половине седьмого, идет в свой кабинет и, не открывая штор, стучит на машинке. Обычно через три часа у него готова глава романа».

— Интересно. Поль Бурже пишет так же быстро? — спросил комиссар, видимо, мало соприкасавшийся с литературным миром.

При этих словах и у меня зародились подозрения.

— Вы думаете, что он просто-напросто переписывает рукописи своих жертв?

Присвистнув, Мегрэ покачал головой и стал читать рапорт дальше:

«В четыре часа Сименон выходит из своего кабинета и остаток дня посвящает жене и детям».

— Много вы знаете писателей, ведущих подобный образ жизни? Все это говорит не в его пользу.

Мегрэ снова набил трубку и продолжил:

«Когда он живет в своем загородном доме в Вевее, то во второй половине дня совершает пешие прогулки или идет на рыбалку. Сименон не употребляет наркотиков, не был замешан ни в одном скандале. Единственным его пороком является то, что он курит трубку...».

Мегрэ улыбнулся и возобновил чтение:

«Его книги пользуются огромным успехом и наряду с произведениями Марселя Паньоля и Жана Ануя включены в программы филологических факультетов. Его переводят во всем мире».

— Он сумел подобрать талантливых жертв,— сказал Мегрэ, засовывая блокнот в карман.— Правда, он непоседа. За 30 лет он 28 раз сменил место жительства... Это о чем-нибудь да говорит?

В этот момент с потолка закапало. В кружку Мегрэ попало несколько крупных капель. Мне пришлось надеть пальто, потому что с потолка на нас обрушился самый настоящий ливень. Хозяин кафе сказал, что прорвало трубу.

— Пошли отсюда,—проворчал Мегрэ, — если уж быть под дождем, то лучше на улице. К тому же я хотел бы посмотреть на своего подопечного...

На улице по-прежнему лило как из ведра. Свет от неоновых вывесок ограждался в огромных лужах. Мегрэ чихнул. У гостиницы, где остановился Сименон, толпились фоторепортеры. Мегрэ пришлось прокладывать себе дорогу локтями. Мы вошли в холл. Огромные ботинки комиссара утопали в мягких коврах фешенебельной гостиницы. Она показалась нам грустной и унылой. Здесь тоже лило с потолка. Казалось, что гостиница плохо освещена. Хозяин сказал нам, что один из жильцов забыл выключить воду в ванной.

Мегрэ поднял воротник своего пальто и, стоя в воде, стал ждать.

Через некоторое время в холле появилась чета Сименонов. На них были непромокаемые плащи. У писателя была добрая и симпатичная улыбка. Мадам Сименон тоже улыбалась, правда, несколько застенчиво. Шедший с ними рядом мальчик, показав на Мегрэ, сказал:

— Посмотри, папа, как этот человек похож на полицейского!

Раздался взрыв хохота.

Мегрэ, смутившись, увлек меня на улицу, где по-прежнему шел дождь. Мы дошли до площади Согласия. Наши ботинки промокли насквозь, в них хлюпала вода.

— Мне надо позвонить в уголовную полицию на набережную Орфевр,— сказал Мегрэ.

Я последовал за ним в кафе. Телефонный аппарат был рядом со стойкой.

— Алло! Антонен, что новенького? Как? И седьмой исчез?... Как его имя?

В глазах Мегрэ вспыхнул огонек.

— Спасибо, дружище!

С озабоченным видом он повесил трубку. Внезапно, схватив меня за руку, Мегрэ, потащил меня к такси.

— Ну! Конечно же! Почему это сразу не пришло мне в голову?

Сев в такси, он назвал шоферу адрес известного издательства. Мы ехали по мрачным улицам. Мегрэ, удобно устроившись на сидении, улыбался и покуривал трубку. Такси остановилось. Мегрэ вышел из машины и скрылся в подъезде. Через несколько минут он возвратился с торжествующим видом.

— Моя догадка оказалась верной.

— Что? Сименон действительно виновен в убийстве шестерых писателей?

— Ничего подобного! Эти писатели никогда не существовали. Их придумал Сименон в начале своего творческого пути. Он пользовался их именами в качестве псевдонимов. Когда же он решил подписываться своим именем, они просто-напросто перестали существовать.

— Как же вам удалось догадаться?

— Когда мне сообщили имя седьмой жертвы — Жорж Сим, — все стало ясно.

Мегрэ пожал мне руку.

— Итак, дело закончено. Я, наконец, могу вернуться домой. Мадам Мегрэ приготовит мне вкусный бульон.

Он посмотрел на часы, стрелки показывали одиннадцать часов вечера.

— Уже совсем скоро я смогу выпить стаканчик грога,— сказал Мегрэ.

На улице по-прежнему шел дождь...

МАРГАРИТА БУРГУНДСКАЯ БЫЛА СОВСЕМ НЕ ТАКОЙ, КАКОЙ ВЫ СЕБЕ ЕЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ

Как говорил Дюма, можно изнасиловать историю, но при условии, что она родит вам ребенка.

Автор «Ожерелья королевы» сумел проявить себя в этой области - впрочем, как и во многих других — как настоящий мужчина. Он оставил мадемуазель Клио не самое плохое потомство. Однако, как это ни парадоксально, эти незаконные дети никогда не казались внебрачными. И историки всегда приходили в отчаяние при мысли, что французы изучают историю своей страны по «Трем мушкетерам», «Графине де Монсоро», «Графу Монте-Кристо», «Нельской башне» и другим произведениям Дюма, которые, в сущности, являются нагромождением исторических неточностей.

Поэтому неплохо было бы время от времени восстанавливать истину, против которой согрешил Дюма.

Например, должна когда-нибудь восторжествовать истина в отношении несчастной Маргариты Бургундской, которую Дюма превратил в жестокого и коварного монстра.

Сноха Филиппа, прозванного Красивым, разумеется, не была святой. Иногда Маргарита, брошенная мужем, который предпочел ей разного рода увеселения, желала забыть о том, что принадлежит к королевской семье и познать женское счастье. Тем не менее у нее был только один любовник... Большинство женщин сочли бы такое поведение образцом супружеской верности.

Что же на самом деле происходило в Нельской башне?

Попробуем разобраться в этом.

* * *

У Филиппа Красивого — напоминаю тем, кто запамятовал,— было три сына: Людовик, имевший вспыльчивый и мстительный характер, Филипп и Шарль. У него была также дочь Изабелла,

которой суждено было выйти замуж за короля Англии и которая поспособствовала тому, чтобы он поскорее отошел в мир иной: ее дружок всадил ему в зад кусок раскаленного железа.

Все три брата были женаты на бургундских принцессах: жену Людовика звали Маргарита, жену Филиппа Жанна, а жену Шарля Бланш. Все они жили в королевском дворце и отчаянно скучали. Король, за два года до этого потерявший супругу — королеву Жанну,— стал неврастеником, а три принца, находя немало развлечений на стороне, совсем не интересовались своими молодыми женами. Те же, будучи не по возрасту темпераментными особами, несмотря на свое высокое положение, мечтали о любви, тяжело вздыхая. Вечерами они садились у окна и часами наблюдали за моряками, которые разгуливали по набережной Сены, горланя песни. Эти хорошо сложенные и сильные мужчины приводили их в трепет. Принцессы представляли себя в крепких объятиях моряков, не выказывающих им должного почтения, не понимая, сколь опасны подобные мечты для женщин, имеющих тщедушных и хилых мужей, мягко говоря, плохо справлявшихся со своими супружескими обязанностями. И три молодые женщины каждый вечер ложились в свою постель, как всегда одни, еще более возбужденные, чем накануне...

Можно лишь вообразить, до какого жалкого состояния дошли бедняжки после двух лет супружества.

Маргарита, самая красивая и самая темпераментная из троих, таяла просто на глазах. Огонь желанья пожирал ее, но она не могла забыть, что однажды она станет королевой Франции, королевой государства, символом которого был цветок лилии. Поэтому она не осмеливалась броситься на шею первого попавшегося гвардейца, хотя подчас такое желание и возникало у нее...

Порой при мысле о королеве Жанне, добродетель которой была притчей во языцех, она испытывала угрызения совести...

— Как ей удавалось оставаться столь целомудренной? Надо бы расспросить об этом у тех, кто знал ее близко,— подумывала она.

Однажды вечером она позвала Бланш и Жанну. Глаза ее так блестели, что те даже испугались. И она сразу же выложила им то, что узнала в подробностях от одной из своих служанок. Королева Жанна была отнюдь не такой благочестивой, какой ее хотят представить. Оказывается, она была довольно легкого и веселого нрава, и порой за вечер принимала двух-трех любовников. При этом ей как-то удавалось сохранить свою свежесть и прекрасно выглядеть. Двум ее наперсницам было

поручено приводить молодых людей в место, которое, как казалось на первый взгляд, было мало пригодным для свиданий такого рода,— в Нельскую башню, зловещее сооружение, венчавшее собой крепостную стену, воздвигнутую на берегу Сены по приказанию Филиппа Августа. На втором этаже башни было помещение, куда никогда не заходили солдаты и куда вел отдельных вход. Именно сюда с наступлением ночи и приводили молодых людей. Все было готово для их приема: вина, закуски и мягкая постель...

После того, как вино было выпито, начинались оргии. Ни один из приглашенных, естественно, не подозревал, что эта красавица, предававшаяся столь безудержному разврату, была королевой Франции. Они считали, что это либо распутная буржуа, либо светская дама, скрашивавшая таким образом свою жизнь в отсутствие благородного супруга... Гости старались изо всех сил в надежде, что им щедро заплатят или они так понравятся, что их позовут еще раз. Но повторного приглашения никто никогда не получал, поскольку королева Жанна справедливо полагала, что все несчастья происходят от болтунов. Поэтому, когда обессилившие от любовных утех молодые люди, чей рассудок был затуманен винными парами, засыпали, королева приказывала положить их в мешок, привязать к нему камень и сбросить в реку...

В этом четко просматриваются великолепные организаторские способности создательницы Коллеж де Наварр.

Она могла иметь столько партнеров, сколько душе угодно, однако всем им суждено было исчезнуть. Поскольку королева Жанна была женщиной методичной, у нее в башне был сделан приличный запас мешков...

Услышав собственными ушами всплеск воды, она возвращалась во дворец и спокойно засыпала.

(Хочу уточнить, что там, где эта не лишенная сообразительности королева развлекалась со своими любовниками, сейчас собираются наши академики.)

* * *

Рассказав эту историю Жанне и Бланш в подробностях, которые приличия ради я вынужден опустить, Маргарита Бургундская на секунду замолчала. Она задыхалась от волнения.

— Об этом, правда, знали перевозчики, находившие мешки с трупами студентов в воде, и кухарки, приносившие еду в Нельскую башню. Но они умели держать язык за зубами,— завершила она свой рассказ.

Последняя деталь вдохновила молодых дам.

Они решили не терять времени попусту и начать действовать.

Несколько недель спустя Маргарита Бургундская уложила в свою постель оруженосца своего мужа, молодого красавца по имени Филипп. Если стены королевского дворца не дрожали в ту ночь от их любовных утех, так только потому, что строения в те времена были весьма прочными...

Бланш же вскоре раскрыла объятия родному брату Филиппа Готье. Что касается Жанны, то из-за своей застенчивости она довольствовалась рассказами Маргариты и Бланш.

Так прошло три года. Принцессы, казалось, обрели, наконец, душевный покой. Увы! Несчастные оказались менее предусмотрительны и «благоразумны», чем королева Жанна. Получив от своей золовки Изабеллы, новой королевы Англии, очень красивые кошельки, они подарили их своим любовникам. В один прекрасный день Изабелла приехала в Париж навестить отца. На торжествах, устроенных в ее честь, она, к своему удивлению, увидела подаренные ею кошельки на поясах двух братьев. Сразу же сообразив, в чем дело, Изабелла подумала: «Если бы король только узнал...»

Два часа спустя Филипп Красивый был посвящен в события, происходящие за его спиной во дворце. На следующий день гвардейцы застали принцесс и их любовников на месте преступления...

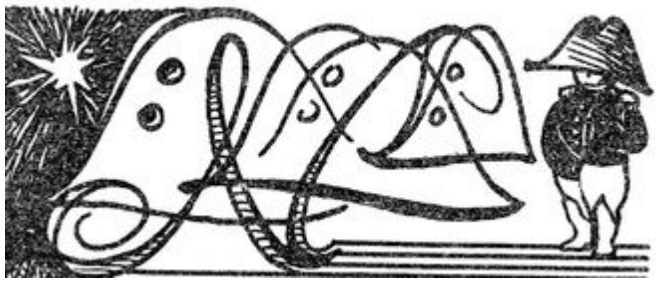
Эта скандальная история получила широкую огласку. После суда за закрытыми дверями вся прислуга, которой было известно о делах принцесс — горничные, парикмахеры и так далее,— были казнены. Маргариту и Бланш постригли и заточили в монастырь, Жанну же, как менее провинившуюся, поместили в замок Дурдан.

Любовников принцесс ждало более изощренное наказание. Их привезли на площадь Мартруа в Понгуазе, королевское правосудие отдало их в руки палачей, орудовавших топором не хуже, чем хирург скальпелем. На глазах у любопытной толпы братьев оскопили, потом с них заживо содрали кожу и привязали к хвостам лошадей, протащивших их по стерне. Несчастные кричали нечеловеческим голосом, а зеваки, пришедшие поглазеть на казнь из самого Парижа, считали, что потратили время недаром.

Потом несчастным отрубили головы, а тела повесили на всеобщее обозрение.

Два месяца спустя Филипп Красивый умер и на престол взошел муж Маргариты Бургундской Людовик. Первое, что он сделал, — издал указ... На следующий день Маргарита Бургундская была найдена задушенной в своей келье... В ту пору ей было 24 года.

СУЕВЕРНЫЙ НАПОЛЕОН



В ночь на 14 августа 1769 года произошло интересное событие, сильно взволновавшее астролога Фридриха II: на небосклоне перед звездой прусского короля появилась новая яркая звезда. Астролог сразу же предупредил об этом короля. Свет новой звезды был гораздо ярче, чем у комет.

— Что вы думаете по этому поводу?—спросил Фридрих.

— Либо родился великий полководец, либо Пруссия будет завоевана какой-то державой,— ответил астролог.

Вне себя от гнева король стукнул кулаком по столу и вышел из комнаты, не проронив ни слова.

Может быть, это простое совпадение, но действительно в это время в Аяччо в 1200 километрах от Пруссии родился Наполеон Бонапарт.

Похоже, Наполеон так никогда и не узнал об открытии, сделанном астрологом короля Пруссии; однако знамение свыше указало ему на существование его путеводной звезды, к помощи которой он призывал своих близких обращаться в минуту опасности. Наполеон приказал придворным художникам непременно изображать звезду на всех его портретах.

Наполеон считал, что его судьба предопределена и что звезда хранит его. На этой вере и основывались самые смелые его замыслы.

— Я чувствую, как что-то подталкивает меня к неведомой цели,—говорил он.— Когда я ее достигну и моя миссия будет выполнена, достаточно будет малейших усилий, чтобы сразить меня. А до тех пор мне ничто не грозит — ни в Париже, ни в бою. Когда же пробьет мой час, я могу умереть и от лихорадки, и от падения с лошади во время охоты, и от ядра.

Когда Наполеон узнал о заговоре Моро и Пишегрю, он воскликнул: «Как Моро мог столь неосмотрительно пойти на это и так нелепо погубить себя! Несчастный! Разве он не знал, что моя звезда хранит меня?».

Отнюдь не гордыня породила у Наполеона такую веру в свое

предназначение. Истины ради следует признать, что его жизнь представляла собой цепь неординарных событий.

Тысячу раз, казалось, Бонапарт должен был бы безвозвратно уйти в небытие, но тысячу раз, буквально восстав из пепла, он возвращался на указанный ему судьбой путь, удивляя весь мир.

И мысль о том, что в решающие моменты звезда Наполеона хранит его, возникала не только у него самого…

Она хранила его в Оксоне, когда однажды зимним днем тогда еще молодой Бонапарт катался на коньках на только что установившемся льду фортификационного рва. Он уже собрался уходить, когда два офицера предложили ему сделать еще один круг. Бонапарт, любивший кататься на коньках, почему-то заколебался, хотя он еще не снял коньки, сигнала к обеду не было и, казалось, ничто не мешало ему принять предложение своих приятелей. Тем не менее, сославшись на то, что уже поздно, он отказался. Офицеры пошли кататься без него. Неожиданно лед под ними треснул, и они утонули…

Звезда хранила Наполеона и тогда, когда он отказался вступить в группу «террористов» Робеспьера, хотя некоторое время он и поддерживал отношения с братом лидера якобинцев Огюстеном. 9 термидора все сторонники Робеспьера были казнены. Бонапарт же вышел сухим из воды и отделался тем, что отсидел под надзором одиннадцать дней недалеко от Ниццы…

Судьба хранила его и в марте 1795 года, когда он был назначен командующим пехотной бригадой в Вандее, но отказался от предложенной ему чести. Этот поступок был из ряда вон выходящим для человека, рожденного быть офицером, и фактически ставил крест на его карьере. Но разве смог бы он стать генералом, если бы был убит на поле брани близ небольшого городка в Бретани?

Звезда Наполеона хранила его и в тот день, когда он получил назначение в Турцию для оказания помощи в организации там армии. Он уже был почти готов выехать с семьей в Константинополь, когда один из членов Комитета общественного спасения заметил, что молодой генерал мог бы принести больше пользы, оставаясь в Париже… Если бы не это вмешательство, Наполеон никогда не вошел бы в историю…

И разве не своей судьбе Наполеон обязан назначением 12 вандемьера заместителем главнокомандующего Внутренней армией Барраса? Три дня спустя его окрестили «парижским генералом», несмотря на то что именно он отдал приказ стрелять по парижанам, хотя Людовик XVI отказался это сделать…

Звезда хранила Наполеона и тогда, когда ему удалось возвратиться во Францию из Египта, где он был зажат в тиски

после поражения при Абукире, не повстречав английского флота. Это произошло буквально за месяц до 18 брюмера...

Но чтобы Наполеон сумел пройти по предначертанному ему свыше пути, звезда, если верить некоторым историкам, стала его ангелом-хранителем в очень странных и мало кому известных обстоятельствах. Как утверждают упомянутые историки, Бонапарт якобы прожил несколько недель в Англии в 1792 году!

Невероятно? Может быть и нет, поскольку неизвестно, где находился и чем занимался Бонапарт (который, по свидетельству некоторых якобы был в Париже) с 22 июня по 7 августа 1792 года. Историки утверждают следующее.

Некий Ж. Батсон писал в 1885 году в бирмингемской газете: «Г-н Коулмен из Стрэнда. которому сейчас 104 года, прекрасно помнит свою встречу с Бонапартом, когда тот находился в Лондоне, где прожил пять недель в доме Джорджа Стрита. По словам Коулмена, любимым занятием будущего императора Франции было бродить по лондонским улицам.

Отсюда, вероятно, и проистекает его великолепное знание Лондона, столь удивлявшее английскую знать, которая даже и не подозревала об этом кратком периоде его жизни. Я слышал об этом также от г-на Мэтьюса, дедушки известного актера Томаса Голдсмита, г-на Грэйвса, г-на Драри, моего собственного отца и других жителей Стрэнда.»

Пребывание Бонапарта в Лондоне подтверждается также Джоном Тимбсом и Кристофом Келли в книге, посвященной сражению при Ватерлоо. Последний, в частности, пишет: «Часто утверждается и столь же часто опровергается, что Бонапарт приезжал на некоторое время в Англию, чтобы ходатайствовать перед правительством о разрешении поступить на службу в британскую армию. Во всяком случае не подлежит сомнению тот факт, что он действительно приезжал в Англию, но с какой целью — неизвестно. Он проживал в квартале Стрэнда и провел в Лондоне совсем немного времени. Эти сведения исходят от генерала Миранди, утверждавшего, что неоднократно встречался с Бонапартом в то время в Стрэнде».

Неужели действительно в какой-то момент у Наполеона возникла мысль перейти на службу в британскую армию? Вполне вероятно. Правда, звезда, видимо, хранила его и в этом случае...

В существовании своей звезды Наполеон хотел убедить окружающих, особенно своих недругов, чтобы заранее выбить их из седла. Генерал Рапп рассказывает в своих мемуарах, что однажды кардинал Феш вздумал наставить Наполеона на путь истинный и рассказать ему о некоторых эпизодах испанской войны. Не успел кардинал произнести и двух слов, как император

подвел его к окну и спросил:

— Вы видите эту звезду? (Дело было в полдень.)

— Нет,— ответил удивленный кардинал.

— Так вот,— сказал Наполеон, - до тех пор, пока я один буду видеть ее днем, я буду идти своим путем и мне ничто не будет грозить.

Твердо веря в силу своей путеводной звезды, Наполеон приказал сделать ее элементом декора в интерьере императорского дворца. Создав Почетный легион, он учредил орден, который первоначально назывался... Звезда.

* * *

Подобная слепая вера у такого человека, как Наполеон, вполне объяснима, если знать, насколько суеверен он был. Император верил в приметы, что было весьма распространено на его родной Корсике, в вещие сны и усматривал предзнаменования в ничего не значащих событиях.

К примеру, по словам мамелюка Рустана, он всегда носил на шее маленькое сердечко из черного атласа. Другой амулет он носил в кармане жилета: это был жук-скарабей, найденный в усыпальнице фараона во время его экспедиции в Египет.

— Этот талисман приносит мне счастье,— говорил он вполне серьезно. Позднее он подарил его принцессе Шварценберг во время праздника, устроенного в Тюильри по случаю рождения наследника.

— Теперь, когда у меня есть сын,— сказал он ей,— мне не нужны больше амулеты.

По корсиканскому обычаю человек, желающий, чтобы ему сопутствовала удача, должен дважды осенить себя крестным знамением. Часто видели, как Наполеон прибегал к этому перед сражением. Когда префект полиции сообщил Бонапарту, что Моро замешан в заговоре Пишегрю, он, не проронив ни слова, дважды перекрестился. Присутствовавшие были удивлены, а префект при случае рассказывал всем «о набожности Первого консула».

Наполеон был настолько суеверен, что даже намеченный на 17 брюмера государственный переворот он перенес на следующий день, поскольку 17 было пятницей. Когда над ним стали подтрунивать, он заставил замолчать насмешников, сухо заявив: «Не люблю безрассудных поступков. Лишь глупцы бросают вызов неизвестности!».

Как все суеверные люди, Наполеон не терпел в своем окружении неудачников. Когда ему рекомендовали на какой-то пост нового человека, император первым делом спрашивал, удачлив ли он. Если бедняге не слишком везло в жизни, его кандидатура незамедительно отвергалась.

— Этот человек мне не подходит,— говорил Наполеон.— Он родился не под счастливой звездой...

И наоборот, он, к примеру, долго не решался расстаться с Жозефиной, которая, как ему казалось, была баловнем судьбы. Впрочем, он был недалек от истины: все его несчастья начались именно с того дня, когда он расстался с ней.

— Предчувствия,—говорил Наполеон,—это глаза души. И он свято верил в это, как верил в сны, предсказания и благотворное влияние на него аметиста.

Однажды он доверительно сообщил нескольким своим приближенным, что, если бы у него не было предчувствия в успешном исходе дела, он никогда бы не осмелился совершить государственный переворот. Его вера в победу укрепилась еще и потому, что старуха-негритянка предсказала Жозефине, когда та была еще ребенком, что она станет «больше, чем королевой»...

Любое событие он истолковывал как предзнаменование. Однажды во время египетской кампании корабль «Италия» потерпел крушение у берегов Нила. Все находившиеся на нем солдаты были перебиты арабами. Побледнев, Наполеон воскликнул: «Италия навсегда потеряна для Франции. Мои предчувствия меня никогда не обманывают!».

Во время итальянской кампании стекло, предохранявшее портрет Жозефины, внезапно разбилось. Бонапарт, необычайно взволнованный, сказал своему адъютанту:

— Мармон, либо моя жена заболела, либо изменила мне...

Как известно, в тот момент Жозефина чувствовала себя великолепно.

В день коронации, когда парадная карета, в которой находились Наполеон и Жозефина, въехала в ворота замка Тюильри, изображение орла упало с крыши кареты. А в тот день, когда Наполеон впервые отправился на встречу с эрцгерцогиней австрийской Марией-Луизой, колесо кареты сломалось, и он вынужден был идти пешком под проливным дождем...

Эти два случая произвели неизгладимое впечатление на Наполеона. В 1812 году, когда он изучал местность в районе Немана, вынашивая план будущего сражения, под ноги его лошади выскочил заяц. От неожиданности лошадь шарахнулась в сторону, и Наполеон упал с нее. Поднявшись с земли и не проронив ни слова, он сел в седло. Бледность его была столь пугающей, что окружавшие его люди поняли: император усмотрел в этом дурное предзнаменование. Лишь несколько часов спустя ои прямо спросил своих приближенных:

— Вы ведь подумали о том же, о чем и я, не правда ли?

Хотя сам Наполеон и не ходил к знаменитой гадалке —

мадемуазель Ленорман, Жозефина посещала ее регулярно и передавала ему ее предсказания. Следует заметить, что он отнюдь не игнорировал их.

Как я уже писал, Наполеон придавал огромное значение своим снам. Ночь после спектакля «Эдип», на котором он присутствовал вместе с русским царем Александром, он провел беспокойно и кричал во сне. Наполеон проснулся в холодном поту. Как он потом рассказывал, ему приснился жуткий сон: медведь, разодрав ему грудь, рвал на куски его сердце. Медведь же, как известно, водится в российских лесах....

В ночь накануне сражения при Ватерлоо ему приснилось, что черный кот метался между его армией и войсками неприятеля. Этот сон потряс Наполеона, и он решил, что его могут предать...

После Ватерлоо, когда император обсуждал со своими приближенными, что ему делать — бежать в Америку или сдаться англичанам— в открытое окно влетела птичка.

— Это к счастью.— сказал генерал Гурго.

В ответ же Наполеон воскликнул:

— Отпустите ее на свободу. Посмотрим, куда она полетит.

Птица полетела в сторону английского флота. В тот же день император направил своих парламентариев на борт корабля «Беллерофон».

На этом корабле ему и суждено было отправиться на остров Святой Елены.

Звезда Наполеона закатилась.

ОНОРЕ ДОМЬЕ, ИЛИ ДОБРОТА САТИРИКА

Однажды к художнику-карикатуристу Домье, уже наполовину слепому, испытывающему нужду, которого вот-вот собирались выставить за дверь из дома на улице Вальмондуа, пришел его друг Коро.

— Я не могу больше так жить,— сказал Домье.— Мне нужно съехать отсюда, это конец.

— Почему ты хочешь уехать из этого дома,— спросил Коро, — разве он тебе разонравился?

— Конечно, нет. Мне просто нечем больше платить за него.

— Платить? С какой стати? Он же принадлежит тебе!

Ничего не понимая, Домье с удивлением посмотрел на своего друга.

— Разумеется, он твой, если эти документы не врут,— смеясь сказал Коро и развернул перед карикатуристом акт о продаже дома, в соответствии с которым его владельцем становился Домье.

Домье поднес документ поближе к глазам и, прочитав, заплакал.

— Дом —твой,— повторил Коро, столь же взволнованный, что и его друг.

Обняв его, Домье сказал:

— Спасибо! Только от тебя я могу принять такой подарок, не чувствуя при этом себя униженным.

Сегодня этот дом, который не дал самому великому карикатуристу XIX века умереть на улице, принадлежит семье художника. Мастерская Домье, расположенная в скрытом от глаз уголке сада, осталась в том виде, в каком она была при его жизни. Легко можно представить себе, как на закате дня здесь появляется тень улыбающегося художника, пришедшего посмотреть на свои рисунки, любовно вставленные в рамки, милый призрак карикатуриста, который работал только по ночам

и никогда не гнул спину перед власть предержащими, который отказался от ордена Почетного легиона, потому что, по его словам, «был слишком стар для этого»...

Оноре родился в Марселе в 1808 году. Его отец был стекольщиком, но на досуге сочинял стихи, посвященные прекрасной Природе, только что открытой Жан-Жаком Руссо. Мечтая об известности, он, продав дом. отправился вместе с женой и маленьким Оноре в Париж. Увы! Удача не сопутствовала ему: написанная им трагедия так никогда и не была поставлена на сцене.

Как только Оноре подрос, отец определил его рассыльным к судебному исполнителю. И он умер бы там со скуки, если бы не нашел себе развлечения в том, что подмечал смешные черты посетителей, часто бывавших у его хозяина. Потом он стал продавать книги, и родители его решили, что уж на этом он непременно «сколотит себе состояние».

Однако, у юноши были совсем иные намерения. Ночами при свете свечи, когда все уже спали, он с увлечением рисовал гротескные портреты людей, поразивших его воображение днем. Он пытался также рисовать виньетки на романсах, и однажды его друг, занимавшийся литографией, приобщил его к секретам этого модного в ту пору ремесла. На следующий день он продал свою первую гравюру нотному издателю. В связи с такой удачей родители Оноре смирились с его призванием.

В 1830 году, после трех славных дней он отдал свой первый рисунок в редакцию сатирической газеты «Карикатура», которая была основана Филиппоном. Будучи ярым республиканцем, Домье сразу же принялся нападать на короля Луи-Филиппа. Два года спустя в газете была опубликована следующая заметка:

«В тот момент, когда мы пишем эти строки, на глазах у отца и матери арестовывают Оноре Домье, их единственного кормильца. Он приговорен к шести месяцам лишения свободы за то, что в карикатурном виде в образе Гаргантюа изобразил короля».

На этой карикатуре король пожирал огромный бюджет, который ему подносили на блюде министры, а из «внешнего отверстия» у него потоком сыпались награды, дипломы, маршальские жезлы и так далее.

Выйдя из тюрьмы, Домье, естественно, вновь стал сотрудничать с газетой «Карикатура», в редакции которой он познакомился со всеми знаменитостями Парижа: Грандвилем, Анри Монье, Травье и т. д. Именно здесь Бальзак дал ему совет: «Если хочешь преуспеть, делай долги!»

* * *

Метод работы Домье был довольно любопытным. Прослонявшись весь день по улицам Парижа, вечером он закрывался в своей мастерской и изображал тех людей, которых видел днем. Его карандаш послушно изображал то, что запечатлелось у него в памяти. Однажды в Вальмондуа он вдруг вышел из дома и сказал одному из своих приятелей, игравшему в мяч около его дома:

- Черт возьми, я никак не могу нарисовать утку... А мне это просто необходимо.

- Это проще простого, пойдем к реке и посмотрим.

Когда они пришли к реке, Домье долго смотрел на уток, резвившихся в воде.

— Дать тебе блокнот и карандаш? - предложил приятель.

Домье, улыбаясь, покачал головой:

- Да нет, спасибо, ты же знаешь, что я не умею рисовать с натуры.

И он возвратился в мастерскую. На следующей неделе в газете был помещен рисунок за подписью «О. Д.» Утки на нем были как живые.

Чтобы изобразить политических деятелей, он шел в Палату пэров, взяв с собой глину, и там лепил маленькие бюстики, с которых потом и рисовал карикатуры.

* * *

Домье редко сам придумывал сюжеты для своих карикатур. Каждый вечер подвыпившие редакторы подбрасывали ему идейки, которые он послушно и мастерски воплощал в жизнь... И вряд ли этот мягкий и обаятельный человек стал бы столь безжалостным карикатуристом, если бы Филиппон постоянно не подстрекал его.

Кстати, именно Филиппон и его друзья придумывали текст к рисункам Домье — зачастую пошловатый. Сам же художник считал, что в этом нет необходимости.

- Текст не нужен. Если мой рисунок не говорит сам за себя, значит он никуда не годится. От текста он не становится лучше. Если карикатура удачная, то и так все ясно,— говорил он.

Когда Домье приносил в редакцию журнала литографию, на которой, например, были изображены два беседующих буржуа, все сотрудники сбегались посмотреть на нее и долго обсуждали, о чем бы они могли говорить.

В конце концов кто-то находил «нужные слова», и лишь тогда рисунок отправляли в типографию...

Такого рода суета была не по душе Домье, как и многолюдные светские салоны. Он предпочитал одиночество и чувствовал себя в своей тарелке лишь в мастерской наедине со

своей трубкой, карандашами и кистями. Домье мечтал стать живописцем. И если судить по нескольким картинам, оставшимся после его смерти, он, вероятно, стал бы одним из самых великих художников своего времени, если бы не посвятил себя целиком и полностью журналистике.

Возможно, его произведениями и заинтересовались бы богатые коллекционеры и он смог бы отказаться от работы в газетах, дававшей ему средства к существованию. Но он ничего не смыслил в делах. Однажды Добиньи, зная, в каких стесненных обстоятельствах находится Домье, в письме известил его о том, что к нему зайдет один американский коллекционер, и предупредил, что тот покупает только дорогие картины.

Несколько дней спустя американец действительно пришел в мастерскую художника и, выбрав одну из картин, спросил:

— Сколько?

Покраснев от смущения, Домье пробормотал:

— Пять тысяч франков.

— Беру,—сказал коллекционер.— А эта?

Холодный пот выступил у Домье на лбу, решимость покинула его, и после долгих колебаний он, наконец, выдавил из себя:

— 600 франков.

— Нет, я раздумал,— сказал американец и ушел, чтобы больше уже никогда не вернуться.

Над отсутствием коммерческой жилки у Домье подтрунивал Курбе.

— Этот мечтатель никогда ничего не добьется,— говорил он.

Курбе был прав. Домье был действительно неисправимым мечтателем. Однажды Бальзак сказал о нем: «В Домье живет душа Микельанджело». А тот написал в ответ: «Добродушны многие, но только вы способны всегда оставаться таковым».

ТАК БУДЕТ ЛИ КАНОНИЗИРОВАН ЭТОТ ПРОКЛЯТЫЙ ДОН ЖУАН?

— Добрый день, преподобный отец, что вам угодно?

— Я хотел бы украсить часовню, куда ходят исповедоваться молодые особы, статуями Святого Иосифа и Дон Жуана.

— Хорошо, преподобный отец.

Может быть, когда-нибудь такой диалог можно будет услышать в одном из кварталов Сен-Сюльписа в магазине, где продаются предметы культа.

Ватикан действительно уже в течение нескольких лет рассматривает обоснованность предложения канонизировать Дон Мигеля де Манара, более известного под именем Дон Жуана, жившего в XVII веке и соблазнившего 1003 женщины...

Не будучи искушенными в теологии, вы вправе спросить, неужели достаточно предаваться безудержному разврату, чтобы затем попасть в святые? На самом же деле Дон Мигель искупил ошибки молодости 32 годами праведной жизни, над чем следует призадуматься.

История этого соблазнителя — его не следует путать с легендарным Дон Жуаном, вдохновившим Тирсо де Молина и Мольера — удивительна.

Дон Мигель де Манара родился в Севилье в 1627 году и уже в 14 лет почувствовал, каково его предназначение в этой жизни. Посмотрев спектакль по пьесе Тирсо де Молина, он со спокойной уверенностью заявил: «Я буду Дон Жуаном», как другой ребенок сказал бы: «Я буду архитектором или моряком». Не откладывая дела в долгий ящик, он решил набить руку в этом ремесле. Ему, как истинному конкистадору благородных кровей, необходим был блестящий дебют.

Пробный удар, нанесенный им, был ударом настоящего мастера... Он отбил любовницу у архиепископа Севильи. Из этой первой связи он почерпнул столько сведений, сколько никогда не получил бы от общения с доступными женщинами легкого нрава.

Затем он обратил свой взор на замужних женщин, которые были без ума от его речей, смелости и филигранной техники. Если какой-либо обманутый супруг проявлял свое недовольство, Дон Жуан пронзал его шпагой и таким образом устранял досаждавшую помеху.

Всячески стараясь быть достойным своего идеала, Дон Мигель не отступал ни перед какими опасностями. Однажды он назначил молодой особе свидание ночью в охотничьем домике и предупредил об этом ее брата. Тот, решив убедиться, не простое ли это бахвальство, подошел к двери спальни и стал подслушивать. Узнав голос своей сестры, он стал поносить Дон Мигеля на чем свет стоит, однако ему пришлось подождать конца свидания. По доносившимся из-за двери характерным вздохам и стонам он мог догадаться, что там происходит. Вскоре Дон Мигель вышел с обнаженной шпагой в руке, убил брата и спокойно возвратился домой.

Благодаря своим подвигам он прославился в Севилье и вскоре все стали называть его «Дон Жуаном».

Говорили, что он притягивает к себе женщин сильнее, чем магнит железо.

Но однажды с ним произошла такая же история, как и с легендарным Дон Жуаном. В то время, когда он пришел на свидание к целомудренной Донье Терезе, в спальню ворвался отец с факелом в руке. Дон Мигель вскочил с постели, схватил свою шпагу. В неосвещенном коридоре завязался жестокий поединок. Старик яростно отстаивал честь своей дочери, но Дон Мигель сразил его ударом в сердце и скрылся.

На сей раз дело было слишком серьезным, чтобы родители молодого человека могли уладить его. Отец Доньи Терезы был главой могущественного андалузского рода, и сам король приказал наказать виновника его смерти. Дон Мигель вынужден был бежать из Испании. Сначала он скрывался в Италии, а затем в Голландии, где очень быстро раскрыл секрет очарования фламандок.

Во время войны против Голландии он вступил в испанский полк, где отличился беспримерной храбростью и был представлен к награде. О проявленной им доблести стало известно в Севилье, и по приказу короля Дона Мигеля перестали преследовать. Таким образом, он смог возвратиться на родину.

Едва приехав в Испанию, он нашел новый способ покорять прекрасных испанок: он участвовал в корридах и за ним утвердилась слава отважного и ловкого тореадора.

Однажды он серьезно заболел, чему несказанно обрадовались все мужья Андалузии. Но вопреки ожиданиям Дон Мигель

выздоровел. Как говорили в ту пору, ему удалось обмануть саму смерть.

Дон Мигель отнюдь не был легкомысленным мотыльком, беззаботно перелетавшим с цветка на цветок, как принято считать.

Он действовал весьма методично. У него был составлен список его «жертв», а также список их мужей или любовников, против фамилии каждого указывалось его социальное положение. Там были представлены все слои общества. А список мужских имен возглавлял сам папа.

Дело было так: во время своего пребывания в Италии Дон Мигель совратил красавицу флорентийку, к которой, как говорили, благоволил Его Святейшество...

Следующим в списке шел император. Как писала одна из биографов Дон Мигеля мадам Ван Лоо, в списке с беспощадной точностью чередовались имена священников, принцев, герцогов, маркизов, графов, шевалье, буржуа и простых ремесленников.

«Против фамилий некоторых дам не стояли мужские имена. Это были фамилии тех невест, в отношении которых Дон Мигель воспользовался правом первой ночи»,— писала она.

По числу совращенных женщин и методичности Дон Мигель быстро превзошел свой идеал. Для полноты картины он записывал некоторые пикантные подробности, которые делали его любовные свидания не похожими одно на другое. Таким образом, он знал, где уже побывал и кого осчастливил... Однажды вечером, перечитывая свой «список», Дон Мигель обнаружил, что не одарил любовью ни одну из своих родственниц. Его сестры были монахинями в монастыре, устав которого был столь суров, что Дон Мигелю пришлось отказаться от своей затеи проникнуть туда. Тогда он решил заняться одной из своих тетушек, но тут вспомнил о существовании сводной сестры по отцу, которая жила на Корсике.

На следующий день Дон Мигель был уже там.

Девушка вскоре была покорена красавцем-андалузцем, назвавшимся другом ее сводного брата. Когда она была уже готова уступить, Дон Мигель открылся ей, движимый чувством утонченного садизма. Какая была бы победа, если бы девушка согласилась продать душу дьяволу! До чего же сладок был бы этот смертный грех! Но девушка с негодованием оттолкнула его. Дав ему пощечину, она стала кричать и подняла на ноги весь дом. На крик прибежал хозяин. Дон Мигель убил его. Убегая, он убил еще и преследовавшего его слугу.

Эта первая неудача положила начало целому ряду событий, до глубины души поразивших молодого распутника.

Отправившись однажды ночью в монастырь со своим оруженосцем, чтобы похитить оттуда монахиню, которая, впрочем не особенно возражала (такого рода святотатства еще не было в списке его деяний), он услышал, что в часовне отпевают усопшего. Из любопытства он зашел туда. Но оказалось, что в часовне никого нет. Не успел Дон Мигель сделать несколько шагов, как на голову ему обрушился удар такой силы, что он потерял сознание. Прийти в себя ему помог его оруженосец. Внезапно оба явственно услышали голос, от которого у них зашевелились волосы:

— Несите гроб, он мертв!

Насмерть перепуганные, они пустились наутек, отказавшись от своего замысла.

С этого момента Дон Мигеля начинают преследовать видения. Однажды он услышал, что с балкона его зовет девушка. Поднявшись по веревочной лестнице, он обнаруживает, что в комнате нет ни одной живой души, стены затянуты черным крепом, а посреди в гробу лежит скелет, в изголовье которого горят свечи.

Дон Мигель на грани помешательства. Но тут он встретил Донью Иерониму—единственную женщину, которую полюбил по-настоящему. Он женился на ней и счастливо прожил в браке 13 лет.

Вся Севилья была поражена. Дон Жуан стал благоразумным. Дон Жуан стал преданным мужем... На самом же деле Дон Жуан впервые за всю свою жизнь встретил любовь, которую так страстно искал. Внезапно Донья Иеронима умерла, и у раздавленного горем Дон Жуана опять появляются галлюцинации. Его неотступно преследует мысль о смерти. Ему видятся его собственные похороны. Однажды вечером в церкви он замечает вдруг женщину, которая напоминает ему Донью Иерониму. Он бежит за ней, окликает, женщина оборачивается, и Дон Жуан к ужасу своему видит, что из-под мантильи на него смотрит усмехающийся скелет.

Чтобы обрести покой, он хочет уйти в монастырь, но его исповедник против этого:

— Вы кипучая натура, жизнь созерцателя не для вас.

И тогда с такой же страстью, с какой он раньше предавался разврату, Дон Мигель начинает заниматься благотворительностью: помогать бедным, создавать приюты, собирать пожертвования, ухаживать за больными, помогать монастырям.

Сделав для Испании то, что Святой Винсент де Поль сделал для Франции, он подрывает здоровье и умирает в возрасте 52 лет,

окруженный любовью и уважением всей Испании.

Он похоронен в часовне монастыря. По его просьбе на надгробии сделана следующая надпись: «Здесь покоятся останки худшего из людей, какие только были в мире. Молитесь за него!».

Вскоре после смерти Дон Мигеля около его могилы стали происходить чудеса, и 16 июля 1680 года братья де ля Каридад обратились к Святому Престолу с просьбой о канонизации.

Десять лет изучался этот вопрос. Наконец, папа дал свое согласие на то, чтобы Дон Мигеля стали называть преподобным. Это стало первым шагом на пути причисления его к лику святых.

Сегодня же этот вопрос вновь стоит перед Ватиканом, и, возможно, вскоре женщины смогут молиться новому святому, который будет внимать им с особой нежностью, а порой — кто знает — немного меланхолично.

* * *

История первого Дон Жуана — Дон Жуана Тонорио, послужившего образцом для подражания Дон Мигелю,— несомненно, не менее интересна. Посему-то он и стал легендарной личностью. Приведу ее вкратце: «Дон Жуан родился в Севилье в середине XVI века. От своего дяди, кавалера Ордена Подвязки, он узнал секрет, как нравиться женщинам, которым он и не замедлил воспользоваться с самых юных лет и с легкостью злоупотреблял им в дальнейшем.

В отношении женщин с его стороны не было никакой дискриминации: соблазнив в Андалузии всех знатных дам, служанок, крестьянок, монахинь и настоятельниц монастырей, он уехал оттуда и принялся путешествовать, оставляя везде безутешных дам. После посещения им какого-либо города у большинства представителей сильного пола вырастали рога. В Париже его искусство адюльтера достигло вершин.

Узнавая о предстоящих свадьбах, Дон Жуан, будучи услужливым по натуре, накануне бракосочетания навещал невесту и «готовил ее к замужеству». Предпочтение, впрочем, он отдавал девушкам 15—16 лет.

Как правило, Дон Жуан не оставлял времени своим возлюбленным для того, чтобы те наставляли ему рога. Однако одной из них — Гадеа Лесмис де Валлехо — все-таки удалось обмануть его. Соперником Дон Жуана стал итальянский художник с внешностью Христа по прозвищу Монах. Придя в ярость от того, что оказался в совершенно несвойственном ему положении, Дон Жуан убил художника ударом шпаги, забальзамировал тело, положил его в сундук и в монашеском облачении постучался с этой ношей в ворота монастыря в Бургосе.

- Братья. - сказал он монахам, передавая сундук, - я прибыл к вам издалека и привез мощи отшельника из Тебаида, прожившего жизнь в святости. Мечтой всей его жизни было, чтобы его, как Христа, распяли на кресте.

Осенив себя крестным знамением, монахи на радостях предложили Дон Жуану разделить с ними трапезу.

Спустя некоторое время итальянский художник превратился в «Пресвятого Кристо» и стал святой реликвией в соборе Бургоса, куда вереницей потянулись паломники. Дон Жуан в своем богохульстве дошел до того, что распустил слух, будто «отшельник» был покровителем влюбленных. Со всех уголков Италии в Бургос стали приходить молодые люди, чтобы преклонить колени перед забальзамированным телом несчастного возлюбленного красавицы Гадеа.

Однако вскоре Дон Жуан совершил оплошность. Выдав себя за своего друга Де ля Мота, он проник однажды вечером в спальню дочери губернатора Анны Дуллоа. Молодая особа начала сопротивляться и в испуге стала звать на помощь отца, который не замедлил появиться. Мужчины скрестили шпаги, и Дон Жуан убил губернатора.

Легенда гласит, что статуя покойного через несколько месяцев отомстила Дон Жуану, раздавив его».

* * *

У Дон Мигеля, который был образцом для совратителей во все времена, было много последователей. О некоторых из них, наиболее известных, которых побаивались мужья и перед которыми трепетали их жены, я хотел бы рассказать вам.

Красавец Франсуа де Бассомпьер был родом из Лотарингии. С юных лет его влекло к женщинам. Когда же он стал разделять с Генрихом IV его развлечения, эта тяга переросла в настоящую страсть. Добропорядочные люди обвиняли его в том, что «от него не стало житья».

Правильные черты его лица, мощный подбородок, борода и усы а ля Ришелье чрезвычайно нравились женщинам.

Сначала его возлюбленной была Жюльена-Ипполита д'Эстре, сестра красавицы Габриэли. Потом он стал любовником Мари д'Антраг, сестры Генриетты д'Антраг, новой фаворитки Генриха IV. Таким образом, Франсуа де Бассомпьер в некотором смысле всегда был родственником короля.

Злые языки утверждали, что их родство было гораздо ближе, поскольку Бассомпьер очень долго был любовником королевы Марии Медичи.

Это, конечно, трудно проверить, но со всей определенностью можно сказать, что по отношению к ней он позволял себе

вольности. Однажды в ответ на слова королевы: «Я хотела бы одной ногой быть в Сен-Жермене, а другой в Париже», он заметил: «А я хотел бы очутиться в Нантере», то есть как раз посередине.

Столь фривольный комплимент наводит на мысли, что между ними все-таки была определенная близость.

У Бассомпьера, бывшего по натуре настоящим Дон Жуаном, было множество связей с женщинами. Однако он сохранял «верность» Мари д'Антраг, которая в итоге родила ему ребенка.

Поскольку Бассомпьер обещал жениться на ней, но не сдержал своего слова, она подала на него в суд. Однако неосвященный союз двух любовников привел в негодование судей.

— И хватает же наглости у этой особы, которая, окунувшись в разврат, утратила свою честь, взывать к правосудию,— заявил один из них.— Неосвященный брак — это безудержная похоть, блуд и воровство.

Процесс продлился несколько месяцев, и Бассомпьер извлек из этого хороший урок: никогда не следует раньше времени давать обещаний жениться.

Впрочем, он был не слишком высокого мнения о прекрасной половине человечества. Однажды, когда при нем восхваляли женскую добродетель, он весьма дерзко заметил:

— Трудно сохранить сокровище, когда ключ от ларчика есть у всех мужчин.

Став маршалом при Людовике XIII и женившись на принцессе де Конти, Бассомпьер тем не менее не перестал искать развлечений на стороне. В Бастилии, куда он был заключен по приказу Ришелье и где провел 12 лет, он сжег более шести тысяч любовных писем, поскольку эти страстные послания могли бы скомпрометировать самых знатных дам королевства.

Бассомпьер умер в 1646 году, вскоре после того, как вышел из Бастилии, где он все же нашел способ совратить красавицу Мари д'Эстурнель, заключенную туда по подозрению в заговоре.

* * *

Маршал Ришелье (правнучатый племянник кардинала) был, как говорят, негодяем и самым гнусным из любовников. Но женщины прощали ему все — его жестокосердие, испорченность —за некоторые достоинства, скрытые от глаз людских...

Один из его друзей писал, что «в течение 60 лет он был покорителем женских сердец, и тех, кто устоял перед его чарами, можно пересчитать по пальцам».

Справедливости ради следует заметить, что женщины в XVIII веке не слишком заботились о своей добродетели. В числе

любовниц маршала была герцогиня де Берри, которая, как утверждают, превзошла саму Мессалину.

Отправляясь на свидания, которые он назначал в трактирах или церквах Парижа, Ришелье с легкостью принимал обличье лавочника, нищего, судейского чиновника или крестьянина. Все свое время он тратил на светский адюльтер и мог бы написать на эту тему целый трактат...

Когда ему нравилась какая-то замужняя дама, он сразу же снимал дом по соседству, по его указанию мастер проделывал в стене ход, через который в отсутствие мужа он наносил визиты своей избраннице и возвращался к себе, не вызывая подозрений. В шутку он называл такой ход «отверстие мадам». Об этих подробностях мы узнали благодаря современнику Ришелье де Безанвалю.

Маркиза де Нель и маркиза де Полиньяк в драке из-за него пустили в ход ножи. Он получал сотни писем от женщин и, не читая, бросал их в ящик секретера. После его смерти был найден огромный пакет, перевязанный бечевкой, на котором было написано: «Письма, которые мне было некогда прочитать».

Когда его заключили в Бастилию, немало женщин проливали по нему слезы. Рассказывают, что двум принцессам, более отважным — или более нетерпеливым,— чем другие, удалось однажды проникнуть в крепость и провести с ним ночь. Ришелье были разрешены ежедневные прогулки. Когда он появлялся на площадке одной из башен, на улице Сент-Антуан скапливалось столько карет, что невозможно было проехать. Из-за каждой занавески на него были устремлены горящие взоры. А красавец-узник, завитой и напомаженный, отвечал на приветствия дам, долго махавших ему платками, легким наклоном головы.

Хотя Ришелье знал цену женской верности, он тем не менее трижды был женат. Правда, к изменам он относился весьма снисходительно. Застав однажды свою вторую жену со своим оруженосцем, он спокойно сказал ей:

— Мадам, представляете, в каком неловком положении вы могли бы оказаться, если бы в комнату вошел кто-нибудь другой...

Несколько лет спустя Ришелье овдовел и подумывал о женитьбе на мадемуазель де Гиз, но держал свои планы в секрете. Как раз в это время к нему пришел наниматься на службу его бывший оруженосец. Маршал хладнокровно спросил его:

— Откуда вы узнали, что я вновь решил вступить в брак?

Этот остроумный Дон Жуан имел продолжительную связь с мадам де ля Попелиньер. Однажды ее супруг не без помощи ловкача Вокансона обнаружил в стене «отверстие мадам»,

благодаря которому его голову уже несколько лет украшали ветвистые рога. Он выгнал неверную жену и решил жениться вновь, чтобы положить конец пересудам. Однако этому несчастному решительно не везло в жизни. Вторая его жена тоже имела любовника. И какого!.. Его имя было Казанова!

* * *

Казанова! Никого женщины не любили так сильно, как его. Он родился в Венеции 2 апреля 1725 года в семье итальянских комедиантов. В 16 лет он стал семинаристом. Это, однако, не помешало ему начать карьеру покорителя дамских сердец. Он был влюблен в молодую девушку по имени Анжела, но она не отвечала ему взаимностью. Тогда он поведал о своих печалях подружкам Анжелы Нанетте и Мартоне. Две плутовки заманивают Казанову в спальню под предлогом, что ночью туда должна прийти Анжела. В полночь, устав от ожиданий, вся троица «по-дружески» укладывается в постель. Но Казанова не был бы Казановой, если бы не проявил галантность в отношении подружек своей возлюбленной и не оценил бы по достоинству их сокровища...

Это блестящее начало вселило в него уверенность и пробудило вкус к подобным развлечениям. Ему в голову пришла мысль, что придется, вероятно, отказаться ог карьеры священнослужителя ради карьеры соблазнителя.

Некоторое время спустя он совратил одну за другой двух монахинь и племянницу кюре. Видимо, сказались его вкусы семинариста.

Вскоре каждая женщина стала вызывать в нем волнение, и у него крепла мысль, что он способен соблазнить любую. При виде красивой девушки его охватывала дрожь. Однажды друзья предупредили его, что родственнице одного из них придется провести с ним ночь под одной крышей. Это сообщение так взволновало его, что у него носом пошла кровь. Кровотечение удалось остановить лишь через 15 минут.

Его экстравагантное поведение вскоре обратило на себя внимание инквизиции, в соответствии с решением которой он был заключен в венецианскую тюрьму. 15 месяцев спустя ему удалось совершить дерзкий побег. Он укрылся во Франции, где его сразу же окрестили Атлетом Венеры.

В своих мемуарах он не описывал в подробностях свои любовные похождения, как правило, ограничиваясь фразой: «...и тогда природа заговорила в нас».

Правда, следует заметить, что в ту пору природа была излишне говорливой...

На склоне лет Казанова уединяется, начинает осмысливать

прожитое и вскоре создает себе репутацию блестящего философа. Слава его столь велика, что в 72 года он получает письмо от одной молодой особы из Венгрии, в котором та простодушно предлагает ему стать... ее наставником. И он со всей серьезностью принимает это предложение.

* * *

У Шатобриана донжуанство приобретает романтическую окраску. В 24 года по возвращении из Америки он похищает — конечно же, при свете луны — молодую Селесту Бюиссон де ля Винь. Ей первой было суждено узнать его коварство.

Сразу же после женитьбы он забывает о ней и уезжает в Англию. Там он весьма успешно разъясняет многим англичанкам истинный смысл французского слова «флиртовать» .

Возвратившись в Париж, Шатобриан публикует поэму «Атала» и благодаря ей становится знаменитостью. Появляется множество поклонниц его таланта. Самых хорошеньких он делает своими любовницами. К этому методу он будет прибегать всю свою жизнь. После утонченной мадам де Бомон, которая проехала всю Францию, чтобы умереть в его объятиях в Риме, его благосклонностью пользовались мадам де Кюстин, мадам де Кастеллян, мадам де Дюра, мадам Рекамье и многие другие...

В какой-то момент он вдруг вспоминает о своей жене, возвращается к ней, и супруги поселяются опять вместе в замке

«Долина волков», где он пишет поэму «Страдания». Чета ведет, похоже, размеренный образ жизни. Шатобриан работает в отдельном флигельке, находящемся в глубине парка. Он работает ночи напролет и возвращается под утро в замок бледный и разбитый. Простодушная мадам Шатобриан журит его и укладывает спать. Так продолжается до тех пор, пока она не узнает, что за флигелем находится калитка, через которую поклонницы поэта проникают в кабинет «затворника». И тогда ей становится ясно, почему супруг так устает.

— Я прихожу в ужас, когда подумаю, что он имел наглость называть это вдохновением,— говорила она.

В 67 лет Шатобриан, посол и пэр Франции, еще прогуливался по Елисейским полям со своей молодой любовницей Гортензией Аллар.

В 80 же, будучи вдовцом, поэт, наполовину парализованный, предложил мадам Рекамье, ослепшей к тому времени, стать его женой. Но она отказала ему... Шатобриан не смог пережить этого удара и несколько недель спустя умер.

* * *

Альфред де Мюссе признавал, что «ему влюбиться так же легко, как схватить насморк». Поэтому можно сказать, что он

постоянно был «простужен».

В четыре года он влюбился. Когда родители ему сказали, что предмет его воздыханий его кузина, он радостно воскликнул: Она моя! Она будет моей всегда!

После чего заявил, что хочет на ней жениться. Правда, этому проекту не суждено было сбыться.

Позднее он «схватывал насморк» с гризетками (одна из них послужила ему прообразом Мими Пинсон), актрисами, светскими дамами...

Но Мюссе - это не Казанова. Дитя своего века, он любил женщин высокопарно, романтически. Ему были необходимы рыдания, стенания, душераздирающие расставания, ночи в одиночестве, чтобы упиваться своими страданиями и черпать в них вдохновение. Как мы далеки от столь милого распутства наших предков! Жан-Жак Руссо сделал свое дело.

Мюссе, неуравновешенный, чувствительный, дерзкий, обидчивый, обладал всеми качествами, необходимыми для того, чтобы понравиться писательнице, такой же исступленной, как и он сам.

Его любовь к Жорж Санд — это нескончаемая вереница неистовых криков, страстных поцелуев и звона разбитых тарелок. Они писали друг другу удивительные письма. Однажды Мюссе написал ей: «Мне кажется, что я запечатываю не письмо, а сердце. Я чувствую, как оно сжимается и перестает биться».

В страстном порыве она ему тут же ответила: «Хочешь, умрем вместе?».

Они часто ссорились. Нередко их ссоры заканчивались потасовками, и он бегал за ней с ножом. На следующий день в знак примирения она присылала ему в черепе прядь своих волос.

Такова романтическая любовь. Когда Жорж Санд бросила его, переключив свое внимане на Пагелло, он постарался забыться в объятиях Рашели, затем принцессы Бельжиожозо. Наконец, Мюссе познакомился с сестрой Малибрана, прекрасной Полеттой Гарсиа. Он в очередной раз «схватил насморк» и заявил, что был бы не прочь скрестить «с ней шпаги».

После нескольких «дуэлей» Мюссе бросает красавицу Полетту. Он, разумеется, в отчаянии и ищет утешения на сей раз у мадам Аллан, актрисы, ставшей через некоторое время такой дородной, что в одном из стихотворений он сравнивает ее с бочкой. По правде говоря, это не делает чести поэту...

В 40 лет у Мюссе ухудшается здоровье, он начинает пить. И в возрасте 47 лет умирает...

* * *

Бравый генерал Буланже — светловолосый, голубоглазый, в

восхитительном мундире и треуголке с белыми перьями — был просто создан для того, чтобы стать покорителем дамских сердец. Стоило ему появиться на вороном коне на параде в Лонгшане, как вся Франция была у его ног.

Поклонницы писали ему страстные письма. Ему назначали свидания. Его обожали. Его умоляли ответить... Некоторые письма были столь откровенными, что генерал был вынужден отказаться от услуг своей дочери, исполнявшей обязанности секретаря. Он отвечал на страстные мольбы некоторых дам, пока не встретил Маргариту де Боннемен 28 лет от роду. Она была белокура, элегантна, и генерал без памяти влюбился. С прежним донжуанством было покончено.

Тот, в ком во Франции, уставшей от политических скандалов, видели спасителя и учителя, вдруг превратился в юнца, который, не задумываясь, перелезает через забор, окружавший казарму в Клермоне, чтобы увидеться со своей возлюбленной.

Если он не видел мадам де Боннемен, то погружался в глубокую печаль. Хозяйка гостиницы, где любовники находили себе приют, рассказывала однажды, как обезумевший от горя генерал (мадам де Боннемен не пришла на свидание) шагал по комнате из угла в угол, громко стеная и рыдая. Не в силах совладать с собой, он бился головой о стену.

Тягостное зрелище, которое, правда, немало потешало его солдат...

Когда Маргарита де Боннемен умерла от туберкулеза на руках своего любовника, им завладела одна мысль: соединиться с ней в мире ином как можно скорее. Два с половиной месяца спустя генерал Буланже, приведя в порядок свои дела, покончил с собой на могиле своей возлюбленной.

* * *

Габриель Д'Аннунцио был лыс. У него не было ни бровей, ни ресниц, а ладони были влажными и холодными, как лягушки. Несмотря на это, он пользовался бешеным успехом у женщин. Несколько старомодное великолепие этого невысокого человечка с глазами цвета морской волны, который объезжал свои владения нагим на белом коне и который, чтобы снискать расположение возлюбленной, покупал ей у цветочницы целую корзину цветов и впереди которого во время прогулки бежала целая дюжина борзых, ослепляло женщин.

Между тем, он обращался с ними довольно бесцеремонно. Однажды после весьма непродолжительного любовного романа — он длился всего лишь двое суток — Д'Аннунцио отправил назад к мужу наскучившую ему молодую ветреницу из хорошего общества. Вместе с блудной женой незадачливый муж получил

записку довольно оскорбительного содержания.

Д'Аннунцио отнюдь не был скромным, он любил похвастать своими любовными победами, и в течение 20 лет свет мог следить за всеми перипетиями его бурной связи с великой трагической актрисой Элеонорой Дузе. Д'Аннунцио сто раз бросал бедняжку, обожавшую его, возвращался к ней, но в конце концов между ними произошел окончательный разрыв. После этого она не нашла в себе сил показываться на публике и оставила сцену. Он же как ни в чем не бывало продолжал покорять сердца женщин. Ухаживая одновременно за 10-15 дамами, он немало потешал почтовых служащих в Аркашоне, где проводил отпуск, отправляя десяти различным адресатам телеграммы, заканчивавшиеся одинаково: «Единственная моя. Габриель».

Он так сильно любил женщин, что его страшила старость. Когда Колетта сказала ему, что его старший сын Габриелипо хорош собой, он с горечью ответил:

— Я знаю. Я заметил это однажды по глазам одной моей возлюбленной.

Поэт, писатель, солдат (во время первой мировой войны он был летчиком и в одном из боев лишился глаза), Д'Аннунцио был самым знаменитым любовником своего времени. Он умер в 1938 году в возрасте 75 лет. По его завещанию в гроб положили три игральные кости. «Для того, чтобы я мог бросить вызов судьбе»,— говорил он.

* * *

Изобретение братьев Люмьер породило новый вид Дон Жуана — Дон Жуана кинематографического. Того, кого любят, зная лишь по экрану, того, кто, не прилагая никаких усилий, покоряет два-три миллиона сердец в год. Самым великим кинематографическим Дон Жуаном был Рудольф Валентино. Этот итальянец родился одновременно с кинематографом — в 1895 году. Прежде чем стать актером, он сменил немало профессий: был садовником, гарсоном в кафе, водителем такси. Сразу же после появления на экране он стал пользоваться потрясающим успехом. У всех девушек висела в комнате его фотография. Из-за него уходили в монастырь, умирали от истощения, кончали с собой.

За свою жизнь он получил более 13 миллионов писем. Куда уж до него Бассомпьеру...

Между тем, Валентино, похоже, не был великим любовником. Жена бросила его на следующее же утро после брачной ночи...

Эта неудача не подорвала, однако, его престиж, и, когда он умер в одной из нью-йоркских клиник в 1926 году (ходили слухи,

что его отравил один ревнивый муж), несколько сотен поклонниц покончили с собой в надежде соединиться с ним на том свете.

* * *

Эта небольшая картинная галерея далеко не полна. Мне бы следовало добавить сюда портреты Ронсара, двух Лозанов, Ретифа ля Бретона, Тили, Мирабо, Ландрю, Генриха IV, Людовика XV, Наполеона I, Наполеона III и многих других. Короче говоря, всех соблазнителей, чья пылкость и необузданная страсть создала сильной половине человечества весьма лестную репутацию. Но это невозможно. Их было слишком много! Подобно фокуснику, Франция вытаскивает из всех рукавов и карманов властителей сердец...

РАСПУТНАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЯ ДАГОБЕРА

Жить в обществе трех будущих святых и обесчестить двенадцати лет отроду юную пастушку на опушке леса, согласитесь, куда менее банально, чем надеть штаны наизнанку.

Однако именно эта курьезная черта, достоверность которой, впрочем, не рискуют засвидетельствовать со всей определенностью, сохраняется в народной памяти о Дагобере. Чистая правда, что песенки, рассказывающие о забавной королевской рассеянности, были написаны более чем через тысячу лет после смерти этого государя, что вполне может извинить некоторые допущенные в них неточности.

И все же весьма прискорбно, что из-за этих песенок Дагобер для многих приобретает черты рассеянного комического персонажа, путающего лицо и изнанку.

В то время как существует иной аспект, способный куда в большей мере потрясти воображение читателей.

Я хочу рассказать о его страсти к распутничеству.

Поскольку этот король династии Меровингов был не только выдающимся политическим деятелем, которого Мишле без колебаний сравнивал с Людовиком XIV, но и достаточно живой и колоритной фигурой, чтобы можно было смело сравнивать его даже с Генрихом IV.

Вот несколько достаточно легкомысленных историй, которыми, как считается, был весьма недоволен по крайней мере один святой из ближайшего окружения короля — святой Элуа.

Однажды, когда Дагоберу было всего двенадцать лет, он в одиночестве охотился в лесах, окружавших Клипиакус (так тогда именовалось то местечко, которое впоследствии получило название Клиши). В тот день он встретил юную пастушку, чей вид привел его в приподнятое настроение, и увлек в чащу...

С тех пор молодой Дагобер почувствовал к этому вкус и стал уже по-новому смотреть на девушек, которые жили во дворце,

чтобы прислуживать Хлотарю II — его отцу — или же развлекать его.

Вообще же, надо сказать, Дагоберу было с кого брать пример, поскольку хорошо известно, что любовь к подобным развлечениям была присуща большинству представителей династии Меровингов. Не говоря уже о том, что и сам ее легендарный основатель появился на свет при весьма любопытных обстоятельствах, о которых стоит упомянуть.

Клодион, по прозвищу «Косматый», не имел детей, из-за чего жена его была безутешна. Но в один прекрасный день, когда ей посчастливилось прогуливаться по пустынному пляжу, неподалеку от устья Рейна, некий «дух моря» вышел из воды и овладел ею.

По крайней мере, именно такие объяснения она дала мужу, когда девять месяцев спустя произвела на свет сына. Ребенок был назван Меровеем...(начальный слог его имени по-французски значит «море» (*прим.перев.)*).

Позднее Хлодвиг, чье имя монахи писали по-латыни «Хлодовикус» или же «Людовикус», превратившееся впоследствии во французском языке в распространенное имя «Людовик», вел более умеренную жизнь.

Однако уже его сын Хлотарь прославился необыкновенным развратом. У него было до пяти жен (причем все считались более или менее законными), не считая многочисленных подружек на одну ночь. Кроме того, рассказывают, что он получал немалое удовольствие, убивая своих офицеров, у которых были симпатичные жены, чтобы после этого иметь возможность развлекаться с их вдовами.

Что же касается Хлотаря II — отца Дагобера, то он имел подле себя в королевской резиденции в Клиши жену — королеву Бертруду, любовницу — светловолосую Сишильду и множество прелестных девушек, искушенных в любовных играх.

И в некоторые дни ухитрялся удовлетворить их всех. И не единожды...

Не удивительно, что подобная наследственность подтолкнула Дагобера к столь беспорядочным любовным связям, что по сравнению с ними легендарные похождения Генриха IV кажутся наивными шутками.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он уже к тому времени успел «посетить» (осмелюсь назвать это так) всех симпатичных служанок во дворце.

Через некоторое время после этого он был послан Хлотарем в Грир с титулом короля Австразии. А вскоре получил от отца предписание жениться на Гоматруде — сестре Сишильды, то есть

сестре любовницы отца...

Уважая отцовскую волю, он подчинился и совершил путешествие из Трира в Клиши, чтобы отпраздновать свадьбу с обаятельной Гоматрудой. Мало заботясь о приличиях, он привез с собой и любовницу: юную крестьянку, которую нашел в лесу...

После свадьбы Дагобер не замедлил вернуться обратно в Австразию. На этот раз уже с двумя женщинами, которые сразу же возненавидели друг друга...

В один прекрасный день молодой король, измученный упреками королевы, надавал ей пощечин и отправился после этого воевать с саксами. Вскоре благое дело вновь вернуло ему отличное расположение духа.

Годом позже Хлотарь II умер, и Дагобер стал королем франков. Не медля, он перебрался в королевскую резиденцию в Клиши, сопровождаемый только одной Гоматрудой (его любовница умерла при родах за некоторе время до этого).

Святой Элуа, ювелир и казначей его отца, встретил Дагобера со слезами радости.

— О, мой король! — беспрестанно восклицал он.

И, переполненный эмоциями, больше сказать ничего не смог.

В Клиши тогда жил сводный брат Дагобера Калибер, которого родила Хлотарю прекрасная Сишильда. Опасаясь, как бы Калибер не захотел принять вместе с ним участие в дележе королевского наследства, новый государь замыслил его убить. (Надо сказать, что в семействе Меровингов это не было редкостью. Особенно, когда родственники начинали мешать).

Однако святой Элуа и королевский министр Дадон (впоследствии святой Оуэн) отговорили его от этого. Дагобер отправил Калибера в Тулузу с титулом короля Аквитании. Правда, опасаясь тем самым разрушить единство франкского королевства, он все же приказал верному другу убить его. Но это произошло только несколько лет спустя.

В двадцать шесть лет Дагобер почувствовал внезапное отвращение к королеве. Он открылся святому Элуа, который в ответ лишь вздохнул:

— О, мой король!..

Но в этот раз в его тоне можно было услышать слабые нотки осуждения.

— Я — государь! — в ярости вскричал Дагобер.— И, помимо всего прочего, уже нашел другую женщину. Ее зовут Нантильда. И я хочу на ней жениться.

Об этой Нантильде одни историки сообщают, что Дагобер впервые повстречал ее в Клиши, где она была одной из самых миловидных девушек во дворце.

Другие рассказывают об этой встрече по-иному.

Однажды, когда Дагобер слушал заутреню в монастыре Реюйи, он был очарован голосом одной из послушниц.

- Пусть ее немедленно приведут ко мне! — воскликнул король.

Ему представили Нантильду, обладавшую весьма соблазнительными формами.

— Я хочу ее, — сказал Дагобер, не привыкший скрывать свои чувства.

Отослав прочь остальных послушниц, проявлявших, с его точки зрения, излишнее любопытство, он немедленно «женился» на ней. А потом, оправив одежду, привел Нантильду в свой дворец.

Как бы там ни было, но Дагобер расторг брак с Гоматрудой и отправил ее в тот же самый монастырь Реюйи, на место Нантильды...

Затем молодой государь, имевший одну-единственную главную цель — сохранить и поддержать целостность своего королевства, отправился в предпринятую исключительно с политическими целями поездку к бургундцам. Его встречали с энтузиазмом.

В каждом городе Дагобер вершил правосудие, восседая на троне из чистого золота. Сильная любовь к справедливости заставляла его сурово и беспощадно карать изменников.

Как мы вскоре увидим, делал он это весьма оригинальным способом.

Когда кто-либо из подданных обманывал его или же какой-либо из графов оказывался причастен к одному из многочисленных заговоров, король приказывал привести к себе виновного, предварительно заверив, что не тронет и волоса на его голове.

Подданный простирался ниц перед троном.

— Встань на колени,— приказывал Дагобер,— и проси у меня прощения. После этого я не буду больше вспоминать о твоей измене.

Виновный, радуясь, что так легко отделался, преклонял колени и склонял голову. После чего Дагобер делал едва заметный знак и один из его верных телохранителей, гигант по имени Бертэр, бесшумно приближался.

Единым взмахом меча Бертэр отрубал изменнику голову; ловкость его была столь велика, что меч опускался на шею, не задев ни единого волоса...

И Дагобер был счастлив, что сдержал свое слово.

* * *

Впоследствии случилось так, что государь, которому исполнилось уже тридцать два года, почувствовал несколько меньшую привязанность к королеве Нантильде. К тому времени он добился благосклонности дочери чесальщика шерсти из Санли — юной блондинки по имени Рагнетруда —и поселил ее в королевском дворце в великолепных покоях.

Съев на ужин целую баранью ногу и вежливо поцеловав на ночь королеву, Дагобер отправлялся к юной девушке, прихватив с собой изрядный запас провизии.

— Пусть нас не беспокоят, чтобы ни случилось!— орал он и запирал за собой дверь.

И не выходил оттуда раньше, чем дня через три.

Будучи женщиной снисходительной, Нантильда молча смотрела на слабости короля, стараясь скрывать свою боль. Она даже приветливо вела себя по отношению к Рагнетруде, поскольку это было приятно Дагоберу.

И тот не оставался в долгу перед женой. Чтобы отблагодарить ее, он каждую вторую ночь спускался в ее покои, чтобы наградить ее своим обществом...

Этот весьма занятный распорядок не замедлил принести свои плоды. В один прекрасный день Рагнетруда произвела на свет сына, которого назвали Сигебертом.

Затем настала очередь Нантильды. Она тоже разрешилась от бремени сыном. Его окрестили Хлодвигом в честь славного предка.

Дагобер радовался, видя что все вокруг процветает и дела идут прекрасно. И, сделав надлежащие выводы, поселил во дворце третью свою женщину. Ее звали Бершильда.

Для того чтобы без помех свершить этот подвиг, ему пришлось, помимо всего прочего, преодолеть и враждебность святого Элуа, который вновь сказал, но на этот раз с гневом:

— О, мой король!

К тому же положение осложнялось тем, что Бершильда сама была замужем.

Поскольку Дагобер, будучи добрым христианином, не хотел впасть в грех прелюбодеяния с замужней женщиной, он приказал немедля убить мешающего всем мужа.

После этого, уже с чистой совестью, он явился, чтобы возлечь на ложе с Бершильдой.

И не появлялся на этот раз целых пять дней. После чего он отправился на охоту, во время которой с гордостью сказал своим друзьям:

— Вот теперь я ее знаю, как свой карман!

В конце концов, в 638 году Дагобер, потрепанный распутной

жизнью и уставший от тягот многочисленных войн, которые он вел, был унесен в могилу тяжелой лихорадкой. Он умер, не произнеся ни слова.

Поскольку легенды не могли этим удовольствоваться, они гласят следующее.

Когда король почувствовал, что умирает, он написал на своем смертном одре:

— Нет столь хорошего общества, которое в конце концов не хотелось бы покинуть. Прощайте...

* * *

Вот такую историю я хотел вам рассказать. И подумайте сами: услышав все это, ну как не пожалеть графа д'Эстурнеля, который избрал темой для своей песенки всего лишь историю с какими-то штанами? А какую отличную игривую песенку можно было бы сочинить! Вряд ли ее стали бы распевать молодые и неопытные девушки, но смею вас заверить, уж все студенты знали бы ее наизусть...